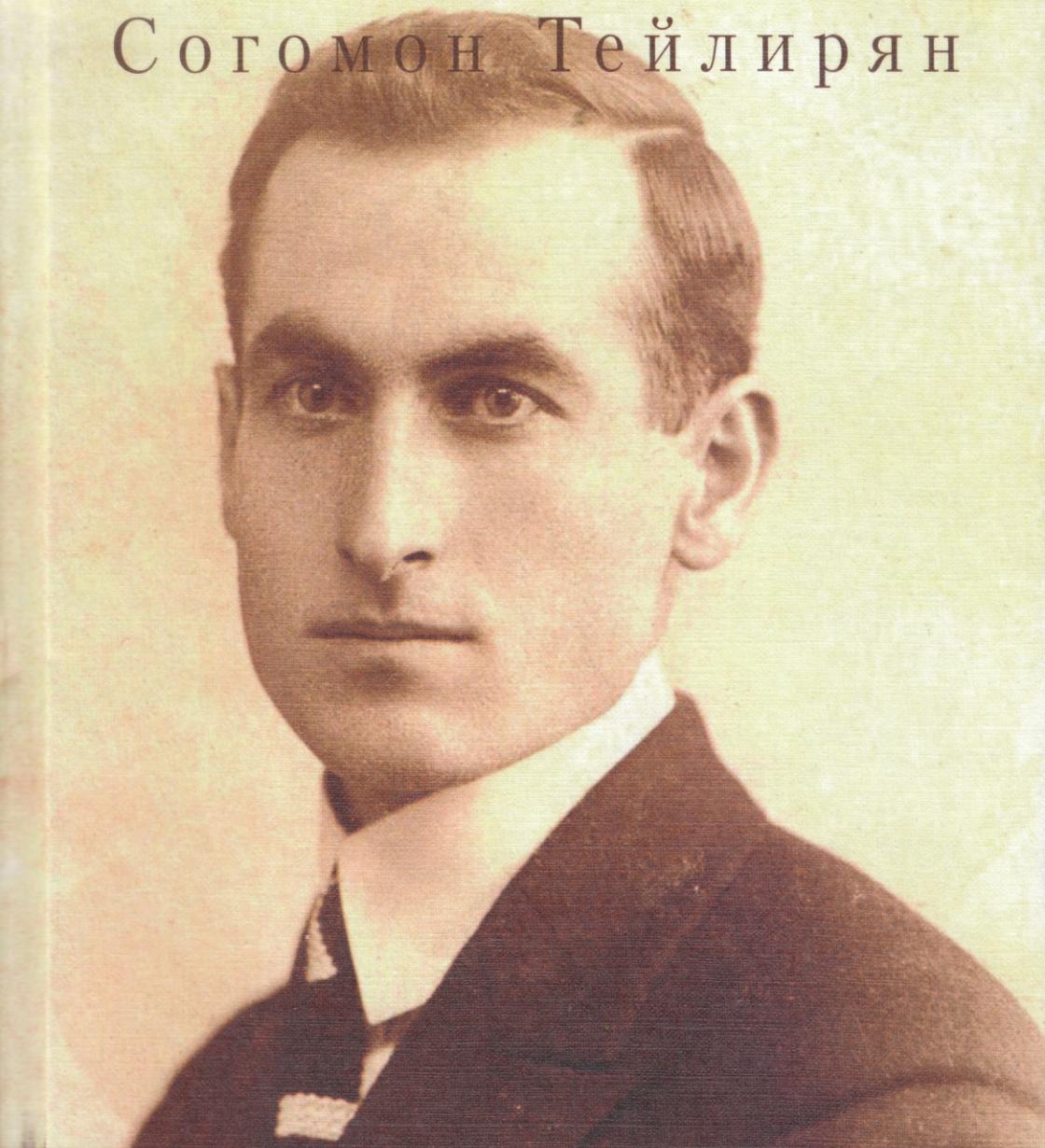

Согомон Тейлирян

**ПОКУШЕНИЕ
НА ТАЛААТА**

Согомон Тейлирян

ПОКУШЕНИЕ НА ТАЛААТА
Воспоминания

Записал Ваан Минахорян

Перевод с армянского Егора Сергиева

Москва
ИД «Ключ-С»
2011

УДК 94(560)''1915/1921''+ 94(=19)''1915/1921''+929Талаат
ББК 63.3(5Туц)5+63.35(Арм)5
Т30

Перевод осуществлен по изданию
«Расстрел Талаата: Воспоминания».

Выражаем благодарность всем, оказавшим помощь
и содействие в издании этой книги.

Тейлирян, С.

Т30 Покушение на Талаата : воспоминания / Согомон Тейлирян ; [записал В. Минахорян ; пер. с арм. Е. Сергиева]. — Москва ; Ключ-С, 2011. — 256 с. — 8 с. ил.

ISBN 978-5-93136-140-6

В книге воспоминаний Согомона Тейлиряна описаны события с 1915 года вплоть до покушения на Талаата-пашу и последующий судебный процесс в январе 1921 года в Берлине. Процесс, который оправдал Тейлиряна, ещё раз напомнив европейской общественности о беспрецедентном преступлении против человечности — геноциде армянского народа со стороны младотурецкого правительства Турции.

**УДК 94(560)''1915/1921''+
94(=19)''1915/1921''+929Талаат
ББК 63.3(5Туц)5+63.35(Арм)5**

Предисловие

к русскому переводу

В 1993 году в Армении впервые была издана книга воспоминаний Согомона Тейлиряна «Покушение на Талаата» в переводе с западноармянского на восточно-армянский язык с эмоционально и поэтически насыщенным предисловием поэтессы Сильвы Капутикян.

Знакомство с «Воспоминаниями» подсказало идею необходимости их перевода, дабы предоставить возможность русскоязычному читателю иметь определённое представление о событиях, имевших место в Османской империи в первые десятилетия XX века.

Ценность «Воспоминаний» Согомона Тейлиряна заключается несомненно в том, что:

Во-первых, Тейлирян очень подробно описывает конкретные реалии и общую ситуацию того безумного времени, непосредственным свидетелем которого он был.

Во-вторых, особо выделяется необратимость наказания предательства, на что, в частности армянскими исследователями, обращается недостаточно внимания при рассмотрении миссии возмездия, которую Тейлирян добровольно взвалил на себя. Известно, что, прежде чем совершить акт возмездия в отношении одного из палачей армянского народа Талаата-паши, Тейлирян расстрелял предателя Артина Мкртчяна, вина которого в моральном отношении намного больше вины палачей-чужеземцев из Салоник. А ведь это проклятье — предательство интересов народа в пользу узко-своекорыстных интересов — не только преследовало армян (да и не только армян!) за прошедшую историю, но, что особенно важно, актуально в настоящее время. Кроме того, наказание предателя, предшествующее расстрелу Талаата — совершившего преступление против человечества, в совокупности выносит акт возмездия, осуществлённый Тейлиряном, за рамки узко национализированного «армянского вопроса».

Лирические отступления, а также описания природы, имеющиеся в повествовании, возможно, скорее попытка В. Минахоряна, записавшего «Воспоминания», проявить свой творческий талант писателя.

Егор Сергиев

Изгнанники памяти

Образы многих изгнанников хранит память армянская. За прошедшие десятилетия помимо сосланных в Сибирь и на Алтай из страны Армянской были также сосланы из нашей памяти, из памяти нашей истории, в небытие люди, имена, события, эпохи. Среди этих изгнанников Согомон Тейлирян — один из самых достойных людей, которые должны постоянно жить среди нас, составлять неотъемлемую частицу нашего духовного мира, присутствовать в нашем бытии.

Образ Согомона Тейлиряна был с трудом возвращён из забвения 24 апреля 1965 года, в день памяти большого геноцида, когда после многочисленных запретов хлынувшие на улицы массы с возгласами «Земли! Земли!» несли также и его портрет. Многие, которые ещё с детства должны были бы знать имя Согомона Тейлиряна, спрашивали: «Чей это портрет?». Публикуемые в диаспоре воспоминания и призывы к памяти не дошли до них, они не знали историю его легендарной жизни. Они не читали вышедшей в свет в тот период книги «Караваны ещё идут», в которой также говорится о Согомоне Тейлиряне. Не привыкшего ещё к словам «15-й год», «24 апреля», «геноцид» читателя эта книга уводила назад, к тем трагическим временам, когда турецкий ятаган вырезал полтора миллиона миролюбивых людей: обрабатывавших свою землю и сады крестьян, орудовавших молотом и иглой ремесленников, исполнявших свой долг врачей и юристов. Вырезал только потому, что они родились армянами.

Напрасно ожидали неисправимые оптимисты, что христианская Европа протянет руку помощи древнему цивилизованному народу, которого вырезали при свете дня на глазах всего мира. Напрасно великие гуманисты Европы — Ромен Роллан, Карл Либкнехт, Фридьоф Нансен, Анри Барбюс, американец Джон Рид и другие требовали немедленного вмешательства со страниц газет, с университетских и парламентских трибун. И напрасно взывал Анатолий Франс с кафедры старинного зала Сорбонны: «На Востоке умирает наша сестра. Умирает только потому, что она наша сестра. Её вина в том, что она разделяла наши чувства, полюбила то, что полюбили мы, думала так, как и мы, верила во всё то, во что поверили мы, и так же, как мы, восприняла мудрость, поэзию и искусство. В этом её вина...».

И вот, позабытому Богом и людьми армянскому народу оставалось молиться одному из старых, но вечно живых богов — жаждающей мести Немезиде... И эту его молитву услышала и осуществила группа молодых людей с одной судьбой и биографией: выходцы из Ерзнка, Багеша, Хоторджура и других разорённых губерний, чудом спасённые от резни сыны армянского народа, которые решили своими силами воздать должное оставшимся безнаказанными преступникам.

Начиная с 1921 года, один за другим в Берлине, Константинополе, Риме, Тифлисе, Туркестане свалились на землю сражённые пулей: главный организатор резни армян, бывший премьер-министр Турции, спланировавший и последовательно исполнивший геноцид каннибал Талаат; наместник Трапезунда доктор Бехаэддин Шакир, уничтоживший армянскую интеллигенцию, женщин и детей; один из лидеров младотурецкого триумvirата изверг Джемаль Азми, утопивший людей, погружённых на корабли; адмирал Джемаль-паша, отправивший в пасть пустыни караваны депортированных, и другие.

Расстрелявший Талаата 15 марта 1921 года на улице Гарденберг в Берлине Согомон Тейлирян был арестован и передан германскому суду. 2–3 июня в Берлине состоялся суд над Согомоном Тейлиряном. Когда председательствующий допрашивал обвиняемого, свидетелей, экспертов, то сам не почувствовал, как постепенно разверзлись и распахнулись стены берлинского губернского суда и перед глазами присутствующих предстала неопикуемая трагедия. Из пустынь Междуречья, со дна Евфрата, других больших и малых рек, из бездны ущелий и теснин, из-под камней и пепла разорённых городов ряд за рядом восстали тени тысяч и тысяч убитых, заняли трибуну обвинения, а на скамье подсудимых оказались те, которые целых три года, оставаясь глухими и непреклонными, продолжали убивать и сжигать.

Это был своеобразный прообраз Нюрнбергского процесса, к сожалению, претворённый в жизнь не карающей рукой народов мира, но всего лишь яростной пулей одного молодого двадцатичетырёхлетнего армянина. Маленький, слишком частный прообраз. Тем не менее, невзирая на сдержанную недоброжелательность германских официальных кругов, призывы прокурора Долника защищать честь и права «союзной Турции», клевету и компрометацию в адрес подсудимого и его народа, организованные через подкупленных журналистов, неоспоримая истина низвергнулась в зал суда лавой божественного гнева. И шестнадцать присяжных поверенных, среди которых были каменщик, кровельщик, жестян-

щик, маляр, восприняли действительность естественным чувством справедливости. После часового уединения они возвратились в зал суда со следующим вердиктом: «Виновен ли подсудимый Согомон Тейлирян в преднамеренном убийстве 15 марта 1921 года в Шарлоттенбурге человека — Талаата-паши?» — «Нет!»

Таково краткое описание великой истории, обширное воспроизведение которой имеется в книге «Воспоминания», записанной современником Тейлиряна западно-армянским писателем Вааном Минахоряном. В книге нет описания дальнейшей жизни Согомона, нет того, что он женился на Анаит, проживал в Белграде, заимел двух сыновей — Шагена и Завена, затем переселился в Америку, в город Фрезно и в 1960 году завершил свой земной путь.

В 1974 году я путешествовала по Соединённым Штатам Америки, побывала во Фрезно, посетила там кладбище Арарат и, объятая мириадами чувств, склонилась перед надгробным памятником Тейлиряна, единственным в окружении маленьких и однообразных надгробных плит. Это была стремительно уносящаяся ввысь стела из белого мрамора, которая как бы символизировала гневный глас и руку возмездия неколебимого Духа среди однообразных немых плит.

Одна из ветвей широкой кроны родословного древа Согомона Тейлиряна, семья сына его дяди по отцу Самвела Осканяна в 1964 году репатрировалась из Белграда в Армению. В те годы мне посчастливилось близко познакомиться с этой семьёй, удостоиться дружбы его сына — астронома Ваге Осканяна, его жены Лилианы, их детей, и особенно — дружбы самого Самвела, прошедшего горький извилистый жизненный путь, пережившего геноцид, — удивительно здравомыслящего и мудрого старца, приобщиться к переходящим из поколения в поколение добродетелям этого старинного рода. Добродетелям, на которых воспитывался и мужал великий армянский мститель.

Вот почему я с большим удовлетворением пишу предисловие к книге «Воспоминания», которая у нас издаётся впервые. Уверена, что наши граждане с увлечением прочтут эту книгу и Согомон Тейлирян, образ которого начал возвращаться в Армению ещё 30–40 лет назад, но всё же остался на подступах к возвращению, отныне займёт своё достойное место в нашей душе, в нашей национальной памяти.

От издательства

«Воспоминания» Согомона Тейлиряна записал западно-армянский писатель и общественный деятель Ваан Минахорян. Впервые они были опубликованы в 1953 году в Каире издательством «Лусабер». Подлинник переведён на современный литературный армянский сотрудниками Бюраканской обсерватории АН Армении З.И. Гарибяном и А.В. Осканяном (последний является правнуком дяди С. Тейлиряна по отцу). Вместо принятого у нас озвучивания фамилии Тейлерян А. Осканян предлагает вариант Тейлирян: так друг к другу обращались и обращаются сегодня сами Тейлиряны. Это издание по сравнению с прошлым имеет незначительные изменения. Вне текста остались реакция прессы по поводу террора в отношении Талаата и фотографии подлинника предисловия «Два слова» дашнакского деятеля Навасардяна.

1993

Суд и приговор

Ниже представляем состав суда и копию приговора в отношении Согомона Тейлиряна из книги «Судебный процесс Талаата-паши».

Состав суда

а) председатель — д-р Лемберг, заведующий губернского суда;
судьи: Бате, советник губернского суда,

д-р Лакс, помощник судьи;

секретарь — Вармбург, наблюдатель за судопроизводством;

б) обвинитель — Долник, прокурор;

в) присяжные:

Вильгельм Грау, каменщик, Науен, окраина Берлина,

Рудольф Гроусер, торговец, Бернау,

Курт Бартел(ь), торговец очками (ювелир), Берлин,

Адольф Кьюхне, рантье, Берлин-Панков,

Отто Эвалд, домовладелец, Шарлоттенбург,

Отто Вагнер, кровельщик, Шеонерлинде,

Отто Райнике, старший делопроизводитель, Тегель,

Эжен де Прис, краситель, Берлин-Вирмерсдорф,

Альберт Беллинг, владелец аптеки, Шарлоттенбург,

Герман Гольде, жестянщик, Шарлоттенбург,

Роберт Хайзе, владелец кирпичного завода, Шарлоттенбург;

заменяющие:

Юлиус Фурх, домовладелец, Шарлоттенбург,

Август Близенер, мясник, Тегель.

г) защитники:

д-р Иоганнес фон Гордон, тайный советник права, Берлин,

д-р Иоганнес Вертауэр, советник права, Берлин,

д-р Нимайер, тайный советник, профессор юридического факультета Кильского университета;

д) переводчики:

Ваан Закарян, первый переводчик,

Геворг Галустян, второй переводчик.

Приговор суда

По завершении судебного процесса председатель суда д-р Лемберг обращается к присяжным с установленными законом вопросами. Присяжные в течение одного часа уединились для совещания, после чего руководитель присяжных предстал перед судом и «честью и совестью засвидетельствовал» следующее решение присяжных:

«— Виновен ли подсудимый Согомон Тейлирян в преднамеренном убийстве 15 марта 1921 года в Шарлоттенбурге человека Талаата-паши?

— Нет!

Руководитель присяжных заседателей Отто Райнике» (в зале большое оживление и аплодисменты).

Председатель: «Я подпишу вердикт и прошу секретаря сделать то же и вслух прочесть вердикт».

Секретарь читает вердикт, который переводится подсудимому.

Председатель: «Теперь оглашается следующее решение суда».

«Подсудимый освобождается за счёт государства (новое оживление и аплодисменты). Согласно вердикту присяжных подсудимый не виновен в обвинении наказуемого поступка».

Затем объявляется следующее решение:

«Приказ о заключении под стражу в отношении подсудимого считать аннулированным».

(Подсудимого поздравляют его защитники, соотечественники и присутствующие.)*

* Судебный процесс Талаата-паши (стенографический отчёт). Вена, типография Мхитаристов, 1921 г. С. 1 и 210.

Согомон Тейлирян (биографические заметки)

Согомон Тейлирян родился 2 апреля (по старому стилю) 1896 года в деревне Вари Багарич Даранагяцкой (Камах) губернии.

Отец Хачатур и мать Хназанд (дочь Тер-Арутюна Гатрджяна) имели пять сыновей. Второй сын умер в возрасте 4—5 лет. Остальные — Мисак, Седрак, Аветик и Согомон.

Крестьяне Камахаского района не могли своим трудом обеспечить свои семьи, так как не имели достаточных пахотных земель. Мужчины выезжали за границу, в частности — в балканские страны, несколько лет тяжёлым трудом зарабатывали деньги и возвращались домой.

В 1898 году отец Согомона во второй или третий раз уезжает из деревни, отправляется в Сербию, где совместно с братом обосновал торговое дело. Сначала на родину возвращается брат, затем, в 1905 году, — отец Согомона.

Для деревни возвращение кого-либо из скитальцев было большим событием. Торжественной встрече возвращающихся на родину и официально вскрытию багажа придавалось более важное значение, чем даже свадьбам. Возвратившийся из странствий приносил всем подарок.

Отец Согомона должен был вернуться домой к Пасхе. В Великую Субботу некий кучер привозит два ящика, но пассажира не было. Вскоре выяснилось, что турки арестовали его в Трапезунде во время схода с корабля. Радость превращается в плач и причитания. После шестимесячного заключения Хачатура-ага депортируют в Сербию.

Перед отъездом ему представился случай повидаться с земляком Мисаком Поляном и попросить, чтобы тот отправился в деревню и переселил семью Хачатура в Ерзнка.

Впоследствии выяснилось, что Хачатура-ага арестовали как подозрительную личность по причине того, что в 1893 году, отплывая из Трапезунда, он сел на русский корабль.

В 1905—1906 гг. Согомон посещал протестантскую школу Ерзнка. В следующем году он перевёлся в лицей Ерзнка и проучился там до 1911 года. В последний год, в связи с нехваткой учителей, почти со всем классом переводится в центральный лицей, где и заканчивает учёбу.

Во время балканской войны определённое количество учителей мобилизуют в армию. И попечители поручают Согомону преподавание в первом классе начальной школы.

В 1913 году 17-летний Согомон наконец увиделся с отцом. Конституция 1908 года дала возможность свободно посетить страну, но из-за занятости отца возможность посещения отложилась на пять лет.

Осенью 1913 года Согомон покидает Ерзнка и выезжает в Сербию, где намеревается подготовиться для поступления в следующем году на учёбу в Германию. Но Первая мировая война всё разрушила, оставив незавершёнными его планы...

Род Тейлирянов в Ерзнка и Багариче до ужасных дней 1915 года достигал по количеству 85 душ, не считая находящихся за границей скитальцев.

Из этих 85 душ в живых останется только дочь старшего брата Согомона — Мисака. После взятия Ерзнка русскими её в 12-летнем возрасте находят у одного курда.

Мать Согомона, жёны двух старших братьев с детьми, брат Аветис, студент американского медицинского университета Бейрута, погибли во время резни 1915 года.

Весной 1914 года отец Согомона и брат Седрак, по делам покинув Ерзнка, выехали в Сербию и таким образом спаслись от неминуемой гибели.

Отец Согомона погиб во время последней мировой войны в возрасте 84 лет. Братья, Мисак и Седрак, со своими семьями проживают в Югославии. Женаты, имеют детей и внуков.

Согомон женился в Тифлисе на Анаит — дочери коренного ерзнкайца Ншана Татикяна. Татикян был другом и компаньоном дяди Согомона по матери из Ерзнка (Шишманяна). Из-за опасности своего положения в городе Татикян уезжает из Ерзнка, а в 1895 году переходит на Кавказ и обосновывается в Тифлисе. В дальнейшем женится на дочери Акоба Шаварша.

Акоб Шаварш в своё время был одним из основателей «Миацияла» («Единение»).

Согомон и Анаит имеют двух сыновей.

Предисловие

Основой воспоминаний Согомона Тейлиряна является убийство бывшего великого визиря Турции Талаата-паши. Это событие связано с величайшей трагедией армянского народа, которая имела место в 1915–1916 гг. В годы, когда Талаат-паша был фактически главой турецкого правительства, истребилось подавляющее большинство западно-армянского населения: по самым скромным подсчётам, около одного миллиона двухсот тысяч человек. Те же, кто избежал истребления, покинули свои очаги, найдя пристанище в большинстве своём в Закавказье. Хотя в Турции вообще пролито много крови, резня армян в истории народов беспрецедентна. Начиная с освободительного движения балканских народов, турецкое правительство прибегало к политике резни во всех случаях, когда не могло удовлетворить национальные требования подчинённых народов и чувствовало опасность для целостности своей страны. Армянские погромы в бытность Гамида не были исключением и составляли лишь одну страницу национальной политики турецкого правительства. Этот вопрос в общем виде интересовал многих. Причину мучительного явления некоторые видели в религиозных различиях господствующего и подчинённых народов, некоторые считали погромы результатом дипломатических провокаций и противостояния мировых господствующих держав, другие в качестве причины отмечали национально-освободительные сепаратистские движения. Нам кажется, что в основе всего этого имеется давняя социальная причина, которая в достаточной степени не выяснена.

Турки, придя извне и унаследовав Византийскую империю, в течение веков так и не смогли фактически реализовать это наследство. Они не смогли ни подчинить, ни ассимилировать покорённые народы и не смогли освоить их культуру. В свою очередь, покорённые народы, помня о былой славе, всегда восставали против захватчиков. Господствующий и подчинённый стали нетерпимыми друг к другу во внутренней жизни. Водораздел между ними постепенно углублялся и в религиозной, и в культурной, и в экономической основе. Торговля, ремесло, промышленность до Первой мировой войны, как и прежде, в основном почти остались в собственности покорённых. Долей же господствующих были оружие, доспехи и административная власть, которая скорее была должностью, чем фактическим господством.

В Новое время царские властители, преследующие свои интересы, всячески разжигали возникавшее по разным причинам противостояние, и это нелепое состояние породило в жизни Турции целый ряд национальных трагедий, из коих самой большой и ужасной стала армянская трагедия.

В чередѣ исторических событий освобождение армянского народа настолько запоздало, что армяне уже не могли с лёгкостью сбросить с себя иго. После расчленения мощной Османской империи, просуществовавшей почти два века, в этот период усложнился вопрос наследства «больного человека». Каждое новое достижение, «период воздействия», даже привилегии тотчас становились яблоком раздора. В дни хаотичной дипломатической борьбы армянский народ потерял много крови, и если смог избежать полного истребления, то этим обязан своей осмотрительности. Совершенно ошибочно мнение, что он стремился к отделению с жадной созидания Армении «от моря до моря». В процессе всего своего освободительного движения армянский народ не имел и не преследовал подобную цель. Практически идея независимости родилась после войны и развивалась в рамках мирных переговоров, когда уже армянский народ в стране (Западной Армении) был уничтожен. Пока народ жил, его единственным стремлением было реформирование, т.е. возможность жить и работать. Его интеллектуальная и моральная борьба абсолютно не означала политическую программу, которая с первого дня проявилась 61-й статьёй Берлинского конгресса и в преддверии его уничтожения составляла утверждённую программу реформ 1913 года. И ошибочно также мнение, что армянство проводило только свою национальную политику, добивалось только своего счастья. Фактически международные условия были очень неблагоприятны для проведения такой политики в рамках армянского национально-освободительного движения. И было больше обоснованных данных обеспечить сносную жизнь нации в русле общего благоустройства страны. Субъективно армянский народ никогда не стремился отделить свою жизнь от жизни соседних народов и по мере своих сил способствовал общему прогрессу страны во всех доступных областях. Что бы ни говорили, никто не сможет отрицать роль и вклад армян в развитие торговли, ремесла, искусства и сельского хозяйства Турции.

В целях претворения в жизнь надежд на улучшение общей жизни страны и своей жизни, армяне всегда сотрудничали с оппози-

ционными элементами Турции. Господствующие элементы Турции, со своими невежественными спутниками, рассматривали армян не столько как причину для внешнего вмешательства, которое, между прочим, не угрожало их выгоде, сколько как на зарную бациллу турецкой революции. Во всяком случае армянский народ отдал больше крови ради общих интересов, чем в связи со своим национально-освободительным движением. Не случайно это движение становится фактором начальной стадии турецкой революции. В эти дни набирает силу турецкое революционное движение благодаря усилиям прародителя младотурков Митхатапаши. В Египте выходят в свет революционные газеты «Иттихат» и «Хуриет», со страниц которых младотурки критикуют старые порядки и требуют конституции. Под этим воздействием правительство, для того чтобы отвести от себя растущее в стране недовольство, направляет турок против христиан, и в первую очередь — против армян. Вследствие внешнеполитических событий в марте 1877 года созывается первый турецкий парламент, который вселяет надежду подданным народам, в том числе и армянам. Но как только Гамид укрепляется на троне, в конце того же года распускает парламент с тем, чтобы никогда более не созывать его в течение своего длительного правления. Одновременно подвергается опале великий визирь Митхат-паша, который немного позднее будет задушен в Аравии. В мае следующего года вспыхивает восстание Али Суави в Константинополе, куда в эти дни вследствие русско-турецкой войны с Балкан переселилось около 150 тысяч разъярённых мухаджиров (беженцев). После подавления восстания Гамид эту разъярённую толпу расселяет по губерниям, настраивая против армян. Вопреки этой ситуации первая армянская революционно-политическая организация, или, скорее, течение (в лице Арменакянов), в эти дни выступает не с требованиями отделения и национальной независимости, но с программой благоустройства общей родины. Руководитель движения М. Португальян свою публичную работу формулирует как «дело, посвящённое взаимной выгоде своей нации и Османской империи».

В 80-е годы гамидовский режим вышел из борьбы против внутренней оппозиции сильным и могущественным. В своей кровавой политике Гамид опирался на внешний капитал и внутренние традиционалистские государственно-клерикальные силы. В Армении устраивают набеги «Гамидие». У армян отнимаются лучшие земли,

повышаются налоги, учащаются случаи погромов, убийств, создаётся адская атмосфера. И, однако, вышедшая на политическую арену партия «Гнчак» наперекор своей программе не стремится к независимости Армении, но мечтает о таких порядках в Турции, которые дадут возможность осуществления социализма в этой стране...

В начале 90-х турецкое революционное движение ещё спит. Положение в стране ни на волос не меняется: царит политика крови и грабежа гамидовской администрации. Вне страны, на Кавказе, из отдельных революционных брожений образуется Армянский революционный союз (партия «Дашнакцутюн»). По сути новая партия отличается от гнчакцев большей организованностью, практичностью и находится под интеллектуально-моральным влиянием русских народников. Она не против социализма, но предварительно считает необходимым дать политическую свободу всем народам и нациям Турции. Об отделении и создании независимой Армении в её программе не говорится. Примерно в то же время в 1892 году восстанавливается турецкое революционное движение, и в Париже Ахмед Риза основывает новый орган младотурков «Мешверет». Позднее как грибы вырастают революционные газеты. Одни из учредителей «Иттиат ве Тераггы» Исаак Сюкюни и Абдулла Чевтет основывают в Женеве «Османлы». В Египте увидел свет «Канон Эсасин» Ходжа Гатри и «Санджак» Ахмеда Санбайя. Один из прогрессивных турецких придворных, принц Сабахеддин, в Париже издаёт «Тераггы». В Египте его идеи развивают газеты «Шура Османи» и «Ени фик».

Активизируется также деятельность младотурков. В 1894 году в Константинополе Сюкюти, Чевтет и Ибрагим Тенон основали первичную организацию «Иттиат ве Тераггы». Они в основном следуют конституции Митхат-паши: ответственное министерство, равенство наций перед законом, свобода совести и прессы, защита личности и собственности и др.

Воодушевлённое подобным подъёмом революционных настроений, приобретает размах и армянское освободительное движение. Предпринимаются попытки сотрудничества армяно-курдской, армяно-турецкой оппозиции. И Гамид свою желчь излил на армянский народ: началась резня 1895–1896 гг., жертвой которой пали 300 тысяч армян. Из революционеров-турок, действующих в стране, было арестовано всего около ста человек, из которых 13 приговорены к смерти, а 68 — к тюремному заключению...

В начале XX века руководители освободительного движения, разочарованные промахами турецкой революции, предпринимают попытку создать армяно-македонское движение. В 1903 году в Македонии вспыхивает восстание, которое сразу же породило внешнюю заинтересованность: Австрия стремится приобрести Салоники и создать для себя плацдарм в сторону Востока. Россия боится усиления Австрии на Балканах и настаивает на совместном вмешательстве. В сентябре встреча властителей двух империй приводит к соглашению, в результате которого македонцы получают реформы под надзором австро-русских «политических агентов». Пример был заразительным и обнадёживающим. На следующий год в Сасуне вспыхивает восстание. Но на этот раз европейские государства молчат. И Гамид вымещает на армянах месть за навязанную ему в Македонии уступку. В Сасуне начинается резня. Всюду по стране армяне заливают раны. За пределами страны руководители движения освобождения пытаются создать единый фронт с турецкими оппозиционерами. Ещё два года назад, в 1902-м, после съезда турецких оппозиционеров в Париже, возможность подобного сотрудничества внушала надежды. Однако сейчас турецкие оппозиционеры разделились на два течения. «Лига децентрализации», во главе с принцем Сабахеддином, считает необходимым в деле внедрения в Турции конституционного строя прибегнуть к помощи европейских государств. Националисты, которые объединились в «Иттиат ве Терагы» во главе с Ахмедом Ризаи, считают необходимым продолжать революционную деятельность своими усилиями, создавая в стране на строго централизованной основе революционные ячейки. Многократно обманутые Европой руководители армянского освободительного движения объединяются с последними.

Первая русская революция чрезвычайно подействовала на революционные настроения в Турции. Одновременно, независимо от этой революции, перед её началом границу Кавказской Армении друг за другом переходят партизанские группы Тумана, Охотника Геворга, Хана, Джаллата и других. В самой стране расширяется движение гайдуков посредством активизации групп Андраника, Мурада, Сепуха и других. В этот раз движению пособничают также более широкие слои из среды турецкого населения. В войсках, в рядах моряков имеют место беспорядки. Оппозиционные настроения в стране влияют на турецких революционеров, собравшихся за границей. 27–29 декабря 1907 года в Париже состоялся съезд оппо-

зиционных элементов Турции. Помимо «Иттиат ве Тераггы» в работе съезда участвуют «Лига децентрализации», «Дашнакцутюн», представители различных македонских, арабских, армянских газет, а также еврейских и арабских оппозиционных течений. Здесь очень велико влияние армянских революционеров на принятые решения: все оппозиционные силы должны действовать сообща, главной целью является свержение Гамида и установление конституционного строя. Для достижения этой цели собрание голосует за все те методы, которые практикует российская революция.

Встреча английского и русского властителей в Ревеле в июне 1908 года и соглашение о совместном вмешательстве в македонский вопрос вынудили младотурков появиться на арене раньше, чем предполагалось. Движение началось в Салониках по инициативе полковника Ниязи-бей. К подчинённым ему революционным силам вскоре присоединились и другие, в числе которых и Энвер-бей. Войска, направленные против восставших, присоединились к движению. Чувствуя своё неминуемое поражение, Гамид был вынужден 24 июля объявить о восстановлении конституции, автора которой тридцать лет назад приказал удушить. Это был единственный выход сохранить трон, а также — выиграть время. Со своей стороны руководящая сила турецкой революции «Единение и прогресс» («Иттиат ве тераггы»), всегда избегавшая перерастания движения во всенародное, в данный момент решает держать революцию «в мирном, конституционном русле». В эти дни Высший совет партии решает оставить Гамида на троне, пока он остаётся верен конституции...

Каковы были чувства армянского народа в эти дни? Вряд ли он мог разделить ликование, охватившее все народы Турции, т.к. его не могла спасти никакая конституция от новых злоключений, пока Гамид был на троне. Так и случилось. Не прошло и месяца, как Гамид натравил на армян толпы невежественных, традиционно-государственно-клерикальных элементов, которые вырезали в городе Адана около сорока тысяч армян. Это было прелюдией новых массовых погромов. Но прежде Гамиду было необходимо рассчитаться с революцией. В апреле 1909 года в Константинополе имела место попытка контрреволюции. Однако на этот раз судьба изменила Гамиду. 26 апреля контрреволюция была подавлена, а Гамид свергнут с престола. В этот день армянский народ праздновал свою победу. Но, к несчастью, ему не было суждено насладиться плодами этой победы...

Прошло три года. Три года надежд, чаяний и ожиданий, в течение которых единственным лозунгом армянских революционных партий и всех западных армян было возрождение общей османской родины. Имеются бесчисленные решения, заявления об этом армянской революционной литературы. Однако ничего не изменилось. Все обещания обеспечения жизни и безопасности армянского народа, данные иттиатами накануне революции, канули в воду. В армянских провинциях продолжились грабежи и убийства, захваты земель приняли массовый характер. Свидетельство всему этому — бесчисленные жалобы Константинопольского патриаршества, которые были направлены правительству по поводу этих мрачных происшествий в течение 1912 года.

В эти дни армянские революционеры были полностью деморализованы. Некоторые проповедовали необходимость снова «подняться в горы». Но вообще они свои взоры устремили в сторону внешних сил. В России им обещали реальные реформы, которые поддерживали Англия и Франция. После многочисленных пустых обещаний армянские революционеры шли к этому выбору не с лёгким сердцем, но все средства были исчерпаны, другого выхода не было. В 1913 году вопрос реформ вроде получает реальное разрешение. Следующим летом в Константинополь подъезжает один из двух европейских реформаторов для начала работы по уже принятым реформам. Но вспыхнула война, и через год уже в Армении не было армян...

Как было возможно осуществить это ужасное преступление в наши дни? Уничтожение западно-армянского населения не было делом рук только «Иттиата» и его руководителя Талаата. Было старое и кровавое прошлое, мрачный лик которого выглядывал из глубины веков. Талаат унаследовал кровавое и пылающее ненавистью прошлое своих предшественников. Однако сама личность Талаата, независимо от этого прошлого, сыграла большую роль. Талаат своей чудовишной жестокостью превзошёл всех старых и новых палачей армянского народа.

Кто был этот человек, который сыграл такую роковую роль в жизни армян? Согласно имеющимся сведениям, Талаат был «помак» (мусульманин болгарского происхождения), предки которого много веков назад приняли магометанство. Не знаем, насколько это верно, но только помнится, что в период войны противники-иттилафисты характеризовали его как «дёнме» — пылающее нена-

вистью высказывание, которое означает «вероотступник», скорее «рenegат». Для него религиозное обстоятельство не имело никакого значения. Он был одинаково безразличен ко всем религиям. Его отец, Грча Али из деревни Чепедже, был судебным служащим. Согласно турецким источникам, ещё в молодые годы Талаат был заключён под стражу в Адрианополе, где и примкнул к революционному движению. В 90-е годы, когда во главе младотурков встал Ахмед Риза, Талаат был телеграфным служащим. Его революционным крёстным стал депутат от Ипека Ибрагим-бей, который принял молодого Талаата в организацию и поручил распространение «Мешверета». Немного позднее Талаат устраивается телеграфным секретарём в Салониках, где становится активным членом «Османлы Хуриет Джемиети». Его товарищами были Маньяси Заде Рефиз, Джавид, Митхат Шюкри, Назым и Джамполад, которые составляли костяк организации.

Когда начались его контакты с армянскими революционерами, точно не знаем. Только известно, что благодаря своей неиссякаемой энергии, настойчивой воле и, особенно, исключительной способности завораживать окружающих, он очень быстро приобретает определённое положение и влияние среди младотурков и друзей в рядах армянских революционеров. У этих своих армянских друзей 31 марта 1909 года Талаат нашёл убежище, был спрятан до тех пор, пока не удалось скрытно убежать и безопасно перебраться в Салоники.

В 1911 году Талаат — министр внутренних дел и одновременно председатель «Иттиата». Это были дни, когда особенно ухудшается положение армянской провинции, где не было конца захватам земли, грабежам и убийствам. Исходя из своего положения, влияния и должности, он мог до основания искоренить эти явления. Но если он уже тогда ждал удобного момента, чтобы привести в исполнение свой дьявольский план, становится понятным его попустительство.

Талаат оставался на руководящем положении почти целое десятилетие, но в жизни Турции во время его длительного правления ни один вопрос не нашёл разрешения. Во всех реформистских решениях внутренней жизни он проявил хаотичное приспособленчество, которое было присуще гамидовскому режиму только в решении внешних вопросов. Примечательно, что во внешней политике и Талаат, и его партия при решении таких судьбоносных вопросов, как Триполи, Балканская и мировая войны, не нашли иных средств,

кроме грубых и примитивных действий. Имеющие дело с Талаатом европейские дипломаты, а также турецкие и иностранные общественные деятели, не заметили соответствия его интеллектуальной подготовленности занимаемой должности и необходимой государственному лицу опытности. Но отмечается ряд данных, в силу которых он из низших слоёв достиг самого высокого положения: воля, энергия, стремление занимать всё более высокие посты за счёт огромного трудолюбия; чрезвычайная способность говорить, очаровывать, заражать беспримерной бодростью и привязывать к себе окружающих; только ему присущее мощное инстинктивное чутьё, умение упреждать скрытые мысли собеседника; умеренность и даже «демократичность» в быту, в личной жизни; «искренность», когда интригует; «дружеское расположение», когда яростно враждебен. Таковы были его особенности и политическая мудрость. Но всего этого было мало для того, чтобы вести возрождающуюся Турцию новым путём.

Летом 1914 года был созван очередной съезд партии «Дашнакцутюн». Это собрание, в частности по настоянию Ростомы, было создано в Эрзуруме. Но Талаат выразил радость оттого, что общее собрание «Дашнакцутюн» созывается именно в Эрзуруме. Армянские революционеры это восприняли как демонстрацию возобновления дружбы со стороны Талаата. И снова просыпаются надежды, связанные с возможным приведением в исполнение реформ для армян. В действительности Талаат хотел в эти судьбоносные дни контролировать известных армянских революционных деятелей, собрав всех в одно место. Собрание ещё не завершилось, когда началась мировая война. Спустя некоторое время, в Эрзуруме появились два представителя Талаата — секретарь центрального комитета Иттиата Бехаэттин Шакир и известный функционер Иттиата Наджи-бей. Они прибыли для переговоров с армянскими революционерами по поводу позиции последних в случае участия Турции в войне. Будучи уверенными в том, что Россия будет разгромлена, представители Талаата не скрывали своего намерения участвовать в войне. Охваченные воинственными настроениями, они предлагали армянским революционерам оказать им активную помощь: выступить перед внешним миром со специальным заявлением, поднять под ружьё армяно-турецкого единого фронта всех старых гайдуков с их группами, организовать армянские добровольческие армии, начать на Кавказе восстание и разложить тылы

русских, всячески способствовать продвижению Турции в Закавказье. Армянские революционеры отвергли эту авантюру, увещевая отказаться от мысли участвовать в войне, которая может стать губельной для Османской империи, и заявили, что армянский народ может исполнять только гражданские обязательства по отношению к государству, которому принадлежит. Съезд закрылся, не исчерпав повестки, некоторых делегатов арестовали, некоторых выслали, кое-кому удалось бежать. В начале осени, когда Турция ещё не была вовлечена в войну, уже начались отдельные выселения и погромы в районах Эрзрума, Муша и Битлиса. В этих местах производились массовые аресты, армян разоружали. В те дни Талаат был единоличным правителем Турции... Людям, более или менее знакомым с развитием горестных событий и ролью в этом Талаата, тем не менее остался неизвестным духовный мир этого человека, который был способен уничтожить и искоренить в Турции целый народ. Но никто так метко не охарактеризовал Талаата, как известный турецкий литературовед Зенаб Шеханеттин: «Талаат был ужасно тщеславен... Его идеалом было “быть на виду”, на виду, всегда быть на виду... Он предпочитал, чтобы страна умерла в его руках, чем процветала в чужих руках... обладал злым талантом расставлять ловушки, устраивать засады, всегда способный заставить враг сплех, хитрый, ловкаческий, лживый талант. Как в личной жизни, так и в жизни общественной основой, силой, стойкостью Талаата была только одна вещь — интрига. Из очень низкого сословия он возвысился до самого высокого положения благодаря интриге. Однако чем выше поднимала его судьба, тем становились виднее его грязные корни...»

Записывая воспоминания С. Тейлиряна, мы преследовали одну цель: сообщить всё то, что связано с трагедией армянского народа, и обратить внимание историка на то, что мог об этом сказать человек, расстрелявший Талаата.

*Май 1943 года
Белград
В.М.**

* Ваан Минахорян является автором ценной работы «1915 год», которая вышла в свет в 1949 году, спустя пять лет после смерти автора.

Минахорян — это личность с богатым общественным прошлым. Он был членом партии социал-революционеров. Умер в изгнании в Белграде в 1944 году.

Моей маме...

В бездонном сумраке увядшей памяти искал я тебя, мать моя, приходя в ужас от мысли потерять навеки...

Бродил я из страны в страну, из пустыни в пустыню. Прошёл через многострадальные, превращённые в кучу развалин города и деревни, горы и долины нашей родины...

Напрасны были мои искания... Везде пред моими глазами предстала картина всеобщего опустения. Не было более той кипучей жизни, обаяния полей, журчанья ручьёв, весёлого щебетания птиц...

Всё! Всё исчезло в результате удовлетворения аппетита кровавой гиены, отдавшей зверскому инстинкту.

На родине утвердилось царство сов...

Пустыня! Пустыня!..

Евфрат был беспокоен и расстроен из-за нарушения его извечного течения вашими истерзанными трупами... Из волн его лишь исходил мятежный жалобный рёв. Евфрат также оплакивал своё прошлое...

Чистые и прозрачные воды были окрашены невинной кровью армянских матерей, детей, молодых и стариков... Его душа была огорчена, так как он был живым свидетелем ужасной трагедии армянской нации...

Далёкие и незнакомые пустыни были безмолвны и безразличны: казалось, они пресытились разбросанными на их выжженных песках скелетами...

Горько оплакивал я самое ужасное бедствие, имевшее место в обозримой истории человечества. До пределов бесславного отчаяния могли увести мои колебания, но горе, страшные картины трагедии потрясли мою душу, вселили в меня силу и жизненную энергию, чтобы продолжать жить, заглушая ноющую боль. Быть может для того, чтобы исполнить свой сыновний долг, долг армянина по отношению к тебе, мать моя, по отношению к миллионам армянских матерей, которые были распяты на армянской Голгофе... каким-то образом увековечить память пролитых потоков крови...

Ты, мать моя, что дала мне жизнь, со слезами на глазах, полная горьких предчувствий, поцеловала меня на прощанье и была права. Истинны были твои стенания и правильны: «С трудом взрастила я тебя, ты оперился и теперь улетаешь, удаляешься от меня». Да, я

удалился. Удалился с тем, чтобы во веки веков не увидеть тебя, но молоко, которым ты меня вскормила, твоя безграничная материнская ласка пустили такие глубокие корни в моей душе, что позабыть всё это, остаться равнодушным, особенно после твоей трагической гибели, было невозможно...

Сегодня, подобно идолопоклоннику, я пожелал построить в моём сердце «Могилу неизвестной матери» и благочестиво поклоняться этому памятнику, как древнему капищу. Пожелал таинство моей языческой молитвы, воссоединённой с благоуханным дымом ладана и фимиама, рассеять и вознести до безграничных таинственных высот, как свидетельство моего глубокого почитания твоей незабвенной памяти, мать моя, так же как и тысяч и тысяч заживо сожжённых, которые пали невинными жертвами во имя борьбы за свободу нашей нации и исчезли навеки без могил, без надгробья...

Согомон

Глава 1

Из Сербии в Васпуракан

Только доехал я из Сербии до провинциального города Валево, как всё перевернулось вверх дном. В Сараево один студент двумя выстрелами из пистолета убил австрийского наследного принца Франца-Фердинанда. Предполагалось, что будет война. Затем события развивались с головокружительной быстротой. В конце июля Россия привела в боевую готовность свои военно-морские и сухопутные вооружённые силы. Первого августа Германия предупредила её, объявив войну. Франция встала рядом со своей союзницей. Но первые удары обрушились на Бельгию, что явилось поводом для Англии объявить войну Германии. Так началась первая бойня истории.

Сербский народ с воодушевлением взялся за оружие — настал час осуществления их национальной мечты.

Пребывающие в восточной дремоте и праздности жители Валево пришли в движение. Проводились многочисленные собрания и воинственные демонстрации. Предводители народа в своих речах вспоминали времена Степана Немани и Душана Силни, они призывали народ вдохновиться героическим духом павших при Марице, Ховте, Косово.

К середине августа пламя войны дошло до границ Сербии. Австрийцы двумя армиями вошли в Сербию, чтобы одним ударом покончить с высокомерным врагом. Однако после четырёхдневных тяжёлых боёв были вынуждены отступить. Удар был настолько неожиданным, что австрийцы повторили вторжение только через четыре месяца, когда уже в войне участвовали также и турки.

Что происходило вне Валево, было неизвестно. Шесть-семь армян города почти ежедневно были у нас. Казалось, основная тяжесть войны выпала на их долю. Все имели семьи на родине. Все были очень озабочены их судьбой, и больше всех — мой отец и братья. Мне было непонятно, что могло случиться с женщинами и детьми, если гамидовский режим уже низложен и страной правит справедливая власть «Молодых турок». Правда, при них были погромы в Адане, но кто не знал, что это было последней данью турецкой контрреволюции, которую должны были заплатить армяне как главный глашатай турецкой революции или её первый разитель?

И я старался ободрить их на основании привезённых из страны ещё свежих впечатлений. Мои слова успокаивающе действовали на них. Исключением являлся мой отец, который слушал, чуть склонив голову, опершись подбородком на трость и уставив на меня неподвижные стеклянные глаза. Этот взгляд всегда приводил меня в смущение.

В конце года он получил письмо из Софии. Писал его старый друг Гукас-ага, который долгие годы выполнял в Болгарии общественную революционную работу. Гукас-ага писал, что наступил последний час освобождения армянского народа из-под турецкого ига, что в Болгарии армяне создают добровольческие отряды для объединения с освободительным движением, организованным кавказскими армянами, и если бы позволил возраст, он с оружием в руках присоединился бы к этим отрядам для борьбы с вековым врагом. К письму прилагался призыв, обязывающий всех армян, которые могли держать оружие, записаться в добровольцы.

Мне было всего 18 лет, и письмо своим воодушевляющим содержанием потрясло меня. Но, вопреки моим ожиданиям, всё это произвело очень тяжёлое впечатление на наших.

— Кончено, — сказал отец совершенно подавленно, — надо думать, как можно вывезти из этого ада домочадцев.

Меня не интересовал этот вопрос, всем своим существом я был преисполнен идеей перехода в Болгарию, что было непросто в эти дни без паспорта, без согласия отца. В городе воодушевление сербов достигло пика. В районе Ратека австрийцы потерпели новое сокрушительное поражение и в беспорядке отступили. Союзники, согласно сведениям, везде побеждали, хотя, кроме русского фронта, бои имели место на их территориях. Русские вошли в Силезию, Познань и вроде скоро должны были спуститься с Карпат. Дни Вены, Будапешта, даже Берлина, были сочтены.

В конце ноября на сербско-болгарской границе меня арестовали как шпиона, но мне удалось развязать это заблуждение и перейти в Болгарию. В эти дни настроения двух славянских народов были едины. Симпатии болгарского народа также были на стороне союзников, они не вынашивали мести в отношении вчерашних врагов — сербов. Но иными были настроения властвующих кругов. Разделение Македонии, потеря болгарской части Добруджи ещё были свежи в памяти. Болгария была нейтральной, но уже в те дни было

ясно, что целью этого нейтралитета было выиграть время для того, чтобы прибегнуть к отмщению в удобный момент. Среди армян Софии царило чрезвычайное оживление: везде собрания, сборища, блестящие проекты. Мартикяновское кафе «Шесты Сентебр» было полно рядовыми и руководящими деятелями. Они спорили по поводу вероятного развития событий. Тучный, среднего роста, крепкий, как старый дуб, Гукас-ага был здесь. Когда он узнал, что я приехал без ведома отца, то категорически отказался внести меня в списки добровольческих отрядов. Но не в лучшем положении были и остальные. Не отправляли даже тех, кто записался неделей раньше. Гукаса-ага окружили молодые западные армяне, которые требовательно задавали ему вопросы.

— Почему? До каких пор? В чём причина задержек?

Гукас-ага, кого ласково, кого строго призывал к порядку, давал уклончивые ответы.

— Надо подождать. Дано указание на некоторое время приостановить отправку добровольцев. Что мы можем сделать? Ведь надо подчиняться приказам вышестоящего органа.

Но ни у кого в мыслях не было подчиниться этому неизвестному органу. Освобождение нации началось, и каждый человек чувствовал внутреннюю потребность как можно скорее участвовать в этом.

Мне удалось с одной группой перейти в Румынию. В Бухаресте я узнал, что отец телеграммой попросил отправить меня обратно. Но уже было поздно. Мы с несколькими товарищами при содействии российского посольства в ту же ночь отправились в Ростов.

На вокзале повсюду необычайный переполох, поезда один за другим отправляются с пушками, боеприпасами, солдатами, лошадьми. Местами проходят шумные демонстративные проводы отъезжающих на фронт. Затем вслед поезду махали платками, и когда воодушевлённые демонстранты расходились, на тротуарах оставались стоять старые и молодые женщины, девушки, которые тайком плакали и утирали слёзы теми же платками.

* * *

Я был уже в Тифлисе. Записался в добровольцы. Вместе с прибывшими со мной и ранее записавшимися разместился в конце улицы Вельяминовской, в одном просторном родовом поместье, которое использовалось в качестве общежития добровольцев. По-

местье примыкало к району ботанического сада, где проводились военные упражнения. Хоть и прошла целая неделя, но я только начал привыкать к многоликому Тифлису, который с первых дней очаровал меня. В вечернее время я обычно спускался вдоль по Вельяминовской улице и останавливался на углу у аптеки возле городской управы.

В феврале наши горы и ущелья ещё были покрыты снегом. Между тем здесь, под теплыми лучами солнца, сверкала красивая Ереванская площадь. Вымощенная мелкими плитами, эта просторная площадь, окружённая гостиницами, торговыми домами, магазинами, подвальными кабаками, как бы представляла собой Тифлис в миниатюре. Каравансарай Тамамшева и сотни киосков заняли всю фронтальную часть площади.

В эти дни Ереванская площадь была центром армянской политической жизни. Были три угла, на которых обычно группировались армянские национальные, общественные, политические деятели. Прямо перед аптекой, немного вглубь от угла улицы, под пока ещё голыми и ожидающими своего убранства деревьями расположилась столовая «Анатолия», которую содержал один эрзурумский армянин. Здесь можно было увидеть всех, находящихся в Тифлисе, командиров групп, солдат, добровольцев, которые, собравшись вокруг столов, спорили или шумно смеялись. Другой угол, который находился возле каравансарая Тамамшева, занимал «Тилипучури» — подвальный первосортный, известный отменными шашлыками и лучшими винами Кахетии кабачок, который принадлежал одному тифлисскому армянину. Здесь собирались вдруг укрепившиеся в своём армянстве в результате развившихся событий богатые грузиноязычные и русскоязычные тифлисские армяне, армянские общественные деятели, приехавшие из различных местностей Закавказья, а также преданные национальной деятельности этих дней армяне. На третьем углу была «Кондитерская Саакяна» — передовое по европейским стандартам кафе, которое занимало угол круто поднимающегося вверх квартала Сололак. Здесь собирались артисты, писатели, партийные революционные деятели, учителя, студенты, вообще всякого рода армянские интеллигенты.

Во всех этих местах кипела жизнь. Армения, армянский вопрос, война, практические и теоретические возможности воюющих сторон, сложившееся на разных фронтах положение будоражили

людей. Кавказские армяне переживали беспрецедентный период волнений и надежд, чувствуя канун осуществления национальной мечты их поколений.

Всё свободное от занятий время я почти всегда проводил у моего единственного земляка Янгяна, который имел скромный молочный магазин, расположенный под гостиницей «Северные номера». В конце месяца я случайно узнал, что в Тифлисе находятся также Татикяны. Из двух братьев я знал только господина Хачатура, который выехал из Ерзнка всего три-четыре года назад. Насколько сильна была моя тоска по родине, что я сразу же взял адрес и пошёл к нему.

Скромная лавка господина Хачатура находилась на улице Микаеляна, которая протянулась вдоль берега реки от конца моста Воронцова до сада Муштаева.

Он сразу узнал меня и так вскочил со стула, что вызвал внезапный смех у стоящей рядом с ним маленькой девочки. За одну секунду он задал столько вопросов, что я не знал, на который отвечать. Маленькая девочка, остепенившись, смотрела на меня не мигая большими чёрными глазами. Я был в замешательстве: казалось, я видел её раньше или мечтал о похожей на неё.

— Ну что ещё, где ваши? — продолжал господин Хачатур.

— Отец и два брата в Сербии, остальные в Ерзнка.

— А ты что здесь делаешь?

— Я доброволец, скоро должен отправиться на фронт, — ответил я, очень довольный, что говорю об этом в присутствии девочки.

— Отец знает?

— Позавчера я ему написал.

— Отсюда?

— Да.

— А при отъезде из Сербии?

— Знал, знал...

— Да, познакомься, — Анаит, дочь моего брата.

Девочка смело посмотрела на меня.

— Как наши себя чувствовали, когда ты их посетил в последний раз? — спросил господин Хачатур.

— Хорошо.

— Каково будет теперь состояние нашего Шагена. Он должен был в этом году закончить офицерское училище. Значит, брат против брата? Один добровольно, другой — против своей воли?

— Да. Что делать? Он должен исполнять свой гражданский долг, хотя я не думаю, что новичков пошлют на фронт.

— Бог да услышит твои слова. Пока эта война не кончится, мы совсем изведёмся. В последний раз он мне писал, что Рубен-эфенди должен приехать и всё рассказать, но он не приехал. А как они?

— Которые?

— Момджяны.

— Хорошо, дела успешны.

— Ну что ж, ты должен познакомиться с моим братом. Он, конечно, тоже пожелает узнать новости.

— Да, мой папа будет рад видеть вас, господин, — просто сказала девочка.

Я ушёл, обещав навестить их с первой же возможностью. Шёл, удивляясь сам себе. Душа моя, как качели, взмывала вверх и падала вниз под воздействием нахлынувших на меня незнакомых чувств. Я ничего вокруг себя не видел, не слышал, не чувствовал. Дойдя до общежития, я свалился на скамейку, стоящую в глубине сада. Я был словно пьяный, в голове не было ни одной чёткой мысли. Сумрак сгушался. На деревьях соседнего сада надрывались птицы, издавая дикие и страстные кличи. Они летали туда и сюда, держа в клювах еле заметные веточки. Весенний аромат тёплой земли, проросшей травы и почкующих деревьев колебался в воздухе. Стемнело, когда я начал понимать, что творится со мной. Может ли быть, чтобы какая-то незнакомка с первой же встречи так стеснила человека, как это случилось со мной? В любом случае это не соответствовало стоящей передо мной цели.

Как бы проснувшись ото сна, я встал и пошёл в общежитие. Стоял обычный шум. Злободневным вопросом была имевшая место битва при Тюз-даге в районе Хоя, в ходе которой возникло какое-то непонимание между начальниками армянских добровольцев и русского воинского подразделения. Полковник Налдиев поставил перед добровольцами задачу занять Тюз-даг с фронта. Но, считая, что это невозможно, по сути намеревался отвлечь противника с фронта, а самому со своим воинским подразделением зайти с тыльной стороны горы и уничтожить силы противника. Армяне заняли Тюз-гору, и противник ушёл на равнину до того, как туда дошёл полковник. Таким образом, вместо того, чтобы быть уничтоженным, противник сбежал, нанеся армянам потери в несколько десятков человек.

* * *

Прошло две недели. Весна была в разгаре. Согласно решению руководящего органа Национального бюро мы должны были отправиться на фронт. Вопреки данному обещанию, я не пошёл к Татикьянам. Мне думалось, что лучше уж больше не видеть той школьницы, которая доставила мне столько дум. Однако накануне отъезда я не находил себе места в городе, и куда бы ни шёл, перед моими глазами стояло её лицо. Я решил оставить этот вопрос на волю судьбы. Сейчас необходимо исполнить свой долг перед нацией. Если останусь жив и если будет суждено, она может стать моей. И не следует мне самому поднимать этот вопрос, пусть решается сам собой. По какому-то странному предчувствию мне даже казалось, что моё вмешательство чревато опасностью. Хотя сильное желание увидеть её перед отъездом переросло в потребность.

По мосту Воронцова слонялись, как и я, праздношатающиеся. Один сельчанин стоял на углу моста и жужжал, подобно большой мухе, зажав под мышкой волынку. Стоящий рядом с ним мальчик десяти лет усталыми глазами изучал прохожих. Отец и сын вместе должны таким образом добыть на сегодня пропитание для, возможно, многочисленной семьи. Это тоже вопрос везенья — смотря кто из прохожих обратит на них внимание. Мальчик вдруг взглянул на меня. Я дал ему всю имевшуюся у меня мелочь. Он опешил. Отец прекратил играть.

Кура разлилась, замутилась илом. Поток несла попавшие в водовороты доски, кустарники, вывороченные из берегов пни. Под мостом она вынужденно умерила свой пыл, волны от краёв направлялись к центру и, кружась, успокаивались. На другом конце моста вода поднялась настолько, что оставалось около одного метра, чтобы достичь круглых отдушин, пробитых в глухой стене винного погреба, расположенного на углу. Там люди, прислонившись к многолетним перилам моста, смотрят на стену. Из одной отдушины саженной стены в стороны реки высунулась кошка настолько, что голова её свесилась, а тело осталось внутри. Она не осознаёт, что можно освободиться, двигаясь вспять, и, с ужасом взирая на волнующиеся воды реки, пытается с большой осторожностью развернуться туловищем. Но отдушина узка. Её попытки ещё более усугубляют положение. В это время она начала жалобно мяукать в сторону моста, прося помощи, как человек. Одна русская женщина стремительно спускается в винный погреб. Не прошло

и секунды, как кошка, словно одержимая, бросается в реку и теряется в волнах. Из дыры в стене появляется кривая палка, которая должна была её спасти.

Вечерело. В нижней части Александровского сада прогуливались солдаты с лужгающими семечки горничными. Немного выше в вершинах деревьев шумят стайки воробьёв. Я вышел на проспект Головина. На противоположной стороне, немного ниже, находился магазин Ншана Татикяна. Я мог навестить его в магазине, не нарушая моего решения не видеть девочки. Высокий, тучный, с симпатичным лицом господин Ншан вопросительно смотрел на меня, пока я не представился. В то время земляки были как родственники, он так меня и воспринял. После примерно часовых распросов он препроводил меня в квартиру, которая находилась на третьем этаже того же здания со входом с тыльной стороны. Моё появление застало Анаит врасплох, однако она культурно поздоровалась и сразу исчезла. Потом где-то внутри помещения, вероятно, на кухне взорвался смех. Это привело меня в замешательство.

Хоть я полтора года назад выехал с родины, и моя информация была несвежей, но такой же неподдельный интерес проявила также госпожа и даже дочери, для которых Ерзнка было всего лишь названием. Видимо знали, что их отец во время старого режима имел, что вспомнить, будучи соратником Рубена Шишманяна — «Дерсимского дяди». Это поколение состояло из хороших людей и хороших армян, это можно сказать и о господине Ншане. Ещё в 90-х годах он придерживался мнения, что благосостояние и свобода западных армян зависит от сотрудничества с непосредственными соседями, особенно с курдами. Он ничего не шадил для содействия усилиям в этом направлении Галуста Арханяна и Шишманяна, пока последнего не арестовали, а самому ему удалось пробраться на Кавказ. Но и после этого он не потерял надежду на последующее осуществление этой идеи. Он знал о печальном конце армяно-курдского сотрудничества с Гасим-беем, о неудаче переговоров с дымликцами, о трагической смерти главы курдского племени (*ашира*) Зейнала в Бингёле и т.д.

Вся эта информация была известна ему. Сейчас г-н Ншан ограничился семейными заботами, воспитал детей в армянском духе, направив усилия против опасности русификации. В своей богатой библиотеке имеет «Раны Армении» Абовяна и множество других

армянских книг. Дома строго узаконена армянская речь. Г-н Ншан осведомлён также о местных событиях. Он знает, что пробил час свободы армянского народа и что Армения должна процветать, цивилизоваться, и он, наконец, со своими детьми должен иметь свой угол на родине.

Постепенно он повеселел и во время ужина тост за тостом предлагал и пил за нацию, воодушевился надеждами на скорое будущее, и вдруг запел:

Добрый, красивый, добродетельный друг,
Что освещает, как солнце, облик человека...
Если рядом с тобою есть верный друг,
В светлый день превращается тёмная ночь.

Девочка вдруг начала смеяться. Отец с улыбкой повернулся к ней.

— Доченька, ты смеёшься по-русски, армянские девушки так не смеются.

И, повернувшись ко мне, сказал:

— Нет слов, мои дети хороши, однако, они не такие, как я хотел бы. Что бы ни было, выпьем за удачу «святого дела».

Была полночь, когда г-н Ншан разрешил мне уйти. До ворот меня проводила Анаит.

— Теперь мы друзья, надеюсь, иногда будете нас навещать.

— С радостью, сударыня, но завтра я отъезжаю.

— Куда? — вскрикнула она с такой неожиданностью, и было видно, что вопрос был для неё не безразличен.

— На фронт, сударыня.

— Ах так, — с безразличным видом, словно сама себе, сказала она.

— Когда возвратитесь, нас не забывайте.

— А если не вернусь, надеюсь, иногда вспомните обо мне, как о друге.

— Конечно, — сразу ответила она, словно говорила о чём-то неважном...

* * *

23 марта наша воинская группа, приблизительно в двести человек, отправилась на вокзал и разместилась по вагонам. От восторженного гомона многочисленной толпы вокзал гудел. Гул распространялся вдоль железнодорожного полотна далеко за пределы

вокзала. Воодушевление армян было безграничным, картина была волнующей: словно мы были олицетворением чаяний многих поколений. Беспремерное волнение царило во мне, когда вспоминал Ерзнка гамидовских дней, арест брата отца, революционную подпольную работу, постоянный страх ожидания погромов, мученичество переходящих кавказскую границу многочисленных групп гайдуков и сравнивал с нашим шумным отъездом.

Поезд тронулся и вскоре взял направление Александрополь-Ереван-Джульфа. От скорости движения земля убегала назад. Параллельно с полотном мелькали редко встречающиеся одинокие строения. Вокруг меня сидели именитые гайдуки: молодые, пожилые, весёлые, озабоченные. Минуя грузинские районы, поезд принял всё более зигзагообразное движение. На рассвете мы проходили Лорийское ущелье, задевая берега одноимённой реки. Иногда казалось, что поезд бросается на встречные скалистые склоны, рискуя разбиться вдребезги. Внезапно поезд попрощался с рекой, изогнулся, зашёл под землю, загрохотал, рассердился, вскипятился, закричал и вдруг снова сдружился с шумящей в ущелье рекой. Поезд и река словно играли, как брат и сестра. Какой-то миг они, запыхавшись, бегали туда и сюда, пока поезд, отделившись, не начал карабкаться на высокую гору, постанывая, как в агонии, и, совершенно обессилев, не остановился на окружённом лесом склоне горы. Перед нами был Санаинский мост. Пышная природа только просыпалась, позёывая.

— Хо... — послышалось в воздухе. Казалось, воздух состоял из невидимых пузырей, и слышалось их лопанье.

— Ух... Хо... — свистел поезд.

— Хо... о... — отзывалась со дна ущелья река.

Висящий над пропастью поезд двигается и, свернувшись как ёж, дрожа вползает на мост. Внизу виднеются крошечные, как гномы, сельчане. Вдруг, почувствовав под собою землю, поезд снова начинает бежать, словно безумно пытаюсь потянуть за собой горы. Рассекая бархатистые луга, он беспрерывно скатывается вниз. В ущелье леса одеты. А наверху деревья ещё ожидают убранства. Поезд замедляет ход.

— Каракилиса, — кричат изнутри.

— Ур-ра! — грохочет толпа на перроне вокзала.

Дети с букетами цветов, крестьяне с сельхозпродуктами, целая толпа в суконной одежде, которая разбегается, шальными глазами

смотрит по сторонам, потом с шумом, с гамом группируется в другом месте и орёт:

— Ур-ра...а!..

Отсюда извилистыми путями мы переходим на голые горы, на склонах которых бликами играет солнце. Затем входим в обширное ущелье, откуда, кажется, нет выхода. На склоне горы, в направлении нашего пути замечаю чёрную точку, которая увеличивается и принимает форму трубы. Вдруг с невообразимым грохотом нас опутывает тьма. Это Джаджурский туннель. Шесть-семь минут кажутся вечностью. Затем тьма начинает, словно сумерки, редеть, и мы снова попадаем в царство света. Вдали вырисовывается выкрашенный в белый цвет вокзал Александрополя. Здесь, на перроне, под звуки доола и дудука танцуют похожие на кинто люди...

В апреле мы были в Салмасте. Среди персидских армян в эти дни воодушевление было ещё больше. Они нарасхват приглашали добровольцев погостить у себя. Через несколько дней нас отправили в деревню Варданлу для укомплектования роты Сепуха полка Андраника. Глинобитные невзрачные хибарки с камышовыми крышами, кривые пыльные улочки, кучи мусора, над которыми повисшие мухи словно исполняли виолончельный унисон.

Рота состояла из 250 солдат, среди которых были люди со всех концов нашей страны. Битва у Дилмана только закончилась, и разговоры солдат, прибывавших в Варданлу, вращались вокруг этой битвы. Среди них были два моих земляка: Геворг Ованнисян, который ещё в Келмахе был известен как опытный революционный деятель, и более молодой Керовбе Ерецян. Свободное от военных упражнений время я проводил с ними. Керовбе слыл храбрым и дерзким солдатом, но, рассказывая о боях, он так приукрашивал и впадал в крайности, что Геворгу часто приходилось его одёргивать.

На персидском фронте из оставшихся бойцов революционного легиона помимо Андраника были Сепух, гюмушинский Аво, Смбат. Андраник был основным лицом как командир первого полка добровольцев. Двое последних ещё придерживались старых моральных принципов дерзости, скромности и самоотверженности. Из них я знал только Аво. Его жена была из Ерзнка, а сын, Ншан, моим соучеником. А его самого я видел семь лет назад, когда он в «медовый месяц революции» приехал с Мурадом в Ерзнка.

Второго мая наша рота двинулась к Араулу, куда неделю назад отступило войсковое соединение Халила-паши после поражения

в бою у Дилмана. К нам присоединился отряд казаков из 400 человек. Когда мы дошли до вершины Совук-булак-горы, выяснилось, что враг приготовился принять бой на Арауле. Это была гора, которая в период ханасорского похода была плацдармом для армянских воинов в сторону стоянки курдского племени Магрик.

Сотня казаков и всадники Аво получили приказ выдвинуться в сторону горы. Затем с разных сторон начали карабкаться также и мы. Постепенно бой разгорячился. Сверху вниз, как град, сыпались пули, и с двух сторон грохотали пушки. Мы уже достигли верхушки холма, расположенного на высотах горы, как вдруг мне под ноги упал один из конных добровольцев — возминский Симон. Едва сделав один шаг в этой суматохе, упал также и я. «Эй-вай, подбит, так ничего и не успев сделать», — пронеслось в голове, и меня сковала слабость. Кто-то взвалил на плечи возминского Симона и понёс вниз.

— Эй, может поднимешься? — крикнул один здоровяк.

Я вскочил, ощупал себя — ничего не случилось. Чувство стыда так меня подстегнуло, что я с остервенением устремился на переднюю линию.

— Ур-ра! — послышалось сзади. Падение возминского Симона разъярило всех в роте. Добровольцы буквально творили чудеса, воюя против превосходящих в несколько раз сил врага. Вечером турки оставили высоты Араула и начали отступать в сторону Белера. С темнотой бой постепенно ослабел и затих. Было приказано занять позиции, бдительно следить за противником и ждать рассвета. Вдали, в поле, звёздный мрак прорезали разбросанные, как лампы, огоньки. Спокойствие нарушали костры, которые разжёл враг. Было очень холодно. Мы также зажгли огни. После полуночи наступила моя очередь охранять наш отряд. Стоя довольно далеко от огней, я не моргая смотрел перед собой. Холод на горе был убийственный. Курить было нельзя. Непривычное дело, впечатления дня настолько обессилили меня, что я словно спал стоя. Я прилагал усилия, чтобы держать глаза открытыми, хорошо смотреть по сторонам, но напрасно: мои веки, как тяжёлые комки мяса, опускались на глаза. Вышагивание взад и вперёд противоречило приказу, крутиться на месте, как юла, — надоедало. Съёжившись в бушлате, я сел под большим камнем, который защищал от встречного холодного ветра. Глубокое небо, украшенное звёздами, охраняло гору. Навострив уши и глаза, я с обострённым вниманием смотрел

на лампадовидные огоньки в поле. Но потребность сна всё более усиливалась: если бы я поспал всего пять минут, то смог бы караулить пять часов.

«Ты, кому доверено охранять отряд?!» — думаю я и, подпрыгнув, встаю. «Надо тренироваться, слабость равносильна предательству, надо добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, только так я могу стать командиром десяти солдат, потом — пятидесяти солдат, потом — отряда...»

Издали, зло просвистев, пролетела шальная пуля. Ужас потряс мою душу. Я сел. Начал бормотать: «Отче наш, иже еси на небеси...». И снова наступила тишина. «А почему только командиром отряда?» — подумал я. «Кто знает, какое блестящее будущее ждёт меня? Почему я не могу подняться на самые высокие ступени? Кем были сперва Лорис-Меликов, Мадатов?..»

И мне видится, что я в блестящем одеянии генерала нахожусь в Тифлисе. Высокое здание напротив Александровского сада предоставлено мне. Перед зданием стоит часовая. На втором этаже царит чрезвычайное оживление. Там я принимаю просителей с различными вопросами. Здесь у входа стоит охранник в расшитой золотом одежде. В коридоре люди в замешательстве. Сидящие вскакивают и приветствуют меня. В следующей комнате сидят служащие. Они также вскакивают и остаются стоять. Затем передо мной открывается просторная приёмная зала, где находятся делопроизводители, помощники. За залой следует комната с покрытыми бархатом стенами, где сидит моя личная секретарша Анаит. Наконец, открывается мой кабинет. Я погружаюсь в кресло и, немного погодя, беру с письменного стола маленький серебряный звоночек и звоню. Входит Анаит и останавливается у порога.

— Начинайте приём, — говорю я и закурываю сигару.

— Здесь одна девушка, которая, вроде бы, знает вас. Из Болгарии. Хочет вас видеть.

— Ах, эта девушка с пышными волосами, — говорю я, вдруг вспомнив дочь Казара-аги.

— Нет, волосы фальшивые, я видела, — восклицает Анаит.

— Всё равно, пусть войдёт.

— Значит, вы хотите видеть эту девушку? — с неприязнью говорит Анаит.

Я удивлённо смотрю на неё и пожимаю плечами. В это время она выходит из моего кабинета и, спустя секунду, входит с одной

старой женщиной, которая, едва двигаясь, подходит к моему столу, держа в руке какую-то бумагу. Она обращает ко мне пожелтевшее, сморщенное, как увядшая айва, лицо и двигает губами, как кролик, жующий капусту. Смотрю на Анаит.

— Это мать девушки, — говорит она с показной невинностью.

— Что она хочет? — спрашиваю я.

— Хочет, чтобы её сына освободили из армии, то есть отпустили, — говорит Анаит и, взяв из рук старухи бумагу, кладёт передо мной.

«Отпустить», пишу на бумаге и ставлю косую подпись... В3-3... Снова свистит пуля и, затихая, удаляется. «Иисус Христос», бормочу я и вскакиваю, как пружина. «Нет, ничего. А если я получу пулю и упаду на землю, как везминский Симон...» — думаю я и снова сажусь...

Вспоминая своё дневное падение и «смерть», чувствую удовлетворение, что умерли другие, а я остался жив. Произошедшее, конечно, не очень приятно, но в суматохе каждый мог подскользнуться и упасть. Только, кажется, немного долго длилась воображаемая смерть, и кто-то крикнул: «Эй, что растянулся? А ну поднимайся...»

Ничего, когда-нибудь война закончится, возвращусь на родину и маме, братьям, невесткам, соседям расскажу всё, с начала до конца. Вдруг я вспомнил рассказы недавно убежавшего из Алашкерта Ашота, и ужас потряс меня... «Мужчины, женщины, старики, дети безжалостно истребляются», — говорил он. А что, если резня дошла до Ерзнка? Кто-то движется в мою сторону. Меня взяла дрожь.

— Кто? — крикнул я, но голос мой прозвучал недостаточно строго...

Это был константинопольский Левон, который пришёл меня заменить. Звёзды бледнели. Огонь в пещере принял медный оттенок. Геворг рассказывал о ханасорском походе. Слова испарялись, и в голове моей фиксировались только имена: Саро, Хечо, Каро, Бидза, Думан, Саргис, Вардан, даларагязский тер-Григор...

— Это была месть за истреблённых в Албаке и революционный суд, — рассказывал Геворг.

Его слушали, расположившись вокруг костра, лёжа и сидя на коленях.

— Первый полк состоял из двухсот пятидесяти бойцов. Было темно, когда они двинулись отсюда вниз, в сторону ста пятиде-

сяти шатров Шараф-бека. Вон туда, на расстоянии одного парсаха, — растягивая слова, рассказывал продрогший Геворг, — совсем приблизились, когда в полумраке нам подал голос курдский часовой:

— Ло, ло, что за люди?..

— И ружья загремели. Остальные триста пятьдесят бойцов окружили поле в этих направлениях...

И снова из сказанного в моей голове фиксируются только названия: горы Сипан, Артос, Вараг, Арнос, Кардвак; святой Варфоломей...

Сквозь одеревенелые пальцы вижу, как отблески медноцветного огня падают на лицо то одного, то другого парня из отряда и бросают под папаху искажённые тени. И думается: кто-то останется жив и кто-то умрёт...

* * *

Перед рассветом выяснилось, что враг отступил. Мы беспрепятственно спустились на ханасорское поле и расположились лагерем у монастыря святого Варфоломея. Здесь перед нами открылась первая картина резни, о которой говорилось, когда я был в Тифлисе. Отступающий враг вырезал жителей села Харисан. Женщины, дети, старики, старухи рядами, поодиночке, у взломанных дверей, в хижинах, под стенами, в хлевах, на крышах, под деревьями — везде лежали вкривь и вкось с застывшей болью на лицах. За дорогой, у развалин лежало около двадцати трупов девушек в разорванных одеждах, с остекленевшими от ужаса, уставившимися в небо глазами...

4 мая наша рота выступила в сторону Чухапетука. Полковник Аво со своими всадниками выехал вперёд. Обаянием веяло от этого молчаливого и храброго человека. Во время боя он был везде, в первых рядах. После боя его никто не видел. Он спал или просто уединялся.

Когда мы дошли до Чухапетука, всадники Аво уже заняли сильные позиции. Бой был очень тяжёлым. Резня в селе Харисан разъярила всех. Но и враг взбесился. Озверевшая от отступления турецкая армия, по-видимому, решила дать здесь решительный бой. Как стало известно, враг получил подкрепление из Вана и, успешно сопротивляясь, наносил нам потери. Немного спустя, когда подошла наша артиллерия, положение изменилось. Округа содрога-

лась от двухсторонней канонады. С четырёх сторон разряжалось от двадцати до тридцати тысяч ружей. Дым и пыль зачастую опутывали всё вокруг. После полудня левое крыло врага ослабело, но в центре он упорно сопротивлялся. Пехота, кавалерия смешались. Справа, слева, сверху, снизу свистели смертоносные пули.

Добровольцы падали, скатывались, вставали и с криком «мечь» устремлялись вперёд. Ярость охватила людей, сознание помутилось. К вечеру левое крыло врага отступило. Всадники Аво оказались в тылу врага, но пехота опоздала, и остаткам армии Халила-паши опять удалось улизнуть, истребляя по дороге безоружных армян.

Нелишне отметить, что воевавшие с нами русские войска не отставали в храбрости от добровольцев и очень превосходили в дисциплине и боевом искусстве. Но, насколько мне удалось видеть в Арауле, и здесь в решающий момент судьбу боя решали добровольцы.

5 мая мы начали преследовать отступающего врага. Преследовали до вечера. Но Халил-паша уходил в направлении Вана, везде по дороге сея смерть. В тот же день мы заняли Башгале. Турецкое население убежало, армяне были уничтожены до последнего человека. В следующие два дня преследование продолжалось, не прекращаясь. Мы вошли в три-четыре пустые деревни. Всадники Аво освободили похищенных курдами нескольких армянских девушек, которых отправили в Салмаст. Во время этого длительного передвижения в авангарде была армянская конница, за ней шла наша рота, потом шли конные казаки, за которыми следовала русская пехота, затем — артиллерия, снова русская пехота и, наконец, обоз.

15 мая мы вышли из Разана и поздно вечером дошли до Эмерзадских гор. Вступили в бой с арьергардом врага, но наступила темнота, и бой прекратился. В эту ночь я не смог сомкнуть глаз. Бесчисленные сомнения охватили меня в отношении целесообразности предпринятого нами дела. Враг, отступая, уничтожал армян. Мы отвоёвывали брошенные пустые деревни...

В сумерках передо мной открылась необыкновенная картина. Рассветало. Восток багровел, и из сумеречной неопределённости друг за другом появлялись костяного цвета скалы Эмерзады, которые издали походили на груды скелетов. В воздухе слышалось глухое потрескивание. Распространяясь огненным озером, пламенел за скалами горизонт. Из расщелин, карабкаясь, поднимались и, колыхаясь, исчезали тени.

Утром получили приказ: преследуя врага, заставить его принять бой. Но турки продолжили отступление и вошли в просторное ущелье Эомерзады. Мы остервенело преследовали врага, но он уже не считался с нами. Он невозмутимо отступал в сторону Сгерда, Битлиса, сея по дороге смерть вокруг себя. Утром 18 мая мы вроде совсем приблизились к врагу и начали готовиться к бою. Но с восходом солнца выяснилось, что враг отступил и не видно даже его следа.

Теперь мы цепью передвигались по голым сероватым тропинкам. Мы были разбиты усталостью, но положение всадников было тяжелее. Горы и ущелья были забиты стадами овец, неисчислимые богатства валялись на дороге. Везде — драгоценные ковры, различные вещи, продукты и др.

С гор спустились в армянское село Сиконис. Из пещер появилось несколько обезумевших старых женщин. Село было уничтожено. Турецкие войска перешли Тигр и направились в сторону гор Чарчалан.

В конце месяца мы вошли в Васпуракан и достигли Вана, который освободился благодаря своему храброму сопротивлению, помощи подоспевших добровольцев и особенно — усилиям своего бесстрашного предводителя Арама. Это было единственным утешением в сплошном несчастье. Наша рота временно расположилась здесь. Русское командование отложило решение взятия почти опустошённого Битлиса. Меня и кюринского Саака пригласил к себе на постой Григор из местных товарищей. Два дня подряд мы осматривали развалины — свидетелей славного сопротивления. Даже в этом полуразрушенном состоянии Ван был великолепен. Открывшиеся перед нами с вида из грота Зимзим необъятные горные хребты Арноса, Артоса, Гургюра закрывали горизонт, снега величественного Сипана терялись в облаках. С этих высот прохлада мягко спускалась до большого поля, где спокойно дремало чистое озеро Ван. Под чистым небесным сводом поблёскивала открывавшаяся на склоне горы Варага обширная долина, где играло разноцветье тени и света, а под горами растения светились золотистым и коралловым цветами. Древняя мощь скалы Шамирам лелеяла долину, которая окаймляла утопающие в зелени село Артамет и порт Аванц... В процессе боёв турки обрушили на город 16 000 артиллерийских снарядов.

От пещеры Зимзим спускаемся вниз к армянским укреплениям, окопам, где бессмертные герои обороняли город. В эти дни в Ване

было не менее 80 тысяч жителей, потому что к местным прибавились беженцы из окрестных сёл и деревень. Несмотря на это перенаселение, разрушения, полученные в результате столкновений, Ван переживал небывалые, охваченные радостью дни. Всю ночь до утра мы слушали рассказы Григора о героической обороне Вана, что было большой поддержкой нашим упавшим духом сердцам. Но это длилось недолго. В первые дни июня началось общее отступление русских войск. Создалось положение, в котором никто ничего не понимал: отступал разбитый на всех фронтах враг, отступало также победившее русское войско, отступали также и мы. Но за линией нашего отступления мы оставляли несчастный народ озверевшему врагу, от которого уже никто не мог спастись.

Глава 2

Геноцид

Вследствие июньского отступления число депортированных из Турецкой Армении составляло 250 000 человек. Из этого числа надо вычесть около 20 000 человек, которые, выйдя из района Беркри, не смогли присоединиться к общему потоку отступающих и были уничтожены. Остальные двигались в трёх направлениях: к Карсу, Игдиру и Джульфе. Из депортированных достигли русской земли 207 000 человек. Остальные в дороге скончались. Подавляющее большинство достигших Кавказа были женщины и дети. Из ста человек едва 10 были мужчины, да и то в большинстве старики.

Общий поток беженцев, около 170 000 человек, двигался в сторону Игдира. С этим потоком шёл и я. За нами шли опоздавшие, убежавшие из более далёких мест, и не было конца колоннам, скрытым облаками пыли. На турецкой границе стояли всадники, которые разыскивали больных и потерявшихся детей. В этих местах, до Игдира, в полях, пашнях, садах на больших расстояниях были разбросаны беженцы. В самом Игдире было переполнено — 20 000 человек. Большой поток ищущих приюта двигался к Еревану, уничтожая, как саранча, съедобные растения и обгрызая корни черенков винограда. Всадники, стерегущие границу, в первые два дня собрали 500 брошенных и потерявшихся детей. В эти же дни в Эчмиадзине мы похоронили 103 беженца, а на следующий день — 80.

Внезапное отступление не дало возможности подготовиться к приёму такой большой массы людей. Не было места, не было достаточного количества хлеба, горячей пищи, медицинской помощи, а между тем большинство беженцев были больны.

Больницы Еревана и Эчмиадзина еле смогли разместить 1500 человек. В Эчмиадзине большая часть больных расположилась вокруг Нерсисяновского пруда под деревьями и стенами монастыря. Особенно много было больных детей. В Эчмиадзинской семинарии столпилось 3500 детей, лишённых родителей. На третий день, вечером, я в большой зале насчитал 110 детей, которые лежали на дощатом полу почти голые. Кое-кто спал, но большая часть плакала.

Оказание помощи очень затруднялось из-за отсутствия организованности. Кто-то вдруг становился «распорядителем». Каждый покорно подчинялся ему, пока не появлялся кто-то новый. Я сам себя назначил опекуном детей и сирот и занимался этим делом. Но

такое длилось недолго. Массы стали редеть. Из Тифлиса, Москвы прибыли национальные комитеты, Общественная организация Союза городов по оказанию помощи со своими многочисленными подразделениями.

Ереванское подразделение этой организации наделило меня должностью «собирателя сирот», что фактически я уже сделал. Эта работа не была такой простой, как казалось. Следовало предварительно проверить, имеет ли данный ребёнок родственников, у которых он мог временно пребывать, пока откроются новые детские приюты и будут приведены в порядок старые. Имелось и другое затруднение: зрелые сироты через день-два убегали из так называемых сиротских домов, предпочитая нищенство. Таких можно было отловить только на рассвете под дверями магазинов, под стволами деревьев, в углах глухих улиц или в развалинах разрушенных домов в сонном состоянии, так как проснувшись они убегали и были неуловимы. Однако по мере улучшения условий в приютах число убежавших уменьшилось. Но вместо этого появилось новое затруднение. С каждым днём появлялись новые «сироты». Подвергнутые бесконечным лишениям родители-беженцы, будучи не в состоянии обеспечить существование своих детей, привозили их в город из самых отдалённых деревень и, оставив на улице, убегали от родных детей в деревни. Эти ложные сироты большей частью определялись в армянские семьи, которым сообщались имена родителей, если это было возможно выяснить.

Самым беспокойным элементом среди сирот были осиротевшие до депортации. Они, за редким исключением, состояли из мальчиков 8–12 лет, иногда — до 14 лет. Во время резни они убежали от курдов, возвратились в заброшенные родные деревни, влача там существование до общего отступления. Затем, присоединяясь к продвинутым вперёд тем или иным добровольческим отрядам, эмигрировали. Одному 14-летнему сироте удалось не только выкрасть у курдов свою 5-летнюю сестру, но на своих плечах донести её до Кавказа. Все они были дерзкими, толковыми, стойкими. Не любили говорить. На распросы о родителях всегда отвечали одним словом — «убиты».

Не было видно, что они чувствуют боль в связи с этим. Только один сказал, что они спрятались в тони́ре и там сгорели, и заплакал. Почти все имели свою «одиссею». Из остальных сирот девочки были общительнее мальчиков. Однако первые лучше свыкались

с мужчинами, чем с женщинами, опекавшими сирот. По-видимому, они в лице чужих людей могли видеть заменяющих отца, дядю, брата, но никогда — мать.

Каковы были стратегические основания для отступления 2 июня и какова связь между этим отступлением и возникновением в Турции ужасной резни, я не знаю. Но события развивались так: сразу же после отступления из Битлиса, Муша, Сасуна было выселено около 150 000 армян. 7 июня из Ерзнка было выселено 20 000 армян; 16 июня из Эрзрума — 18 000 армян; 28 июня из Трапезунда — 14 000 армян; 29 — армяне Баберда, Сваза, Харберда, и в конце месяца по направлению Сваз-Харберд уже шло по дороге смерти около полумиллиона народа...

Ереванские армяне были в трауре. Отступление перевернуло жизнь армян, и везде сложилась нервная обстановка. Бездонный водораздел возник между армянским народом и вчерашним «дружеским» российским правительством. Не было человека, который не видел бы в отступлении злого умысла. В основе суждений был традиционный тезис «Армения без армян». Везде говорилось о резне. Армянские газеты Тифлиса, которые до этого были полны событиями Вана, отступлением, высылкой армянской интеллигенции из Константинополя, слухами о локальных погромах, теперь были в набат в связи с уничтожением всего западно-армянского народа. Из самых дальних уголков Турции ещё приходили отдельные беженцы, чьи ужасные рассказы о зверствах, погромах и картинах смерти чередовались один за другим...

Немного ниже сиротского приюта в квартале Конд проживал Амазасп Барагамян, скромный молодой тивринец, который изначально осуществлял организационную работу в рядах добровольцев, а после отступления отбыл в Тифлис. Теперь он возвратился в Ереван в качестве корреспондента «Горизонта» и весь день вращался среди новоприбывших беженцев, собирал сведения о событиях.

Он был известен среди беженцев как «журналист Амо», и каждый новый беженец при первой возможности посещал его. Своё свободное время я также проводил у него, с надеждой что-либо узнать о беженцах из Ерзнка. Хоть я не сомневался в судьбе моих родных, но неизвестность изнашивала меня, как чахотка, из-за чего я пребывал в болезненном состоянии. В начале августа я у Амо повстречал недавно сбежавшую из Трапезунда низкорослую женщину, которая монотонно рассказывала, как утопили в море 500 ар-

стованных армянских интеллигентов, которых, якобы, выселяли в Самсон. Описания женщины были настолько жалостливые, что было очень трудно слушать. Амо с беспристрастностью следователя записывал рассказ на длинных листках бумаги, задавая женщине новые вопросы. Когда женщина начала описывать резню в Дже-визлике, я силой заставлял себя слушать.

«Предварительно мужчин отделили от женщин и детей, — рассказывала она, — потом мечами, ножами, штыками ружей безжалостно и изошрённо убивали их. Ужасные вопли заполняли поля. Земля, трава были залиты кровью. Мальчики, с расширенными от ужаса глазами, издавали бесчисленные вопли. Женщины протягивали руки, умоляли, падали в обморок. Повсюду распространялся тёплый запах крови...»

Вдруг мне почудилось, что я вижу всё это, слышу жалостные крики, вопли ужаса и боли, бурную мольбу, безумные выкрики и предсмертные хрипы, вижу трупы точно так, как они были разбросаны в селе Арисан, чувствую запах крови. Охваченный кошмаром, я встал, чтобы уйти и ничего больше не слышать, но голова моя закружилась, и я упал...

Когда я пришёл в себя, женщины не было. Амо, поддерживая под руку, провёл меня в мою комнату. Ночью я не смог сомкнуть глаза. Достаточно было задремать, как предо мной вставали видения различных ужасных картин: как будто мать моя находится в пещере села Сиконис; как будто все наши дети, собравшись вокруг тонира, в один голос вопят; как будто брат с раздробленной головой лежит в саду... И каждый раз, когда я был в состоянии соображать, перед моими глазами вырисовывалось надутое, самодовольное лицо Талаата, портрет которого я впервые увидел в Ване. Поймать, завязать на его шее верёвку, таскать, как собаку, по всем местам организованной им резни и на последнем месте, перед глазами умирающих жертв, обескровить его... Самые варварские планы моральных, физических мучений в отношении него возникали в моём воспалённом мозгу.

Всего несколько дней я был прикован к постели, но от впечатлений того дня унаследовал головокружения и обмороки, которые временами подсекали меня.

В середине сентября в Тифлисе, в одной из армянских газет я прочитал перевод официального отчёта от 11 июля американского представителя в Харберде, в котором говорилось:

«В первых числах июля в лохмотьях, изголодавшие, больные прибыли в Харберд первые караваны из Карина, Ерзнка. Два месяца они были в пути почти без воды и пищи. Матери добровольно отдавали своих детей тем, кто хотел взять. Богатые турки подвергали медицинскому осмотру молодых девушек и самых красивых забирали для своих гаремов. Согласно рассказам этих несчастных, большая часть была похищена или убита курдами, которые совершали длительные набеги на караваны.

Многие скончались в дороге от голода и упадка сил. Через два дня подошли новые караваны. Среди беженцев были три сестры, которые знали английский. Из 25 членов их семьи одиннадцать были убиты в пути. Из представителей мужского пола самому старшему было восемь лет. При исходе из своих мест беженцы имели коней, деньги, узелки, но в пути их грабили беспощадно, даже одежды почти не осталось, а одна из девушек была совершенно голой. В Харберде указания о высылке начались с ареста сотен мужчин. Ночью их отвели в ближние горы и потом никто не вернулся. В их числе были: предводитель армян, учителя американского колледжа, известные в городе лица, а также военнослужащие-армяне и те мужчины призывного возраста, которые заплатили откупную (*бетел*). 5 июля было арестовано ещё 800 мужчин. На следующий день их отвели в пустынное место в горах. Там их обвязали верёвкой группами по 14 человек, так как имеющимися верёвками больше 14 человек не могли связать, и расстреляли из ружей. В близлежащем селе другие группы армян были изолированы. Продержав три дня без воды и пищи, их поставили перед ближайшими скалами и расстреляли. Тех, которые ещё дышали, добивали штыками и ножами. 10 июля имела место резня тысяч армян в двух часах от города. Такие же убийства имели место во всех окрестных деревнях...»

В конце ноября в Тифлис прибыл свазский Мурад, который с 13 товарищами из Сваза десять месяцев непрерывно воевал в горах, дошёл до Самсона и, захватив парусник, сумел доплыть до Батума. В «Горизонте» была отпечатана история этого легендарного бегства под заглавием «Одиссея Мурада», из которой можно было иметь представление о массовых выдворениях и погромах, осуществлённых на направлении Самсон — Сваз.

Поочередно начали появляться ужасающие отчёты различных миссионеров, итальянских дипломатических представителей, кото-

рые констатировали, что своими масштабами и организованностью армянские погромы превзошли все подобные события в истории.

В конце года дошли слухи о нескольких восстаниях уничтожаемого народа. Восстали армяне скалистых возвышенностей Шапин-Гарахисара, Урфы, Айнтапа, Зейтуна, Чепел-Мусы...

Уже стало ясно, что резня армян может прекратиться, когда завершится общая война. Но военный министр лорд Кичнер заявлял, что Англия может принять активное участие в войне только через два года, на двух сухопутных фронтах положение было более чем безнадежным. Несмотря на то, что германцы большую часть своих сил бросили на восточный фронт, усилия англичан и французов в течение года прорвать в районе Сомиы германский фронт завершились неудачей. На всём западном фронте война приняла «позиционный» характер. Это дало возможность Германии держать там оборону минимальными силами, чтобы на восточном фронте предварительно рассчитаться с русскими.

После неудач в проливах 18 марта, когда союзники потеряли четыре крупных военных корабля, англо-французский флот больше не пытался пройти Дарданеллы. А на окраинах Галиполии высадившаяся армия Гамильтона в течение года не достигла какого-либо успеха.

Между тем, на Балканах, в октябре-декабре героически сопротивлявшаяся давлению напавших одновременно с севера и востока под общим командованием Маккензена австро-германских и болгарских превосходящих сил Сербия была разгромлена в пух и прах.

Ещё безутешнее было положение на русском фронте. Сконцентрированные в районе Кракова германские силы ещё в мае несколькими сильнейшими ударами заставили русских отойти и отступить по левому берегу Вислы. Немного спустя русские оставили Перемышль и Львов, а к концу лета ими была оставлена вся Галиция. Осенью германцы поочередно завоевали Ковно, Гродно, Брест-Литовск. После этого русские начали отступать по всему фронту, только изредка вступая в локальные бои на укреплениях, подготовленных в тылу...

* * *

В начале 1916-го, когда мы узнали, что армия Гамильтона оставила Галиполию, наше отчаяние достигло своего пика. Испарилась всякая надежда на спасение остатков нашего народа.

В Ереване деликатные интеллигенты проблему объясняли англо-русским противоборством. Вроде, если бы Англия пожелала, то смогла бы захватить проливы. Но в связи с тем, что в этом случае она была бы вынуждена уступить Константинополь русским, то после годовых раздумий отступила...

В эти дни до Тифлиса дошёл убежавший с Междуречья врач Торосян и о положении ещё оставшихся в живых беженцев сообщал:

«Высланные в Междуречье мои несчастные земляки состояли большей частью из женщин и девочек. Они, к сожалению, еле прикрывали свою наготу лохмотьями, не имея ничего для защиты от суровостей климата. Кое-кто, сидя, скрестив ноги, на земле, пытался защититься от жары тенью зонтиков, собранных из лоскутков, но большая часть была лишена и этой жалкой защиты. Среди песков везде возвышались земляные холмики, вокруг которых кружились озверевшие собаки. Многие трупы оставались незахороненными. Их было тысячи, этих несчастных, похожих на скелеты, с впалыми щеками, потухшими или черезчур блестящими глазами, лишившихся дара речи, с лицами, отупевшими от страданий...»

Если до этого я ещё надеялся, что мои родные могут выжить в пустыне, то сейчас угасала и эта надежда. Оставалось одно: выяснить, как можно пробраться в Константинополь и найти Талаата. Только его смерть могла в какой-то степени смягчить пережитое горе. В продолжающемся кошмаре эта идея никогда не оставляла меня. Иногда она так захватывала меня, что я забывал всё на свете. Моя должность в Общественной организации Союза городов ещё сохранилась, но я ничего не делал.

Немного позднее русские заняли Эрзурум. В Ереване эта новость была подобна разорвавшейся бомбе, ведь никто не верил в боеспособность русской кавказской армии, так как было известно, что лучшие силы этой армии переброшены на русско-румынский фронт, а оставшиеся не имели требуемого количества боеприпасов для наступления.

Теперь открывался новый период надежды. Люди снова ожили. Ещё не всё было потеряно. Какой народ освободился из-под турецкого ига без массовых погромов? Зачем думать, что мы составляем исключение? Сколько народу было, когда Болгария освободилась? Таковы были теперь настроения. И началось новое движение на фронт. В тот же день Амо, взвалив на плечо мешок с бумагами, пришёл ко мне прощаться. Он отправлялся в качестве журналиста

ста за свежими новостями. Поочерёдно выехали все пребывавшие в Ереване мои товарищи по добровольческим отрядам. Однако теперь добровольческие отряды были распущены. Как таковые они свою роль уже сыграли. Вновь комплектуемые отряды, также как и остатки бывших отрядов, трансформировались в армянские ружейные полки и, под командованием кадровых офицеров, вошли в состав русской армии.

В конце марта я едва смог оправиться от болезни и выехать по делам в Организацию городов. У Саригамыша меня с удовольствием приняли к себе два офицера-артиллериста русской армии, Тер-Акопов и Тер-Петросов, которые на грузовике везли в Эрзурум принадлежности полевой и телефонной связи.

С этой стороны я впервые подъезжал к Эрзуруму. Горы и долины свидетельствовали о старом и новом кровавом историческом прошлом. Вечером достигли Гарауркана. Мои приятные, культурные товарищи, видя, что я только оправился от болезни, оказывали внимание и заботу. На следующий день мы отправились в направлении Кеоприёй через Зивин. Проступающий сквозь сумеречную неясность Зивин напоминал жертвенность группы Кайцак Вагаршака, о чём я много лет раньше прочитал или слышал. В нашем древнем Вагаршаване мы не остановились. Вечером добрались до Хасангале, где тысяча четыреста лет назад Васак Мамиконян укрепился со своими храбрцами от преследовавших его персидских войск. На рассвете тронулись в путь. Дорога была плохой, но воздух свеж. На закате солнца появился окружённый высотами Карин (*Эрзурум*), глубоко сидящий в пространстве, как на арене цирка. Последние лучи солнца играли на тонких и острых шпилях минаретов.

В городе на каждом шагу встречались отдельные военные, войска, гружёные телеги, караваны верблюдов. Вдруг я увидел каринского Саака, с которым мы после отступления занимались сиротами в Эчмиадзине. Жилистый Саак сгрёб меня своими ручищами. Он проживал неподалёку от Санасарянского лицея. Проводил меня к себе. Из добровольцев, приехавших с ним из Америки, никого не было, и он намеревался отправиться в сторону освобождённых Вана и Битлиса.

Из 18 000 армян Эрзрума осталось 120 человек, из коих шесть были мужчины, остальные — женщины и дети. Армяне всех деревень губернии были уничтожены.

Утром я представился уполномоченному организации Союза городов Тиграну Агамаляну. Это был высокий человек с недовольным выражением лица, большими грустными глазами, погружённый в работу. Несколько десятков сирот, найденных в окрестных районах, уже были отправлены в Александрополь. Но в этом направлении, до Хноса, ещё было много работы.

Немного спустя я был у Амо. Ещё в Ереване я прочитал его ужасающие репортажи о резне, организованной членами Османского парламента Сейфуллой и Инклизом Ахмед-беями, командиром Кузи-беєм, Бехаэттин Шакиром и Хаджи-беєм. Амо и теперь был занят тем же делом. Его жизнь не знала отклонений. Настроение — высокое. Несколькими словами он объяснил мне реальность: то, что было, уже было, теперь необходимо думать о будущем.

Торопился посмотреть какой-то памятник для репортажа. Он положил в карман со стола связку длинноватых листков бумаги и встал.

— Между прочим, ты можешь быть мне полезен, — сказал он, — пойдём. По дороге поговорим.

«Памятник» был полуразрушенной постройкой, которая находилась немного ниже армянского кладбища, на холмистом лугу. Он должен был служить младотуркам самым большим клубом с игровыми залами, спортивными отделениями, прудом, местами для прогулок и т.д., остался недостроенным в связи со взятием города русскими. Две метровые стены постройки были выложены принесёнными с армянского кладбища надгробными плитами. По-видимому, место было выбрано с целью быть поближе к строениям, так как ещё ниже открывался вид на красивые цветущие луга. Здесь Барагамян посадил меня на камни поодаль от одного из строений, чтобы я записывал под его диктовку.

— Пиши, — закричал он, высовывая голову оттуда, — восточная стена, слева направо. Здесь почил...

— Что?

— Здесь почил дьяк Геворг, сын Нахрана Акопенца из Хнуса, который горестной смертью оставил жизнь в 1845 году...

— Пиши: «Это надгробный камень дочери Нури Хатуна, которая при первых родах вдвоём погасла во Христе, — она и её ребёнок, — которая была женой Ованеса Челепуна из Инекчи, по прозвищу Чухур...»

— Пиши третий: «Здесь почил Мугдуси (паломник) Матевос, который покинул мир наш от паралича. Кто увидит могилу, пусть прочтёт “Отче наш” и скажет: “Царствие ему небесное”...»

Второй ряд.

— Пиши: «Это надгробный камень дочери эрзурумского Махтеси (паломника) Акопа, Србуи, безвременно умершей в 1889 году». Под этим пиши: “Кто увидит эту могилу, пусть не проходит мимо без благословения, так как мир преходящ”».

Моё сердце сжималось, стало тоскливо. Амо влез в здание и, с трудом высовываясь, кричал: «Здесь почил», «Здесь почил».

— Пиши: «Мавзолей...»

— Хватит, — крикнул я.

— Пиши, пиши. В этом ряду последний: «Здесь почил Тадевосага, что был сыном паломника Матевоса. Под этим погостом упокоился Айказ из Эрзурума по фамилии Авагян из нашего рода Гайказянов. Он мечтал увидеть могилу Апостола святого Петра».

— Жаль. Пиши под ним: «Србуи — дочь эрзрумского паломника Акопа, которая безвременно скончалась в 1889 году».

— Пиши под этим: «Кто увидит эту могилу, не проходите мимо без благословения, потому что преходящий мир всегда для нас искушение».

— Пиши: «Это склеп торговца сапфирами Минаса-ага, его жены Ханама».

— Хватит, — закричал я.

— Пиши, пиши. Последний в этом ряду: «Здесь почил Тадевосага, который был сыном паломника Аракела амира Читчяна — держателя арсенала царского двора...»

* * *

В апреле русские заняли Трапезунд, а в середине июля — Ерзнка. В полях Эрзурума везде находили исхудалых, доведённых до дикого состояния детей, большая часть которых влачила существование в развалинах армянских деревень. Попадая к нам в руки, они дрожали от страха. Необходимо было приложить большие усилия, чтобы объяснить, что им уже не грозит опасность. В Хнусе их было собрано около двухсот душ. Везде первоочередной задачей была забота о сиротах. Каждый сиротка был ещё одним кирпичиком, для восстановления нации. Я старался

как можно быстрее завершить свою работу, чтобы отправиться в Ерзнка. В конце августа у нас появился один из товарищей Мурада по имени Овнан, который приехал по трассе Батум—Тифлис—Карс и направлялся к Мураду. Я и карнинский Саак отправились с ним.

Дорога была забита бесчисленными телегами, запряжёнными волами, которые перевозили боеприпасы и еду в сопровождении русских солдат. Мы ехали в двухконном экипаже Союза городов, который должен был возвратиться с сиротами, собранными в Ерзнка. Кучер, широкоплечий, с круглыми бараньими глазами мушец Гарегин, сидел к нам боком и скорее слушал рассказы Овнана, чем правил лошадьми, и мы часто плелись за носильщиками-арабами. Каждый раз, когда Овнан рассказывал о тех или иных трудностях побега или о неравных сражениях во время длительного перехода из Сваза в Самсон, Гарегин, всполошившись, восклицал: «Эй, Мшо Султан, Святой Карапет!» или горестно бормотал: «Ах ты...» Незатейливый рассказ Овнана местами был действительно волнующим. Например, когда Мурад сотоварищи, спрятавшись в пещере, наблюдали выселение родных, узнавая в толпе матерей, сестёр, братьев, детей, и не решались выстрелить в погромщиков. «Что можно было сделать? Мы могли убить пять, десять человек, а они — всех», — говорил он.

Или когда они подходили к святому монастырю, и Мурад там получил письмо жены, где она писала: «Обо мне больше не беспокойся, я сама себя убью, прошу, напиши провизору, чтобы дал мне немного яду...»

Мы добрались до Мамахатуна. Здесь произошли большие перемены. Были построены огромные дощатые амбары, общежития, склады. Площадь была запружена телегами, гружёнными военными и боеприпасами. Мы там пробыли что-то около часа. У Котур-Кеопра Евфрат величаво пересекал дорогу. Чем ближе мы подъезжали к родным местам, тем больше меня охватывало волнение.

На следующий день перед нами предстали стоящие на перекрёстке дорог, ведущих в сторону Трапезунда и Карина, казармы, над которыми теперь колыхались русские знамёна. Немного ниже с возвышенности уже проглядывала острая вершина горы Ени-Чам. Ещё ниже на солнце поблёскивали купола церквей Святого Ншана и Святого Спасителя.

Под вечер мы въехали в Ерзнка. В начале турецкого квартала турецкие мальчишки, поддерживая одной рукой штаны, бежали по густой пыли, пытаясь догнать наш стремительный экипаж. В тени под стенами на корточках сидели задумчивые турки. Проходящие по тротуарам курдянки заботливо кутались в свои накидки.

Въезжаем на центральную площадь, где справа и слева, напротив друг друга над зданиями штаба, государственного департамента, мэрии и Мьюши Сарая развеваются русские флаги. Как будто ничего не произошло, только поменялась власть.

Но эта иллюзия длилась недолго. Когда Гарегин свернул направо, перед нами предстала пустая Церковная площадь. Просторная площадь, которая всегда была полна народу. Справа одиноко стояла церковь Святого Саргиса — место наших детских пасхальных игр с крашеными яйцами. Прямо напротив, на фронтоне площади, был наш дом. Соскочив с экипажа, я устремился туда, но острое, неприятное предчувствие приостановило меня. Незнание было предпочтительнее всего того, что я мог увидеть. Я направился влево, в сторону центральной школы, церкви Троицы, к предводительству.

Центральная школа была превращена в больничный приют. Заведующим был Аршак Погосян, широкоплечий, немного сгорбленный, со спокойными и умными глазами симпатичный мужчина примерно сорока лет. Напрасны были мои ожидания: среди сирот не было моих родных. Из Ерзнка никого не было, все дети были из районов. В Ерзнка из армян остались только две-три семьи, среди которых и наши соседи Тарикяны. Вышел, не зная, что делать. Перед нашим домом стоял один офицер.

- Что вы хотите? — крикнул он.
- Это наш дом, хотелось посмотреть...
- Это ваш дом?
- Да...
- Откуда вы прибыли?
- Из Эрзурума.
- Вы доброволец?
- Нет, представитель Совета городов.
- Ваши родные были здесь?
- Да.
- А теперь?
- Не знаю...

Этот симпатичный человек повесил голову, затем, вытащив табак, сказал:

— Угощайтесь...

Наш дом превратили в общежитие, но внутри никого не было. С задней стороны часть здания была разрушена. На нижнем этаже дровяной склад, кладовая, отсеки для сена, муки, фруктов, а также хлебопекарня и кухня были забиты чужими вещами. Наверху большая веранда, где мы сидели, обедали, ужинали летом, и четыре комнаты были заставлены скромными солдатскими постелями. Наш дом на моих глаза преобразился в исторический памятник. Из моей маленькой спальни появился солдат. Я не понял, что он сказал. Моё горло сжималось, я еле сдерживал слёзы. Спустился вниз. Вышел. Все деревья, окружавшие наш дом, выстроившись в ряд, смотрели на меня, как старые преданные друзья. Я знал все гнёзда на них и понимал щебетанье птиц. Я бросал им из окна шарики из хлебного мякиша. Знал, какое дерево летом источает смолу. Зимой я очищал их ветки от густого снега, чтобы они тянулись ввысь. Ряд деревьев достигал начала нашего обширного сада. Большинство фруктовых деревьев было вырублено или выкорчёвано. Везде виднелись тумбы и ямы. Несколько деревьев с опустившимися ветками грустно смотрели на меня. Ниже — здесь и там стелились и торчали кусты и сорняки. Здесь больше не было жизни. Как сон исчезло всё, что напоминало детство. Только в глубине сада сохранился в целости уголок, где в детские годы Аветис, накинув, как филон, мамину чёрную шаль, пел, как дьяк: «Святой Боже», и разные шараканы. Но образовалась большая заросшая тумба. По какой причине и как, если деревья были на своём месте?.. Ужас потряс меня, я почувствовал, как на меня повеяло тепловатым запахом крови. Голова моя закружилась. Со страхом я бросился бежать, но упал...

Когда я пришёл в себя, были густые сумерки. Дрожа, вышел из сада. На деревья с шумом усаживались вороны. В голове у меня был хаос, я не знал, куда идти. Лёгкий озноб бил меня. Во дворе Тарикьянов заметил кого-то. Что это: бред или действительность? Этот «кто-то» был очень похож на моего старшего брата Мисака. Это было так неожиданно, что я едва осмелился позвать его. Он ошеломлённо посмотрел, потом вдруг бросился ко мне и заключил в свои объятия. Он приехал из Сербии неделю назад по трассе Батум—Трапезунд—Тепе—Тере—Ерзнка. Приехал искать наших... Меня не расспрашивал, словно знал, что я приехал или должен был

приехать. Не мог не приехать. Только, внимательно посмотрев на меня, заботливо и серьёзно спросил:

— Ты болен?

— Нет, но вчера ночью по дороге немного продрог.

— Зайдём, я остановился у Тарикянов.

Хозяин, жена и дети. Их я помню. Они думают, что это брат нашёл меня. Тарикян приветствует меня, жена от радости прослезилась... Чай, сыр, хлеб, варёные яйца, радостное оживление традиционного гостеприимства, но... в пустом, полуразрушенном доме.

Они сбежали и чудом спаслись от смерти. Долго блуждали в ущельях Дарсима, попали к одному курду, который спрятал и сохранил их с условием, что они примут магометанство. Ещё свежо было ими пережитое, и господин Тарикян чувствовал внутреннюю потребность рассказывать всем о пережитых ужасах и ухищрениях ради выживания. Мой брат слушал его с напряжённым вниманием и задавал дополнительные вопросы об адской роли начальника городской полиции Мемтух-бея в массовых погромах Кемах Богаза и в других подобных событиях. Я хотел уйти, уйти оттуда. Но куда?..

Жена Тарикяна, наверное, почувствовав моё состояние, пошла наверх и, немного погодя, появилась, сказав, что я могу подняться и отдохнуть, если желаю. На верхнем этаже единственное окно отведённой моему брату комнаты смотрело на сад дома моего дяди по отцу, с которым было связано множество детских воспоминаний. Тёмные облака пробегали по небу, изредка затмевая луну. Я закрыл оконные ставни и лёг в постель, но старое одеяло не грело. Голова моя горела, как в огне, тело знобило. Я встал и набросил на себя пальто. Не помогло. Тело гудело. Тяжёлые думы мучали меня: как я жалок, никчем, беспомощен. Я был сам себе противен. Люди, имеющие цель в жизни, волю, не похожи на меня. Например, Амо. Хорошо ли, плохо ли, но он неотступно делает своё дело, осведомляя армянскую общественность об имеющих место событиях. Интересно, какова судьба записей с описанием надгробных плит? Не смешно ли описывать надгробья умерших, когда не осталось камня на камне, а горы и долины усеяны костями захороненных людей?.. Не могу понять, как получилось, что в этом благоустроенном городе из двадцати тысяч армян осталось всего несколько семей, среди которых также наши друзья Тарикяны со своими детьми — избранники providения как свидетели беспрецедентной резни.

«Нет, так бы не было, если бы резнёй продолжительно и бессовестно не руководила чья-то сильная рука», — сказал однажды Амо, когда мы говорили о погромах... И передо мной опять вырисовывается надутое, самодовольное лицо Талаата, который в темноте поднимает мохнатую лапу...

Вот бы отрезать эту руку и оставить истекать кровью это чудовище, чтобы он мог почувствовать и понять ужасные масштабы совершённого им преступления... Можно ли верить, что когда-нибудь свершится справедливый суд... Моя душа исполнилась чувством рвения, которое особо переполняло меня семь лет назад там, за стеной, в моей маленькой спальне, где каждую ночь под диктовку мамы перед сном я бормотал: «Отче наш, иже еси на небеси...»

И как будто я пришёл в наш дом издалека, весь в пыли, обутый в сапоги. Господи Боже! Как много дорог я исходил по горам и долинам. Наконец, дошёл до Гуйбаши и оттуда прямой дорогой, не сворачивая, вот уже нашёл наш дом. Ещё не войдя, под тополями вижу голову, которая, подпрыгивая и перекатываясь, приближается ко мне. Мать моя, мамина голова! Но удивительно, что непокрытая. Терновый платок с узлом на затылке.

— Иди туда, чтобы тебя не увидели, сынок, — запыхавшись, говорит она у моих ног.

— Куда, мама?

— Туда, туда, в сад, под кусты. Мы все там лежим.

— А где твоё тело, мама?

— Там, там, сынок, скорей...

И я иду за головой мамы, которая исчезает в кустах... Действительно, все здесь, под кустами. Тихо лежат. Вот брат мой.

— Аветис, здравствуй, — шепчу я.

— Аветис-с-с... — лёгкий ветерок посвистывает в тополях. Мой брат открытыми глазами смотрит на небо, а голова мамы спит рядом с телом.

«Вы здесь, в таком виде, — бормочу я, опешив, — встаньте. Рипсиме, Маркар, Пайцар, встаньте».

Вдруг брат смотрит на меня и говорит:

— Ты кто? Что от нас хочешь?

— Не помнишь? — говорю я, сияясь улыбнуться.

— Нет, — и брат слегка качает отрицательно головой.

Внезапно из облаков выныривает бледноликая луна и смотрит вниз. Только теперь я замечаю, что голова брата раздроблена.

— Аветис, я Согомон, — говорю я с ужасом и, нагнувшись, хочу обнять голову. Вдруг лицо его омрачилось и на губах появилась холодная улыбка.

— Ах это ты... Да, похож. Но где ты был, когда мы убежали сюда? Почему и ты не лежишь с нами? И почему ночью, как вор, пришёл ласкать меня? Уходи, уходи, я тебя не знаю.

И я плачу, стоя на коленях у куста, обливаясь слезами, как ребёнок...

— Согомон!

Я внезапно проснулся.

— Эй, парень, ты что ревьешь, как вол? — воскликнул Мисак. Светало...

Глава 3

Вместе с Мурадом

Утром я представился Мураду. Его я видел один раз семь лет назад в Ерзнка на церковной площади, затем в церкви Троицы, где он говорил перед многочисленным народом о турецкой революции и «общей османской родине». В то время он был как бы литой из бронзы. Глубокие искрящиеся беспокойные глаза его блестели под чёрными густыми бровями. Его голова с густыми, зачёсанными назад, ниспадающими на мужественную шею волосами походила на голову льва с картинки из учебника. Теперь от того Мурада остались только глаза и волосы. На лице появились морщины. Он потерял свою живость, стал неулыбчивым. В искрящихся глазах поселилась боль, глубокая безмолвная боль, гордое, властное лицо потускнело.

Было так много работы и так мало людей, что Мурад сразу же определил меня к группе парней, которые расположились в здании лицея христианских девиц. Среди парней сразу же моё внимание привлёк Ваграм Тер-Манвелян, которого называли «чмшкинец». Он был душой «группы поиска», организованной Мурадом. Это был высокий, стройный, едва достигший 25 лет обаятельный молодой человек. Особую привлекательность придавала ему бодрая внешность; большие блестящие, огненные глаза под широким, немного выпуклым лбом внушали абсолютное доверие. Украшением его могучего сложения была выпуклая грудь, которую в спокойные часы покрывали сложенные накрест мускулистые руки. Поступь мужественная, уверенная. Ответы лаконичные и чёткие. Манера держаться — вежливая. Он всегда выслушивал собеседника. Во время работы на его лице не было и следа сомнения. Напряжённо и внимательно выслушивал приказы, устремив на Мурада вдумчивый взгляд, без какой-либо самоуверенности утвердительно кивая головой. Он постоянно пребывал между Дерсимом и Ерзнка. Ему удалось наладить связи с курдами, среди которых широко распространилось объявление Мурада: «Один армянин — один золотой». Чмшкинец точно выполнял это указание, выплачивая за предъявляемого курдами каждого армянина один османский золотой, и таким способом каждый день в городе появлялись всё новые и новые вызволенные из плена.

Не менее интересен был и Чепечи Саркис, который обнимал совершенно незнакомых ему вызволенных и, сжимая в своих медве-

жких объятиях, восклицал: «Вай, из чьих будешь?» Весёлый, жизнерадостный, дерзкий, бесстрашный Чепечи Саркис в присутствии Мурада был сама скромность. Своей самоотверженностью и храбростью не отставали от него кемахийский (из монастыря Аваг) Мхитар, багарический Галуст, ковтунские Мартирос, Арутюн Чачаян, Аветис Мушмулян и другие. Помимо Овнана, из товарищей Мурада, бежавших по трассе Сваз—Самсон—Батум, выделялись Ншан, Арменак, Вардан. Последний обладал бычьей силой. В одно мгновение мог повалить на землю любого и, поднимаясь, беззвучно смеялся, трясясь массивным телом. Вообще все они были испытанные, самоотверженные, готовые на любые жертвы молодые люди.

Близкими соратниками Мурада были доктор Аршак Погосян и старый товарищ по оружию Кайцак Аракел. Доктор Погосян был представителем Союза городов в Ерзнка. Ухаживал за переданными ему сиротами и больными. Внешне он ничем не выделялся, во время совещаний спокойно сидел, казалось, что, не слушая, пребывал мысленно где-то далеко. Его лицо было озабоченно, задумчиво. Говорил мало, короткими предложениями и почти всегда по конкретному поводу. Товарищи слушали его с большим вниманием. Кайцак Аракел был скроенный из костей и мышц загорелый мужчина старше сорока лет, известный своей борьбой с режимом Гамида. Теперь он добросовестно отдался делу «собираания армян». У него осталась старая привычка по-волчьи выдвигать вперёд челюсть.

Неутомимая работа этих самоотверженных людей в течение одного-двух месяцев принесла большие плоды. Объявление «Один армянин — один золотой» имело большой успех. В окрестных курдских деревнях из плена были освобождены сотни людей. Судьба улыбнулась также и нам, моему брату Мисаку. Из его детей нашлась десятилетняя Арменуи.

За короткое время пустой армянский квартал Ерзнка снова ожил. Ремонтировались разрушенные дома, задымились очаги, обрабатывались пашни, готовился посев озимых. Беспрецедентную жизненность проявляли остатки нашего народа, день за днём возвращающиеся под свою кровлю.

Доходившие до Ерзнка вести свидетельствовали, что подобное оживление охватило все отвоёванные местности. Согласно этим сведениям, везде восстанавливались деревни, обработанные пашни зазеленели. Везде кипела работа. Армянский крестьянин поливал своим потом родную землю и с воодушевлением восстанавли-

вал то, что было разрушено врагом и войной. Имелась программа восстановления, и было создано управление, занятое этим делом. Были предоставлены большие кредиты и предпринимались меры, чтобы возвратить беженцев на свои места. Кроме государственных учреждений в отвоёванных местностях работали гуманитарные и культурные органы: Армянское гуманитарное товарищество Кавказа, Комитет братской помощи, Московский комитет, Союз городов, Центральный комитет беженцев, различные земляческие союзы и т.д. Наблюдая эту мирную и восстановительную работу на примере Ерзнка, мне казалось, что заговоры по уничтожению армянского народа не достигли цели.

Однако это была только одна сторона проблемы. Уже после прошлогоднего июньского отступления и отпуска армянской добровольческой армии отношение российского самодержавия к армянам изменилось. Зимой 1916-го больше не говорилось об «армянской автономии». Согласно сведениям, теперь в России намеревались довольствоваться «образовательной, церковной автономией», и более того — «насколько это позволят местные условия». В таком духе вёл дела в отвоёванных районах управляющий Кавказом великий князь Николай Николаевич. Назначенный им в этих районах губернатор генерал Пешков в местности, заселённые армянами, назначал должностных лиц, ненавидящих армян.

Из агентов самодержавия подобного рода были командир вооружённых сил Ерзнка Каледин и начальник штаба Ласточкин. Начальником полиции был один турецкоподданный грузин. Бывшего полковника турецкой армии Хайри-бея Каледин назначил городским головой. Турецкие шпионы, которые остались в Ерзнка в качестве государственных служащих, кишели повсюду. В случае надобности турки направляли также людей из армии. Так, например, командир 8-го полка Кемахского фронта Мустафа Вефа-бей, который, якобы, убежал из турецкой армии как противник правительства младотурков, на основании письменного приглашения Хайри-бея обосновался в Дерсима и занимался разведкой в пользу своей страны. С такими противоречивыми данными мы встретили новый год в Ерзнка.

* * *

В начале февраля после короткой болезни в Ерзнка скончался Кайцак Аракел — заслуженный революционер, духовный вдохно-

витель многочисленных смертельных схваток, который встретил свою смерть в постели, как гюмушинский Аво. Он тяжело возлежал на подушке в скромном гробу, склонив голову, с открытым восковым лбом и чуть выдвинутой вперёд челюстью, с выражением лица, более выразительным, чем при жизни. Этим выражением он словно говорил, что сделал всё, что надо, и умер, так как больше работы нет.

Для нас эта смерть явилась предвестницей значительных событий. В России грянула Февральская революция. Продолжительные неудачи русского оружия на европейских фронтах, с одной стороны, затруднения с продуктами, с другой стороны, породили в столице стихийные движения, которые, вдруг распространившись, переросли в продолжение первой русской революции. 28 февраля царь отрёкся от престола. Но имеющее глубокие социальные корни движение не могло довольствоваться только политическими переменами. Революция углубилась и расширилась, охватив также находившихся под ружьём военных и разлагая армию. В этом аспекте решающую роль сыграл «Приказ номер один» от 11 марта Исполнительного комитета петербургского Совета рабочих, которым в действующие армии вводились выборные органы с целью установления контроля за командирским составом и вообще с целью подчинения этим органам военного дела. За короткое время дисциплина исчезла и армия начала быстро разлагаться. Март и апрель прошли в борьбе между различными партиями, течениями и группировками в государственных кругах. В этих условиях рабоче-солдатские массы отвернулись от войны, и начатое в июне русское наступление после пары предварительных успехов остановилось, стимулируя дезертирство и новые беспорядки в тылу. В августе, после выступления военачальника Корнилова, русская армия была дезорганизована и не способна продолжать войну.

Эти события в России не могли остаться без последствий также для азиатских фронтов, и их влияние ощущалось в Ерзнка ещё весной. Вдали от родины, уставшие от трёхлетней войны, ожесточённые солдаты начали покидать фронт и двигаться домой. Особенно активным это движение было в районе Ерзнка.

Для нас сложилась очень тяжёлая ситуация. Для защиты редующих изо дня в день фронтов были необходимы силы, которых не было. Пока дезертирство в русских войсках носило частный характер, ужас положения не ощущался. Но когда в разных концах

России и в Закавказье начали распространяться центробежные тенденции и гражданские столкновения дошли до крайности, положение ухудшилось.

В этих условиях свершилась Октябрьская революция. Революционное право захвата помещичьих земель и девиз немедленно почётного мира привели в массовое движение находящихся на фронте солдат. Война для России была закончена. Советское правительство предлагало почётный демократический мир без территориальных завоеваний и военной контрибуции. Ерзнка являлся частью завоёванной русским оружием территории, которую при условиях мира следовало возвратить Турции. На фронте даже для оставшихся русских солдат защита этой территории была лишена смысла, и они рвались домой, чтобы получить свою долю земли и быть рядом со своей семьёй.

Лишённые средств, реальной помощи, совершенно изолированные, имея впереди турецкие армии и в тылу враждебных курдов, мы попытались нашими малыми силами удержать брошенный фронт, защитить оставленные русскими войсками бесчисленные боеприпасы, заместить собой местные власти. Но события развивались по-своему. 17 ноября было объявлено перемирие между Австрией, Германией и Россией. В тот же день с тем же предложением к общему командующему Кавказской армии обратился командующий турецкими силами Вехиб-паша. В середине декабря для заключения перемирия с военной комиссией русских в Ерзнка прибыл А. Джамальян. Сообразительный армянский революционный общественный деятель не скрывал серьёзности ситуации. Но и без этого было совершенно ясно, что если деморализация и эвакуация домой русских войск продолжатся теми же темпами, мы не сможем нашими малыми силами защищать более чем 500 километров фронта, который тянулся по линии Чёрное море—Келкит—Ерзнка—Хнус—Ван. Со слов Джамальяна, перемирие необходимо туркам, во-первых, чтобы оно способствовало разложению русского фронта, а также для передислокации своих сил с целью перехода в наступление. В деле защиты фронта никакой надежды не было на Совет комиссаров, созданный в Закавказье. Грузины стремились к независимости, а татары были на стороне турок. Особенно большую озабоченность вызывали сведения о серьёзных татарских волнениях на Кавказе. Кавказские мусульмане готовились с распростёртыми объятиями встретить турецкие войска. Туркофильство,

сдерживаемое в годы старого режима, теперь приобрело всеобщий характер. Повсеместно начались мусульманские движения, которые расширяли и углубляли царящий в стране хаос. Движениями руководили турецкие агенты. Они провоцировали столкновения и осуществляли бандитские нападения на поезда, обозы с провизией, на возвращающихся домой русских солдат и армянское население. Эти движения особенно частыми были в районах Карса, Еревана, Гандзака и Эрзурума.

18 декабря полковником Эомером Лютфи-беем и генералом Вышинским было подписано перемирие. Одновременно был отозван командир русских войск Ерзнка генерал Ляхов, который после Февральской революции заменил генерала Каледина. Отъезд Ляхова фактически оголил фронт Ерзнка. Для русского человека уже не имело смысла оставаться на позициях, когда, с одной стороны, за тысячи вёрст в его стране всё перевернулось вверх дном, а с другой стороны, завоёванные территории должны быть возвращены туркам.

После отъезда Ляхова из русских полков Ерзнка осталось всего 500—600 человек и несколько армянских и русских офицеров, которые уже не имели влияния на эти остатки русских войск. Дисциплина среди них более или менее установилась в середине января, когда у нас появился полковник Морель, который приехал из Тифлиса принять командование над ними.

Подобное стечение обстоятельств требовало от нас принятия иной политической тактики, но мы были связаны решением до последнего вздоха защищать нашу родину. Немедленно была объявлена всеобщая мобилизация населения Ерзнка до 70 лет. Впряжённое в строительные работы и еле восстановившее свои разрушенные дома, оживившее деревни армянское население района теперь собралось на площади Предводительства, чтобы снова взяться за оружие. В этот день 200 армянских солдат Российской армии, дислоцированной в Трапезунде, прибыли в Ерзнка. Воодушевление было большим, словно прибыла целая армия. Мобилизованные с энтузиазмом взялись за дело: целыми днями занимались военными упражнениями. Этим делом занимались оставшиеся в Ерзнка армяне — бывшие офицеры Российской армии. Среди них были двое молодых офицеров-карабахцев Тер-Акопов и Тер-Петросов, с которыми год назад я из Карса прибыл в Ерзнка. Были и другие: унтер-офицер Даниелян, военврач Арсланян, Гафян и др. С нами

осталось также несколько русских офицеров, среди которых своей энергией и самоотверженностью выделялся Мрузов.

В Ерзнка было установлено что-то вроде армянского правительства, руководителем которого был Мурад. Он назначил городским головой турка Юсуфа Эфенди, распорядился, чтобы действовали мечети и турки могли исполнять религиозные обряды, назначил пенсии учителям, муэдзинам, «бритоголовым». Он не жалел сил, чтобы задобрить местных турок, установить дружбу с курдами Дерсима, но эти усилия не могли быть результативными, потому что не было сил защищать фронт. В начале 1918 года из 300 батальонов, составлявших Кавказскую русскую армию, на фронтах остались колеблющиеся группы. Им противостояли турецкие силы, оснащённые необходимой артиллерией и амуницией, состоящие из 142 батальонов пехоты и 41 батальона кавалерии. Против этой гигантской массы армянские силы выставили всего шесть батальонов. Из них на фронте Ерзнка было всего 1200 штыков, из коих 200 были выделены на охрану связи и коммуникаций. Вместе с этим воинское подразделение Ерзнка было полностью изолировано от крепости Эрзурум расстоянием в 150 км.

Не было никого, кто бы не понимал серьёзность нашего положения, но все питали надежду на то, что скоро должны подоспеть группы помощи. Не было дня, чтобы по этим вопросам Мурад не обращался по телефону в Эрзурум к полковнику Торгому, который руководил этим делом. Но просьбы были безрезультатны.

Однажды каринский Саак прибежал к нам. Искал Мурада, который был у доктора А. Погосяна. Оповестили, но и мы взволновались: с ним хотел говорить полковник Торгом. Не было сомнения, что группы помощи идут. Мы собрались у конторы: с нетерпением хотелось узнать, сколько сил идут на помощь, откуда идут, когда будут на месте. Прибежал Мурад с доктором Погосяном. Давно мрачное лицо его светилось. Он был так взволнован, что не отреагировал на наше приветствие. Взяв трубку телефона, закричал:

— Алло, да, это я, Мурад. Здравствуй, здравствуй, полковник. Они в пути?.. Что?.. Не понял... Что за независимость?

Немного позднее мы узнали, что полковник Торгом сообщил, что завтра, в 10 часов утра в Эрзуруме он торжественно объявит независимость Армении и просит Мурада в тот же час это же сделать в Ерзнка...

* * *

Хорошо знакомые с нашим положением турки начали создавать условия для нарушения перемирия. В середине января они привели в движение сотрудничающих с ними курдов, которые начали нападать на наши силы в Ерзнка с тыла, но везде получили отпор и, неся потери, отошли.

Чувствуя, что, если в нашем тылу курдское движение расширится, мы попадём в безвыходное положение, Мурад не жалел сил, чтобы прийти к согласию с предводителями курдских племён (*аширов*). Амирханян и «Чмшкинский» были направлены к ним в качестве посланцев и однажды в их сопровождении в экипаже, посланном Мурадом, в Ерзнка появились дерсимские Хасан-ага и Сулейман-ага, окружённые примерно двадцатью вооружёнными курдами.

Им были оказаны княжеские почести, насколько это было возможно в наших условиях. После угощения имели место благоприятные переговоры. На следующий день курдские предводители, получив в качестве дара по одному коню и часам, довольные отбыли. Попытки создания подобных отношений были предприняты с людьми прганского Мемиш-ага — предводителя курдов Держана. Для того, чтобы не было каких-либо непристойностей, были предприняты некоторые меры: установлено круглосуточное дежурство подвижных патрульных групп и было запрещено турецким женщинам и девушкам выходить на улицу.

Но эти усилия и меры предосторожности были безуспешны. Наши силы не имели достаточного воздействия на курдов, и их нападения не прекратились. Преследующее цель нарушить перемирие турецкое командование начало использовать спровоцированные им армяно-курдские столкновения, в ходе которых имелись жертвы как с нашей стороны, так и со стороны курдов. Не было дня, чтобы оставшийся в Эрзуруме командующий русскими войсками генерал Одишилидзе не направлял нам полученные от турков обвинения. Якобы, 12 января сожгли турецкую деревню Зиккиз, находящуюся в 18 километрах на северо-востоке от Ерзнка; якобы, изнасиловали женщин и вырезали мужчин деревни Кеск на северо-востоке от Артаса; якобы, после вывода из Ерзнка русского гарнизона в районе частично имели место убийства.

Затем эти абсурдные обвинения начали принимать характер умышленной клеветы. Якобы, «большинство» турков Ерзнка от-

вели связанными в воинские казармы и там всех вырезали; якобы, 28 января «множество турков живьём сожгли на Церковной площади»; якобы, вокруг Ерзнка везде сожгли турецкие мечети; якобы, по дороге из Гюмушане на север вырезали бесчисленное количество турок.

В конце концов их воображение настолько воспалилось, что начали давать жалобам характер массовых «армянских жестокостей», в которых теперь описывали случаи примеров сродни армянской резне. Якобы, армяне собрали в Ерзнка 650 турок и выселили в неизвестном направлении; якобы, в дом Веиб-бея завели 500 турок и с четырёх сторон подожгли; якобы, таким же образом заполнили три больших дома турецкими женщинами и детьми и всех сожгли; якобы, в городе сожжено более тысячи домов и т.д. В действительности же при сопротивлении курдским нападениям были жертвы и среди турок, число которых не превысило 200 человек.

10 февраля прервались начатые в Бресте русско-германские переговоры, результаты которых мы ждали со страхом. Через два дня Веиб-паша нарушил перемирие и под предлогом наказания «армянских злодеев» перешёл в наступление. К вечеру наши караулы Чардахлу подверглись ружейному обстрелу со стороны турецкой разведки, и сразу же появились 100 пехотинцев и 16 кавалеристов из турецких войск, которые намеревались зайти в тыл наших караулов со стороны северо-востока. Затем с разных сторон появились другие силы. Против превосходящих сил врага началась неравная рукопашная. С первых же минут было ясно, что наше сопротивление безнадежно. Только было необходимо выиграть время для спасения населения и обеспечить пути отступления. Все воевали, как бессмертные, особенно кемахский Мхитар, Галуст, Чепечи Саркис и Овнан.

Но что можно было сделать против регулярной турецкой армии и курдских орд? К счастью, Мурад, несмотря на наше безнадежное состояние, не терял хладнокровия, и чем сложнее становилось наше положение, тем он становился осмотрительнее. Постоянно перераспределяя малочисленные силы, посылая из нашего числа солдат в помощь группам на мосту, на дороги Вагавера и Кемаха, положение которых было более чем тяжёлым, ему удалось пресечь продвижение врага, который отошёл, ожидая рассвета.

Утром на трассе Кемаха наш караул подвергся нападению турецких солдат силами 200 пехотинцев и 25 конников. Приоста-

новив движение турок, караул отошёл в сторону северо-западной окраины Ерзнка. В 7 часов турецкое воинское подразделение из 700 человек по трассе Кемаха двинулось в сторону Ерзнка. Затем наблюдение за передвижением турецких войск было затруднено из-за сильного снегопада. После полудня, в 2 часа, на расстоянии четырёх-пяти километров показались цепи турок, наступавших на восточную и северную окраины города. Одновременно были получены данные, что по направлению Пьюмера в сторону Мамахатуна движется шеститысячное турецкое воинское соединение. Весть распространилась молниеносно, создав неописуемую панику. Народ был в страхе: уменьшилась возможность отступления. Мурад спешно приказал выдвинуться двадцати конникам и проверить через караульных дорог эту весть. Но в то же время пришло известие, что 70 караульных Чардахлу окружены и просят помощи...

Для помощи не было никакой возможности, положение было более чем безнадёжным. Объятые ужасом люди безумно бегали взад и вперёд. Во время этой суматохи в город вошли караульные Чардахлу, которым удалось избежать истребления. Они сразу же были направлены в сторону кладбища, где шёл жаркий бой.

Вдруг вокруг загрохотало. Наши взорвали мост через Евфрат, чтобы приостановить поток курдов. Паника усилилась. Люди, запыхавшись, бежали к казармам. Шёл крупный тяжёлый снег. Было очень холодно. Шум и стенания оглушали. Женщины, дети, старики, старухи, подталкиваемые стихийным бедствием, с криками «Боже! Боже!» впопыхах бежали в сторону казарм. И вдруг земля словно разверзлась, и ужасный грохот рёвом заглушил всё вокруг. Нашу роковую борьбу Мурад руководил с удивительным искусством. Главный арсенал города взрывом поднялся в воздух. Враг на миг опешил, дав нам возможность собрать против него наши разрозненные силы. Но потом он с силой возобновил наступление, на город градом посыпались пули. Люди в старых пальто, завернувшись в одеяла, скатерти падали, вставали и бежали, как безумные. Женщины с детьми на руках с плачем и причитаниями следовали за ними.

Примерно через час караван отступающих двинулся: шесть тысяч человек, в том числе и солдаты. Турки по их пятам вошли в город, где остались тяжело раненные и несколько старух, которые предпочли умереть у себя на родине...

* * *

Отступлением руководил полковник Морель. Мурад со своими конниками защищал тыл. Пушки и пулемёты были распределены сзади и спереди. Впереди двигались колёсные телеги с провизией. Оставшиеся армянские и русские солдаты шли с беженцами. Картина была ужасной. Завёрнутые в лохмотья женщины, дети — жалкие, охваченные ужасом, падая и вставая, шли по снегу. Малыши всё понимали и, как взрослые, ничего не требовали, не роптали. Оцепеневшие от холода, серьёзные и молчаливые, они шли или бежали за родными, как телята. Некоторые от холода держали руки на груди под тряпками, повязанными накрест через спину, и имели вид заводных игрушек. То одного, то другого из них можно было увидеть на коне Чепечи. Он массирует их замерзшие носы и щёки, руки и ноги и, ободрив, опускал на землю.

Едва мы прошли два часа пути, как с высот деревни Бтарич курды открыли по нам огонь. Встретив с нашей стороны стремительный и сильный отпор, они рассеялись. Но когда мы приблизились к району села Хан, с двух сторон начался бурный обстрел. Одновременно огонь наносился с тыла. Началась неопишуемая паника: бесчисленное количество людей падало, бежало, кричало. Бой длился долго, до наступления темноты. Снегопад прекратился. Была ясная, тихая ночь. Мороз был таким, что трещали камни. Воздух таял во рту, как мороженое. С гор дул северный морозящий ветер. Несмотря на разбившую всех усталость, люди не останавливались ни на минуту из-за неминуемой опасности замёрзнуть.

После полуночи вступили в бой с курдами, нападавшими с высот, прилегающих к деревням Норках и Ирадух. Движение беженцев демаскировало нас, в то время как курды заранее заняли скрытые позиции. В этих условиях было невозможно вступить в длительный бой: люди погибли бы от мороза. Продвигаться, не зная, что ждёт впереди, было опасно. Был один выход: пробиваться с боем, невзирая на жертвы, отправив вперёд разведчиков. В этом ночном хаосе и шуме Мурад крикнул:

— Ребята, кто среди вас желает спасти жизнь этих людей?

— Я, — отозвался Чмшкинец, который хорошо знал эти края. К нему присоединились каринский Саак и героический пятидесятник Мрузов — один из редких русских военных, которые решительно связали с нами свою судьбу. Карабкаясь по подножью ущелья, они скрылись в полумраке. Ружейный обстрел продолжался,

но мы не могли задерживаться. Попытались двинуться, но курды усилили огонь. Было ясно, что они хотят нас задержать здесь до рассвета. Мурад прибег к помощи пулемётов. Под их неумолкаемую трескотню люди бросились вперёд. Бой был тяжёлым, но мы легко прошли, понеся потери всего пятью убитыми и несколькими ранеными. Сзади, спереди с высот ещё до нас доходили звуки ружейных выстрелов, но опасность уже миновала. Сдавленный ущельем Евфрат сбился и спрятался подо льдами. Местами лёд был не в состоянии преодолеть реку, и изредка до нас доходило бульканье воды. Спереди иногда слышались вопли и гомон, но это уже было привычно: кто-то замёрз или умер. Неожиданно перед нами возник Саак. Чмшкинец и пятидесятник Мрузов погибли.

— Вот так новость! Слушай, как погибли? — ошеломлённо вскричал Чепечи.

— Как вообще погибают?

— Эх, какое горе!

Чепечи заплакал.

Вместе с Сааком я пошёл назад, к Мураду. Он выслушал краткий рассказ Саака с закрытыми глазами, словно спал, только по лёгким подёргиваниям лица можно было понять, что он слушает.

Из сумерек перед нами возник, растерянно приближаясь к нам, арабский скакун убитого Ваграма. Холод усилился. Утренняя звезда показалась и начала подниматься. Восток постепенно розовел. Вдали, повиснув над горизонтом, пламенели ряды облаков. Рассвело. Внизу, на дороге лежал труп. Мрузова и коня не было. В снегу на спине, горизонтально закинув руку за голову, лежал Чмшкинец. Казалось, что он спал. Как не преклониться перед ним?!..

Достигли Челика. Плач и стелания замёрзших от холода детей и даже взрослых создали сумятицу. Опекун малышей Чепечи был рядом с детьми. Где лаской, а где напускной строгостью он умерял галдёж.

— Эй, что плачешь? Не стыдно? Такого большого мама тебя вырастила.

— Эй, почему плачешь? Посмотри на меня... Вот так. Видишь, что от плача добра нет? Пошли, посмотрим, где остальные дети.

— Эй, замолчи!..

Всё это он говорил то одному, то другому, и дети его слушались.

Усталые и разбитые люди желали одного: передохнуть хоть один день в Челике. Но для их же спасения был дорог каждый час.

Было необходимо спешно двигаться, чтобы скорее пройти район ущелий.

Через два часа отправились в направлении Чорса. На полпути с вершин гор Держана загремели ружейные выстрелы. Среди народа снова возникла паника, которая усилилась, когда в опасном ущелье Сансара с высот Дерсима курды начали стрелять залпами. Они постоянно стреляли, спрятавшись под скалами. Они хорошо нас видели и, прицеливаясь, без промаха сбивали то одного, то другого. Люди создавали нам главную трудность: раздрающие душу звуки, вопли, отовсюду крики о помощи. В самый разгар боя, когда, карабкаясь вверх по заснеженному склону, мы старались выбить курдов с их позиций, прямо напротив, на горном хребте появилось более пятидесяти курдов, и пули градом полетели на нас с двух сторон. Был момент, когда мы могли быть полностью уничтожены, и тогда мы соскользнули вниз. Теперь разочарование постигло всех. Плач и вопли заполнили ущелье. В этом ажиотаже Мурад нашёл выход. Единственным оружием, способным обуздать курдов, были пушки. Быстро развернули две пушки и нацелили на позиции курдов. Теперь спасение всех зависело от умения двух российских армян — Тер-Акопова и Тер-Петросова. Казалось, что грохотали не пушки, а ущелье. Первые же удары посеяли панику среди курдов, затем были разрушены их неприступные позиции; за неполных полчаса курды были вынуждены замолчать.

Двинулись дальше, оставив в ущелье 25 убитых бойцов и 38 убитых или раненых лошадей. С собой взяли 60 человек тяжело и легко раненных.

Ночью пришли в Чорс, где имелись построенные русскими деревянные казармы. Караулы защищали сто армянских солдат. Люди кинулись в казармы. Стенания удвоились. В эту ночь в дороге замерзли примерно 50 солдат и 200 беженцев.

В сумерках двинулись в сторону Вжана. В связи с потерей части лошадей, наличием раненых и обмороженных, были вынуждены оставить в Чорсе в непригодном состоянии три полевые и одну горную пушки и половину обоза.

Светало. Небо было серым. Дул ветер. Жёсткий, как рис, снег бил по нам. Казалось, природа и люди объединились, чтобы нас уничтожить. Мы гнали народ безжалостно, как конники Шаха Аббаса, так как иного пути спасения уже не было. Каждый был хозяином своей судьбы: кто хотел спастись, должен шагать...

Было уже светло, когда выяснилось, что мост около 40 метров длиной на трассе Чорс—Вжан сожжён. Не было сомнений, что преследующий враг решил здесь окончательно нас уничтожить. И действительно, мы ещё не дошли до глубины ущелья, как загремели ружья. Люди побежали под гору в сторону расщелин. Мурад, как безумный, метался вверх и вниз, отдавая приказы. Курды стреляли из удобных позиций с соседней горы напротив. Снизу в сторону горы трещали наши пулемёты.

И начался яростный роковой бой. Меня охватила лихорадочная дрожь, лязганье зубов, которое не имело ничего общего со страхом. Когда уяснилась задача нашей десятки, дрожь пропала, наступило удивительное спокойствие, сознание начало работать ясно и быстро.

Группа конных и пеших курдов, двигаясь взад и вперёд по склонам гор, занимала удобные позиции. Другие, непрерывно стреляя, старались приблизиться к смотрящему в сторону ущелья холму, который конусом возвышался перед нами.

— Любой ценой завладеть этим холмом! — крикнул Мурад Чепечи.

Мы ползли, падали, бежали, прыгали, карабкались и скользили вниз, но всё-таки продвигались, отвечая одним выстрелом на десять залпов.

Над нашими головами трещали пулемёты. Вверх по холму за нами двигались другие.

— Давайте, ребята! Родные, давайте! — доносились снизу сокрушённые крики Мурада.

Наверху не было числа падающим, убитым от пуль курдов. Здесь человек принадлежал капризу судьбы. В этот миг человек может и жить, и умереть, смотря как распорядится судьба.

— Фью-ш-ш, — свистнул кто-то и прямо рядом со мной упал на землю лицом вниз.

— Ух ты, братцы... — Это был Вардан, который, ввалив на спину тяжёлый пулемёт, на четвереньках полз к нам. Загремели ружья. Вардан лёг спиной к пулям, и вдруг загрохотали пушки...

— Вот, вот... — судьба уберегла Вардана. Он полз к нам, перекатываясь в снегу.

Теперь пушки грохотали непрерывно. Чепечи, Овнан и Саак бросились во впадину, окаймляющую вершину холма. Мы — за ними. Пули градом посыпались туда. Не было возможности по-

шевелиться. Оставалось занять позицию и сражаться, но удобной позиции не было.

— Влево! Вверх! — доносились снизу крики Мурада.

Буря яростно редела, пушки гремели, округа грохотала от треска ружей и пулемётов. Турецко-курдские бандиты, повсеместно укрепившись, продолжали сыпать на нас огонь. Кто-то, поднявшись, присел, скрючился и беззвучно скатился вниз. Чепечи, Овнан ползли, мы — за ними.

— Влево! Вверх! — снизу непрерывно кричал Мурад.

Вдруг Чепечи вскочил и одним прыжком перекинулся слева на тыльную сторону холма. Затем Овнану с Сааком удалось захватить торчащую скалистую верхушку холма. Курды начали ожесточённо обстреливать вершину холма, но выбить оттуда наших не смогли. Это было большой удачей. Наше продвижение наверх довольно-таки облегчилось. С каждой минутой на тыльной стороне холма появлялись новые силы. Регулярные залпы чередовались друг за другом. Курды непрерывно стреляли, переходя от позиции к позиции и разворачиваясь широким фронтом. В хаосе невозможно было понять, что происходит. Но было очевидно, что хорошо знающие местность курды сжимают кольцо, стремясь зайти нам в тыл. Внезапно они дерзко двинулись на нас, развернувшись полукругом. Одновременно позади их появилась толпа — новые силы. Что творилось внизу и на других позициях, мы не знали. Больше мы не слышали голоса Мурада. Шум и грохот заглушили всё. Создалось безвыходное положение.

— Огонь по краю открывающейся цепи! — закричал Чепечи.

После первых же залпов курды убежали и спрятались, словно ушли под землю. Мы каждый миг ожидали новой атаки, как вдруг услышали:

— Эй, эй! — это Вардан, который, как вол, застрял в снегах. Обессиленный, он дышал, как кузнечные меха. Подняли наверх и сразу же установили пулемёт. Вдруг курды выскочили из укрытий и с криками бросились в атаку.

— Тр-ра-та-та-та... — загремел пулемёт, скашивая передние ряды. Курды в панике отступили, залезая под скалы. На месте наступления осталось более десяти трупов и множество раненых, которые по-пластунски пытались доползти до скал, чтобы укрыться. Это удалось очень немногим. Одновременно открылась ужасная картина. Более тысячи конных, пеших курдов на обширной терри-

тории снялись с мест в тылу полумесяцем построенной цепи, где они спрятались, надеясь уничтожить и ограбить беженцев. Поднятый наверх один пулемёт теперь посеял панику среди них.

Безжалостно били мы по передней части горы, центру, дальним тылам. Среди паникующих были жертвы. Кони, люди становились на колени, скатывались, вскакивали, бежали, как одержимые. Здесь уже мы были хозяевами положения, но внизу ещё продолжалось роковое сражение. Чаше громыхали пушки, ещё активнее была ружейная пальба.

Только теперь мне становилось понятным, какое большое значение имел занятый нами холм. Только с оснований этого холма можно было перейти мелкую замёрзшую воду, обойдя сожжённый мост.

Уже началась переправа людей на другой берег, но сложной задачей было перебросить их в тыл холма. Закрепившиеся на невидимых позициях курды продолжали сыпать пулями. Пушка и пулемёт были бессильны перед ними, и смерть была неизбежна для одного из десяти проходивших людей. Переход народа защищали хорошие стрелки под непосредственным руководством Мурада. Внизу везде лежали трупы. Очень трудно было переправлять женщин, детей, обмороженных, раненых, которых переправляли через брод на руках или на оставшихся в живых малочисленных лошадях. Тяжело раненные ползли по снегу, как мифические змеи. Доктор Погосян с несколькими людьми тянули их к району переправы. Но всем помочь было невозможно.

В 9 часов утра переправа завершилась. Вернее, была вынужденно приостановлена, потому что подавляющее большинство добровольцев, прикрывающих переправу, было уничтожено. Но к этому времени раненые и обмороженные, кроме 30 беженцев, были переправлены. Помимо этих последних на том берегу остались восемь раненных добровольцев. Общее число наших потерь (вместе со сражающимися) составило около 500 человек. Из русских солдат замёрзло 200 человек, из беженцев — 300 человек. На том берегу остались все наши пушки, пулемёты и обоз...

Прошли ущелье. Перестрелка прекратилась. Наши преследователи, наверное, были заняты ограблением раненых и трупов и распределением богатой добычи. Пурга изменила направление: теперь она порывисто дула нам в спину, подталкивая вниз. Каменистая дорога была завалена снегом. Пурга не позволяла различать дорогу.

Не было числа падающим, ломающим руки и ноги. Очень тяжело было раненым и обмороженным. Многие, видя, что являются причиной медленного продвижения каравана, просили покончить с ними. Посланные во Вжан Морелем конники дошли до нас на половине пути всего с пятью телегами. Но и это было большим облегчением для более быстрого продвижения. Караван словно окаменел, шёл безмолвно, без шума. Кто имел потери, кто замерзал — было неизвестно. Чудом спасшиеся от смерти проявляли высочайшую мощь, прилагая роковое усилие, которое превращает человека в машину. Но если мы избегли преследования человекозверей, природа ещё не свела с нами счёты. Только мы спустились на равнину, вьюга яростно зарычала. Это был ураган Дерсима, который преследовал нас. Немного погодя он начал сползать вниз по лицу, ошупывать снежные комья, залезать под покрытые снегом шубы, карабкаться на холмы и, лениво опрокидываясь, бросать в нас снежные «пески». Вдруг всё переменялось. Казалось, должно произойти космическое землетрясение и земля должна расколоться, чтобы поглотить нас. С горизонта в нашем направлении неслись белые тучи, сжимая пространство, создавая искусственный сумрак. Снежные пески, как разодранные лохмотья, кружились вокруг нас. Как блуждающие призраки, они расстилались над серым пространством, прыгали вверх, вскакивали друг на друга, бодались, как бараны, затем вдруг объединялись, крутились колесом, устремлялись ввысь и, рассекая тучи, пропадали...

Как бы то ни было, в 9 часов вечера мы добрались до места. Люди разместились в свежестроенных деревянных общежитиях. Что было можно, было сломано и сожжено в сохранившихся ещё жестяных печках. От местных караульных мы узнали, что наши караулы в Фаме и Вардакчу были окружены и уничтожены турками. Кое-кто из наших, находившихся в общежитии, чистил оружие, а кое-кто растянулся на тахте. Мне не спалось, хотя смертельно устал, словно по мне прошлась телега. Рядом, растянувшись, безмятежно храпел Чепечи. Я внимательно прислушивался к ночной суматохе: пурга ещё рычала. Казалось, все гномы стужи собрались во Вжане и, засунув пальцы в рот, свистят и свистят. Ураган рокотал с неизменной силой. Он царапал деревянные стены, стучал в двери, окна. И казалось, кто-то рыдал и плакал, а кто-то хохотал.словно на стены здания лопатами бросали щебень. Иногда слышался глухой гром, словно крыша должна сорваться, брёвна — свалиться

вниз. Вдруг, громыхая, свалилось забитое досками окно. Чепечи вскочил, оглянувшись вокруг, как животное, почуяв опасность.

— Иисус Христос!..

Перекрестил лицо и растянулся на другом боку. Буря, надрывая горло, гоготала под дверью, затем, отойдя, застонала и завывала вдалеке, как тысячи голодных волков...

Утром мы вышли в направлении Бахче—Эрзурум. Преследования не было. Был ясный день. Солнце поблескивало на заснеженном пространстве, которое словно посмеивалось над вчерашней бурей и переполохом. Люди, придя в себя, только начали скорбеть о потерях. После полудня дошли до Карчила. Согласно полученному из Эрзурума приказу, все караульные подразделения должны были сконцентрироваться в Мамахатуне, куда также дошли и мы вечером 17 февраля. Здесь были разного рода амбары, склады с одеялами, одеждой и огромные арсеналы. Люди здесь пришли в себя.

Полковник Морель старался с помощью капитана Кадояна и крепких ещё духом армянских офицеров образовать небольшое, но верное воинское подразделение для защиты Мамахатуна. Но в сложившихся условиях его усилия не могли увенчаться успехом. После развала русского фронта турки бросили против нас свои лучшие силы, и, согласно сведениям, помимо двух армий Веиб-паши в направлении Ерзнка—Эрзурум двигались и другие силы. Одновременно были приведены в действие в самых широких масштабах курдские орды и банды, которые теперь были заинтересованы в приобретении военных трофеев, бесчисленных русских продовольственных обозов, складов и разбросанных повсюду богатств...

Утром 19 февраля мы отправились. Мамахатун горел. Скалы, горы и ущелья кричали, гремели и ревели долгим эхом: в воздух вздымались склады боеприпасов.

В Карапейлиге к нам присоединился Сепух со своими конниками, добровольцами и частью армянских и греческих беженцев, которые брели по направлению Баберд—Ахсонк—Матен—Копхан—Брнакапан. Большая часть бежавших из Баберда по этой трассе уже отправилась в сторону Илича.

Вечером мы также были здесь, а на следующий день — в Эрзуруме...

Глава 4

Мы потеряли нашу родину

Эрзурум превратился в Аршакаван, кого только здесь не было: трапезунские, ванские, бабердские, хнусские, константинопольские, алашкертские, тифлиские, мушские, тавризские, карабахские, ереванские и др. Казалось, со всех концов света оставшие в живых армяне сбежались и нашли убежище в Эрзуруме. Имелись армянские, русские различные «власти», но город окунулся в безвластие, царила обстановка хаоса. Неизвестно было, кто начальник, кто подчинённый, что предпринималось для обороны города, какова была наша политическая программа или что мы должны делать. В этой атмосфере общего разложения и дезорганизации была одна бодрящая надежда, придающая уверенность: Эрзурум был «всемирно известной» крепостью. Его укреплений, пушек было достаточно, чтобы сопротивляться самым сильным армиям...

Мы с Сааком и Овнаном разместились в Санасаряновском лицее, который был переполнен множеством беженцев.

Прошло что-то около одного-двух часов, как у нас появился Амо Барагамян. Он был всё тот же, только потерял резвость. Естественно, обнялись в связи со встречей. Но он не был склонен к душевным излияниям и, после двух-трёх вопросов, вытянул из кармана свои удлинённые листки бумаги, чтобы записать наши рассказы для очередного репортажа. Никто из нас не был настроен заниматься этим делом. Нас интересовало положение Эрзурума, возможность обороны города, и Амо был вынужден положить обратно бумаги и отвечать на наши вопросы.

Укрепления Эрзурума имели довольно сильную артиллерию: 400 крепостных и полевых орудий. Но большая их часть была в негодном состоянии, брошена и покрыта снегом. Едва около двух десятков пушек было пригодно для боя. Артиллерией ведали 40 офицеров и 400 солдат, боевой дух которых сильно упал. Русский штаб уже был переведён из Эрзурума в Сарыкамыш, и защита крепости и командование «войском» перешло к армянам. Начальником укрепрайона Эрзурума был назначен Андраник, который ещё находился в Александрополе. После отступления из Ерзнка и Баберда дошедшие до Эрзурума силы совместно с местными силами составляли 3100 штыков, 400 всадников и восемь пушек. Неуправляемые, оставленные на произвол судьбы, эти силы деморализова-

лись, и дисциплина падала изо дня в день. Массы беженцев собирались у дверей различных учреждений и предъявляли требования. Для преодоления трудностей отступления, сложившихся в результате депортации, не было необходимой организации...

На следующий день мы пошли в комиссариат, где надеялись увидеть Мурада и узнать, что делать. Никого не было. В смежной с залом комнате сидел один роскошный военный. На отборной бухарской папахе блестел двуглавый орёл, густые изогнутые брови оттеняли чёрные искрящиеся глаза, под широкими ноздрями грозно покоились чёрные усы, закрученные концами вверх, отпущенная для удлинения короткого подбородка аккуратная борода смягчала угловатость нижней части лица, на погонах блестели золотистые армянские буквы «ՀԸԾ». Увидев нас, он беспокойным движением отодвинул назад покоящуюся на бедре саблю и на чистом армянском языке крикнул:

— Что вам надо?

И с удивительной быстротой продолжил более обеспокоено:

— Кто вы?

— Мы из группы Мурада, — сказал Овнан.

Он протянул руку:

— Полковник Торгом.

Я вспомнил его телефонный разговор с Мурадом, предложение объявить независимость Армении. Теперь полковника волновал вопрос, почему население Ерзнка не было переведено в Эрзурум до столкновений. Ведь в подобном случае облегчился бы вопрос самообороны, да и население не понесло бы при отступлении таких многочисленных жертв. Саак объяснил, что большинство защитников Ерзнка имели родственников среди населения, и если бы днём раньше вывели население, в таком случае и защитники города должны были идти, тем более что народ не желал идти в Эрзурум без серьёзного вооружённого сопровождения, опасаясь нападения курдов.

Полковник Торгом повесил голову. Чёрные, как уголь, глаза на миг заматались, словно искали что-то на столе. Сказал:

— Да, было необходимо заранее подумать о будущем. С первого дня я говорил, что мы не сможем противостоять армиям Вейбаши, надо поменять нашу ориентацию, но меня никто не послушал. А теперь меня обвиняют. Я слышал, что люди Сепуха порочат моё достоинство, угрожают. Помощи не послал ни им, ни вам, —

сказал он взволнованно, выделяя слова «не послал». — Якобы отступление имело место по этой причине, — продолжил он, всё более волнуясь. — Что могли сделать новые силы численностью в 50—60 солдат, когда враг двигает на нас армии, не считая орды курдов? Разве так думать — не мальчишество? И, наконец, что мог сделать среди этого развала какой-то полковник, который хоть и назначен начальником распределения сил авторитетной властью в лице Национального совета, но которому не желают подчиняться и под которого некоторые подкапываются...

Полковник посмотрел на нас с ударением на слове «некоторые», но это нас не интересовало.

— Сам себя считает выше меня, хотя я назначен из Тифлиса Советом, а он получил полковника на несколько дней раньше меня, и никто не знает, кто его назначил командиром. Я составил группу из пятидесяти человек, чтобы послать к вам на помощь в Ерзнка, а он остановил, сказав, что нужны здесь...

— Кто? — спросил Овнан.

— Не знаете? Полковник Гаракешисян. Ещё одну группу я составил, чтобы отправить в Байбурт. Вас спрашиваю, как я мог в этих условиях отправить вспомогательные силы?..

Эта беседа прояснила больше, чем мог нам сказать Мурад.

— Что было, то прошло, господин полковник. Главное — понять, что вы решили делать для защиты города и что должны делать мы, — сказал я.

— Всё «решено», но не имеет значения. У нас нет сил.

— В таком случае не лучше ли днём раньше вывести из города народ в Карс, чтобы во время отступления не иметь потерь?

На его бледном лице появилась горькая усмешка.

— Имеем право, но из Карса куда поведём несчастный народ?

— Значит предполагаете, что турки дойдут до Карса?

— Что «предполагать»? Не знаете, что согласно Брестскому договору Карс, Батум, Ардаган отданы туркам?..

— Когда? — воскликнул Овнан, наверное, думая, что турки уже там.

— Вчера, дорогой. Вчера получили телеграмму об этом.

— Что вы говорите! Эх...

Известие было неожиданным как для меня, так и для Саака.

Внезапно лицо полковника Торгома вспыхнуло, чёрные глаза сверкнули. Губы зашевелились, как крышка кустарной шкатулки,

и, соразмерно сказанным словам, с ударением на каждом слого он сказал:

— Я вас не считаю просто рядовыми солдатами, я считаю вас болеющими душой за дело толковыми молодыми людьми и говорю откровенно. Если бы я был уверен, что положение можно спасти личной самоотверженностью, я бы и минуты не сомневался и пожертвовал бы собой ради моей нации. К сожалению, ни моё, ни ваше, ни тысячи других самопожертвований в нынешних условиях не могут помочь делу. Положение более чем тяжёлое. Против нас воюют не только оружием, но и политикой. Итак, если не можем применить оружие против оружия, хотя бы надо политику использовать против политики. Мы должны поменять ориентацию, не надеяться на русских и объявить независимость.

— Вы думаете, что турки посчитаются с нашей независимостью? — спросил Саак с интересом.

— Ах, дорогой, если бы этот акт мы осуществили два месяца назад, когда в Бресте не был рассмотрен наш вопрос. Наше положение было бы совершенно другим. Я сказал, телефонировал в Национальный совет, Мураду, Сепуху. Меня сочли безумным. Но ещё не поздно. Необходимо как можно раньше поставить врага перед свершившимся фактом. Даже после этого он не посмеет нарушить границы независимого Армянского государства.

— Почему? — задумчиво спросил Овнан.

— Потому что в ближайшем будущем должен будет отвечать перед нашими союзниками, перед Англией и Францией, которые обязательно выйдут победителями...

Последние слова всё мне объяснили. Я встал.

— Вы не можете об этом поговорить с Мурадом? — обратился полковник к Сааку.

— Мы маленькие люди, господин полковник, что мы можем сделать?

— Думаете, не поможет?..

Лицо Саака приняло такое выражение, при котором можно было понять и «да», и «нет», смотря что дальше скажет полковник.

— Жаль, — вздохнул последний, протягивая нам руку.

* * *

В эти дни всеобщей разрухи вдруг распространилось небывалое воодушевление: Андраник из Александрополя со своей армией до-

шёл до Хасан Кале. Когда весть подтвердилась, воодушевление народа дошло до умопомрачительства. Люди, забыв обо всём, пели на улицах известные песни «С армянских гор Эрзурума послышался голос», «Как орёл, паришь ты над горами и ущельями».

Двадцатитысячное турецкое население Эрзурума, которое до этого не скрывало свою радость с надеждой скорого обретения свободы действий, сникло и заперлось в своих домах. Все их надежды пропали. Андраник шёл к нам.

Андраник прибыл, был принят чрезвычайно торжественно и роскошно. Большая толпа вышла на дорогу Карп-Гасу.

— Да здравствует Андраник, — кричала неиствующая толпа.

— Да здравствует... — громыхали улицы.

Но на следующий день восстановилось то же положение. Народ-ребёнок ждал чуда, которого не было. Теперь он рассуждал, и не очень выгодно для Андраника.

— Почему он опоздал?..

— Что можно сделать в последний момент?..

Затем следовали различные разговоры и предположения.

Нас не интересовали эти разговоры, и когда Мурад созвал нас, все оставшиеся в живых товарищи собрались у него.

Уже неделю, как турки превратили Эрзурум в цель своих военных действий, и армянские передовые части под их натиском шаг за шагом отступали в сторону Илича.

11 марта враг, собрав свои силы, атаковал Илича. Мы отступили с многочисленными потерями. По предложению Андраника состоялся чрезвычайный военный совет. Утром следующего дня в тяжелейших условиях начался вывод людей из Эрзурума и отступление. В 9 часов турки были уже в городе. К ним в руки попало множество боеприпасов, продуктов питания, амуниция и другие ценные вещи. Оставшиеся в городе более ста армян были уничтожены. По дороге к многочисленным депортированным присоединились беженцы и часть оборонявших Хнус. Затем на обширном пространстве протянулись большие потоки беженцев, которые мне были уже знакомы с Ерзнка...

Мы подходили к границам Российской Армении. Утренняя звезда поднималась с величественным великолепием, обещая ясный день. Было очень холодно. Конусовидная, сверкающая снегом вершина Масиса, выступая из густого мрака, вырисовывалась в воздухе сиятельной величественностью. Вдали, словно пикообразные

сумеречные снопы, величаво выступали контуры золотистых скал. Горизонт пламенел. Чуть позднее начал подниматься огненный шар с лучами. Золотистые острые вершины скал, одетые в абрикосовые цвета, растаяли в тумане.

Я оглядывал окрестности с тоской человека, лишённого родины. Я, один из остатков последнего поколения моих предков, ясно и чётко осознавал, что в этот миг мы потеряли родину. И моя доля ответственности перед прошедшими поколениями казалась очень тяжёлой, горькой и страшной. Рождённое из личного горя чувство мести превращалось во мне в веление холодного рассудка в качестве возможного оправдания нашего поколения.

Преследующий враг вступил в соприкосновение с нами в середине марта в района Карс—Уркан. Получив сильный отпор, враг прекратил преследование, но не остановился. Он поднял на ноги в нашем тылу курдов. 13 марта под натиском атак курдов мы оттянулись к Хан-дере. 2 апреля турки большими силами двинулись в сторону Каракурта, Бардоса и, захватив эти пункты, атаковали Хан-дере. Начались многодневные кровавые бои. Ночью 6 апреля нами был оставлен Сарыкамыш, где предварительно были взорваны склады и приведено в негодность всё, что имело военное значение. Наши потери были чувствительны, особенно в ущелье Каракурта, где пало множество ополченцев. Там я был ранен в правую руку и вынесен из боя.

* * *

Сарыкамыш ещё стоял, когда я отбыл в Тифлис с группой раненых. На вокзале была неопишуемая безумная паника. Толпа осадила поезд. Люди группами бегали взад и вперёд, нагруженные огромными мешками. Вагоны брали приступом, как крепости. Туфли, шапки, узлы, одеяла, рукава одежды терялись, когда взлохмаченные, с разодранными воротниками люди озверело бросались в вагоны. Животный инстинкт самосохранения затуманил разум людей. Группа вооружённых возвращающихся домой русских солдат заняла поездные пути, грозя разнести всё в пух и прах, если им не дадут места в поезде. Армянский вокзальный служащий, потеряв голову, бегал по перрону и у дверей вагонов кричал, молил, чтобы им дали место. Видя, что никто не желает уступить, он, ворочая толстой шеей, как бык, вдруг у нашего вагона кулаками рассекает толпу. Гвалт и невообразимый шум заглушают всё. Наконец рус-

ские разместились, и поезд трогается. Теперь уже люди критикуют нестерпимые порядки путей сообщения: не было хозяина, не было власти, особенно не было порядка и закона. Самыми строгими критиками были те, кто что-то потерял. Они искали свои вещи, заброшенные в окна вагона. Молодой высокий широкоплечий кавказский армянин с тёмным лицом, нервно поправляя длинные жёсткие чёрные волосы, волнуясь, выкрикивал:

— Вай! Долгих лет жизни матери твоей, Армения! Что это с тобой сделали...

В соседнем отсеке один западный армянин с полным лицом хлебопека с преувеличениями описывал события, тяжело моргая глазами. Другой, с тонкой, как хвостик груши, шейей, подтверждал его слова, кивая шарообразной головой...

Влияние паники чувствовалось и в Карсе. На вокзале дисциплина ещё не была нарушена, старинная крепость вселяла веру. Здесь не было причин для больших страхов. Спустя полдня достигли Александрополя. Снег на перроне растаял, превратившись в липкую грязь. Три года назад нас здесь встречала толпа с доолом и зурной. Те же люди были и сейчас — гибкие, живые, с красными от мороза носами. Взволнованные, обеспокоенные новостями, они, казалось, все искали всех и находили друг друга. Вот один в архалуке (*вид каф-тана*. — переводчик), растрёпанный, хватает другого за шею, проглатывается с ним и, задрвав лицо кверху, кричит:

— Эй, ты, дурья башка, что стоишь? Давай пойдём, запишемся в «абоз».

Обоз, обоз, обоз... Теперь злободневными были проблемы перевозки беженцев, спасения жизни остатков народа.

Немного выше, в сторону Гаракилиса, Санаина народ был тихий, философски спокойный: во-первых, события происходят далеко, а во-вторых, что будет, то будет. На вокзале встречались только пожилые люди, которые, согнувшись, прохаживались по перронам, затем, заложив большой палец за ремень, останавливались и смотрели в неопределённом направлении. Никакого интереса! Их уже ничем не удивишь.

Пышная природа Лори ещё не освободилась от снега. Лишённые покрова деревья с торчащими стволами и голыми ветвями ещё ожидали своё зелёное украшение.

Когда мы подъехали к Нафтлугу, а это почти Тифлис, было утро. Чередующие друг друга туманные горы остались позади. Вот появи-

лась гора Мама-Давид, которая пересекала горный хребет, словно пробежала вперед и, запыхавшись, изумлённо остановилась, восхищённая видом города. На своих склонах она приютила окраины города. Здесь весна! В направлении Коджора раскинулась тёмно-синяя зелень. Внизу распростёрся великолепный Тифлис, дальние окраины которого затерялись в холмистых садах. Вот и Кура, которая, как серебряная лента, змеевидно протянулась, поделив город на две равные половины. Раннее весеннее солнце бликами играет на словно свежевымытых стёклах домов. Бог мой! Как незыблемы предметы и как зыбка судьба людская...

Когда поезд остановился, я вспомнил наше шумное отправление три года назад. Перемены были несравнимые. Вокзал был заполнен возвращающимися домой многочисленными военнослужащими. Ереванская площадь стала спокойной, люди тихо беседовали.

На улицах Вельяминовской и Бейбутыана несколько человек. Перед зданием мэрии собралась масса беженцев. Четвёртая больница, куда мы были направлены, находилась в этом районе. Только пятерым из наших, да и то благодаря усилиям доктора Г. Сагяна, удалось поместиться туда, так как свободных мест не было. Остальные были направлены для лечения и на постой в здание банка рядом с домом Арамянца. Ранее оживлённая Ереванская площадь теперь была почти пустынной. В кафе Сакаяна уже не было длинноволосых очкастых интеллигентов, которые в былое время спорили вокруг политических событий и выдвигали прогнозы, ни один из которых не осуществился. В ресторане «Анатолия» вместо воинствующих добровольцев собрались беженцы из различных районов Западной Армении. Немного оживлённым был проспект Головина. У дворца, за железной оградой русского храма собрались российские старшие офицеры, наверное, на панихиду важного лица. Немного ниже, на противоположной стороне, не доходя до входа в Александровский сад, возвышается пятиэтажный дом Арамянца, в котором, вопреки воле богатого хозяина, теперь разместился Армянский национальный совет со своими сопутствующими организациями. События настолько всё перевернули, что прошлое и настоящее перемешались в моей голове...

Через несколько дней в обширной столовой, расположенной на первом этаже дома Арамянца, кто-то опустил руку мне на плечо. Это был Татикян.

— Возвратился и не вспомнишь о нас. Что с рукой?

— Ничего серьёзного, садитесь, — сказал я, застигнутый вра-сплох.

— Нет. Если у тебя здесь нет дел, пойдём домой, время обеда.

Хотя и прошло три года, но дом Татикяна и те первые волне-ния и чувства, которые проснулись во мне по отношению к Ана-ит, образно всплыли в моей памяти, как детские воспоминания. Чем больше мы приближались к квартире, тем сильнее охватывало меня волнение.

— Может, под Карсом было возможно остановить продвижение турок? — спросил Татикян, когда я в нескольких словах рассказал ему о безнадежном состоянии фронта.

— Возможно...

Только девушки могут так расцвести: такой я увидел Анаит — выросла, похорошела, манера держаться содержательная, серьёз-ная. Она быстро подошла ко мне в коридоре, но когда начала гово-рить, слова связывала с трудом:

— Я знала, что вы приехали, но не видела вас, хотя нет, один раз видела вас у дома Арамянца, господин Янычян сказал, что это вы.

Появилась мать и старшая сестра. Мало-помалу тёплая атмосфе-ра этой семьи оздоровила меня. Младшая сестра Седочка, которой в прошлые мои визиты было всего полтора года, теперь свободно говорила, выговаривая «Т» вместо «К». Анаит сохранила детскую привычку слушать, слегка склонив голову набок, когда говорил отец. А господин Ншан продолжал расспрашивать о грустных ве-щах.

— Значит, из многочисленной семьи Мартироса никто не спасся.

— Никто.

— А почему думаешь, что наш Шаген жив?

— В турецкой армии пока есть офицеры-армяне, которые про-должают служить.

Я знал, что Шаген, сын его любимого брата, был уничтожен в числе 2000 армянских солдат и офицеров в районе Харберта, где их использовали на строительстве дорог в качестве амеле (*рабо-чих — тур.* — переводчик), но плохих известий было так много, что я был вынужден промолчать об этом.

— Сколько я старался перевести его сюда, сколько раз писал...

— А что с Момджянами? — спросила госпожа Звард.

— Депортированы и уничтожены, госпожа.

- А наши соседи Даниеляны?
- Хватит! — вмешался господин Ншан.

* * *

Я уже был в курсе событий. На окраинах города, в Авлабаре, Шейтан-базаре, с задней стороны Солдатского базара, на кладбище Ходжаванка и в других местах были расположены пункты беженцев. Большая масса беженцев была сосредоточена вдали от города в районе Бакуриани.

Хотя «армянские злодеи», с целью наказания которых турки нарушили перемирие ещё от Ерзнка, давно уже перебравшись в Закавказье, враг, уничтожив западных армян, шёл, чтобы покончить также с закавказскими армянами. Грузинам турецкая опасность не грозила в плане выживания, хотя и проступала в политической плоскости. Татары открыто перешли на сторону врага и, не скрываясь, старались помочь туркам войти в Закавказье. Они везде организовывали волнения, столкновения, шпионили и всяческими способами разлагали тылы.

В середине марта начатое в районе Карса движение курдов и татар приняло характер организованных военных действий. Вооружённые исламские отряды окружили Мертинек и Ардаган, где шли ожесточённые бои. Бандитские формирования, насчитывающие тысячи человек, в приграничных районах уничтожали армян.

В Закавказье разногласия между тремя национальностями, особенно между армянами и татарами, всё более расширялись и углублялись как в Сейме, так и в Закавказском комиссариате.

В этих условиях начатые в Трапезунде мирные переговоры были выгодны туркам. Веиб-паша продолжал продвигаться в направлении Батума, Ардагана, каждый день завоёвывая новые территории. Реуф-бей говорил о «предварительных условиях мира», цель и смысл которых были разложить и без того слабое армяно-грузинское сотрудничество. Ошеломляющие телеграммы приходили в Тифлис из Карса от окружного комиссара Замояна, от окружного комиссара Ардагана Шагалова, председателя городского и районного исполнительных комитетов Сарамидзе, за подписью банкира Иванова о царящих в этих районах безобразиях, нападениях бандитских групп, резне, грабежах, массовых выселениях. И в то время, когда с трибуны Сейма озвучивались волнительные речи, направленные против «внутреннего врага», из уст в уста передавались слухи о не-

ких секретных турко-грузинских переговорах, согласно которым Чхенкели в Трапезунде старался сохранить Батум в пределах Закавказья с условием передачи туркам Карса и Ардагана.

13 апреля турки вошли в Батум. Немного спустя в Тифлис вернулась делегация из Трапезунда, и разговоры о грузино-турецких переговорах подтвердились. Чхенкели сдал Батум туркам после осуществления относящейся к Закавказью части Брестского соглашения с условием, что этот город будет присоединён к Грузии. Армяне были шокированы. 22 апреля грузинские и татарские политические деятели объявили Закавказье «независимым государством», выполняя первое из предварительных условий — выдвинутых турками требований перед установлением мира. В тот же день правительство Гегечкори подало в отставку, и было утверждено новое правительство, в котором Чхенкели был всем: и министром иностранных дел, и премьер-министром, и председателем делегации на «мирных переговорах». С учётом колеблющейся прорусской ориентации предыдущего правительства, можно сказать, что это изменение олицетворяло акцентированную протурецкую политику.

24 апреля Акакий Чхенкели приказал командиру армянских сил генералу Назарбекяну сдать Карс туркам. Татары ликовали. Сдача Карса означала беспрепятственное продвижение турок к южному Закавказью. Грузинские политики теперь вели с турками переговоры с целью получения Батума обратно и создания независимой Грузии. Тифлисские армяне переживали тяжелые, беспрецедентные дни.

В эти дни в Тифлисе появились Мурад и Сепух. Моя рана уже заживала, и я воспользовался случаем, чтобы выяснить мои дальнейшие задачи. Но было бы лучше, если бы я не встретился с этими старыми бойцами армянской освободительной борьбы, так они были неузнаваемы: огорчённые, разочарованные и деморализованные. Тем не менее, Мурад сказал мне, что намерен собрать кавалерийский отряд для перехода по горным тропам в Александрополь, как только Национальный совет одобрит это дело, и пообещал взять меня в этот отряд. Через несколько дней я узнал, что он через Северный Кавказ перешёл в Россию, решив предложить Ленину свои услуги.

В середине мая турки заняли Александрополь. Затем бои развернулись в районе Гаракилиса, и после нескольких удачных сты-

чек армяне были вынуждены отступить и занять новые позиции в районе сёл Бозигюх и Никитино, перекрывая дорогу к Еревану.

После взятия Гаракилиса турки часть своих сил направили на север, в сторону Тифлиса. Одновременно поднялись магометане района Садахло Сантари, перекрыв железнодородное сообщение с Югом Закавказья. В эти дни головняк беженцев из занятых турками территорий уже достиг Тифлиса, и конца ему не было видно.

Среди множества этих беженцев я однажды заметил высокого Овнана. Он шагал согнувшись, как тяжело больной.

— Овнан!..

Он остановился, рассеянно посмотрел в сторону тротуара, как человек, не знающий, что делать, пока я не подошёл и не вытащил его из толпы.

— Как? Значит, это ты!? — радостно воскликнул он, снял папаху и вытер ею пот со лба. В одной руке у него был солдатский ранец, под мышкой другой он держал одеяло и подушку. Словно желая что-то вспомнить, он, моргая маленькими глазами, посаженными над выступающими скулами, сказал:

— В этот раз еле спаслись от смерти, брат, вырвались из пламени. Но я бы не ушёл, если бы так не случилось: мы остались без руководства. После отъезда Мурада всё пошло наперекосяк, теперь хочу его повидать, понять, что в конце концов нас ждёт. Хочу взять у Мурада разрешения записаться к большевикам и воевать против царских русских, они разрушили нашу родину, — говорил Овнан, облизывая губы кончиком языка.

— Мурада здесь нет.

— Что ты говоришь! — огорчённо воскликнул он.

— Да, он отправился на Северный Кавказ.

— Э-э-эх...

Словно земля ушла из-под его ног, так это привело его в отчаянье.

— Ты не можешь попросить средств у Национального совета, чтобы я поехал?..

— Куда?

— За ним, откуда я знаю...

* * *

Фатальные дни переживали армяне Закавказья. Роковую борьбу вели против турецких вооружённых сил армяне Араратской долины

под Сардарapatом, где шло сражение под лозунгом «Свобода или смерть!». В Тифлисе было состояние хаоса, всё было переполнено многими тысячами беженцев. Сейм и Закавказское правительство переживали канун своего разложения. Грузины стремились избежать ожидаемых трудностей, объявив Грузию независимой и свободной. Из дня в день углублялось противоборство армян и татар, последние вели турок в Баку. Армяне остались одни — в крови и огне. В этих условиях нельзя было бездельничать в Тифлисе, и мы с Овнаном выехали в Потти. В связи с развязавшейся гражданской войной было нелегко быстро перебраться в Россию, и мы надеялись через Северный Кавказ добраться до Мурада и присоединиться к нему. Поезд был полон большим количеством беженцев, ехавших на Северный Кавказ, основную часть которых составляли тифлиские армяне. Ещё большее скопление беженцев было в Потти. Все гостиницы, каравансарай, рестораны, столовые были переполнены. Шёл проливной дождь, создавая лужи на шероховатых тротуарах. Мы направились прямо на морской вокзал, откуда в этот момент должен был отойти пароход в сторону Туапсе. Но все билеты были проданы, и было невозможно воспользоваться этой оказией. Мы уже хотели вернуться в город, как вдруг Овнан воскликнул:

— Эй, посмотри...

В одном из уголков зала ожидания мило беседовал с невысокой женщиной полковник Торгом. Рядом друг на друге были сложены дорожные сумки. Возле женщины стояла другая — пожилая, по-видимому, её мать.

— Позови, посмотрим, что он тут делает.

Звать было неудобно. Мы приблизились, чтобы поздороваться и пройти мимо. Увидев нас, Торгом прервал беседу и, отвечая на наше приветствие лёгким взмахом руки, по-барски спросил:

— Что здесь делаете?

Разъяснили, что пришли, чтобы отплыть в Туапсе, но билетов нет и вынуждены вернуться в город.

— Билеты не проблема, немного подождите здесь, я распоряжусь.

Мы отошли, удивлённые самоуверенным видом Торгома, но, видимо, он здесь обладал должностью или имел знакомства.

Полковник Торгом жестикулировал, маленькая женщина слушала с интересом его рассказ, вероятно, о войне. Мать изредка поглядывала на полковника и зевала, прикрывая рот ладонью. Вот

вроде рассказ завершился, полковник легко двинулся в нашу сторону, звеня блестящими шпорами на сапогах.

— Здравствуйте, ребята, — сказал он весело, словно нас только увидел, — куда желаете ехать?

При последних словах он повернулся ко мне, выдвигая вперёд подбородок.

— В Туапсе, затем в Армавир.

— Хорошо, ждите здесь, поедем вместе.

Менее чем через четверть часа он принёс нам два билета, попросив помочь ему при посадке перенести дорожные сумки.

В полдень пароход двинулся в открытое море, веерообразно распространяя у берега лёгкие волны. Дождь давно перестал, море было пленительным, лучи солнца, иглами прорываясь сквозь просветы в облаках, перекатывались в воде, высвечивая золотистым цветом обширное пространство. За горизонтом гладкого, как зеркало, синего моря проглядывались контуры Понтийских гор, за которыми лежала моя родина. Всё казалось кошмарным сном...

Полковник Торгом беседовал с женщиной, мать дремала на солнце. К вечеру, когда женщина и её мать спустились в каюту, полковник подошёл ко мне, взял под руку и отвёл на другую сторону палубы.

— Хочу поговорить с тобой о серьёзном деле, но сначала поясню ситуацию. Война подходит к концу, — сказал он с вдохновением пророка, крепко шлёпая губами на последнем слоге. Затем продолжил:

— Во Фландрии, в направлении Ипра и Ла-Баса, наступление немцев не имело успеха. Они еле прорвались на 20 км глубины и остановились, хотя их целью было разгромить силы англичан. Безуспешным было и их последнее наступление в направлении Парижа. С 5 апреля Америка стала действенной силой, и она теперь приближает завершение войны. Английская армия, благодаря проделанной трёхмесячной работе, теперь представляет собой весомую силу. При этих обстоятельствах известно, что сведение счётов на русском фронте не спасает положения центральных государств. Австро-Венгрия, Болгария уже просят мира. Ещё сложнее положение турок. На фронте Междуречья турки подвергаются разгромному поражению. После 26 марта англичане заняли Багдад. В Сирии турки безоглядно отступают по всей линии Яфа-Иерусалим...

Я с большим интересом слушал утешительные сведения полковника, которые были для меня новы.

— Посмотрим, что теперь творится вокруг нас, — продолжил он, — устремления татар известны. Они хотели бы подчинить турецкой империи Закавказье, разделив его с грузинами на полунезависимые государства. Более сложно и по многим вопросам поучительно стремление грузин. Они хотят, чтобы их независимость и территориальную целостность гарантировала Германия. Представителем последней должен быть близкий грузинскому правительству граф Шуленбург. Уже подписаны секретные соглашения о порядке использования с немцами коммуникаций и богатств страны. Днём и ночью подобные секретные переговоры ведут Чхенкели, Николадзе, Жордания, Сургуладзе, генералы Квиниталзе, Отишилдзе и другие грузинские государственные деятели. Хан Хойский, Хасмамедов, Сафикиртский, Усуфбеков, Заваров и другие татарские государственные деятели в курсе проводимой ими работы. Грузины согласны, чтобы Восточный Кавказ был свободен в своих действиях, распоряжаясь своей судьбой с поддержкой Турции. Благодаря вот такому низкому предательству мы, армяне, окружены кровью и огнём. Вчера из Потти в Берлин отбыла германская делегация во главе с фон Лусовым. Турки делают, что хотят, и его ни во что не ставят, а другого защитника мы не имеем. Теперь я тебя спрашиваю, что можно сделать в этих условиях?

Его чёрные глаза мстительно искрились, направленное на меня лицо с выдвинутым вперёд подбородком окаменело. Постоянно преследующие нас предательства были не новы, но я впервые полностью давал себе в этом отчёт.

— Да, нелегко найти ответ, — сказал он, сильно волнуясь, — но я знаю ответ и не впервые говорю это. Необходимо упредить предателей и тотчас же провозгласить независимость Армении, — добавил полковник, чеканя слова и в соответствии с их значением открывая и захлопывая рот.

— Три дня назад в Тифлисе я сделал последнюю попытку. Снова меня сочли сумасшедшим, и ни членов Национального совета, ни наших деятелей я не смог убедить, насколько необходимо как можно раньше провозгласить независимость. Теперь я еду в Москву, оттуда должен перебраться в Архангельск и, сев на пароход, поеду прямо в Лондон, чтобы предпринять меры в пользу независимой Армении. Я сделал все подготовительные работы и не сомнева-

юсь в удаче. Я точно знаю, что англичане согласны с этим. Теперь я тебе предлагаю присоединиться ко мне в этом деле. Дорожные расходы я беру на себя, по приезде на место всё будет хорошо. Что скажешь?...

Конец разговора был настолько неожиданным, что я удивлённо посмотрел на него.

— Брось эти свои «добровольческие» планы, не то что один, даже десять «Мурадов» не смогут спасти положение, не мы должны решать судьбу войны. Хватит! Хотя немного побережём нашу кровь и займёмся политикой. Ты можешь быть мне полезен в армянских районах в предпринимаемой работе. Патриотическая работа, которую я предлагаю, обещает будущее также и тебе.

— Полковник, извините, но я не имею никакого призвания к дипломатической работе. Это не моё дело, — сказал я...

— Жаль, — сказал он и по-военному зашагал прочь.

Солнце ещё раз выглянуло из-за тучи своим огненным оком и исчезло. Внизу, на возвышении корабельных отсеков выстроились русские антисоветские путешественники, пели песни и пили. В произносимых тостах я часто слышал знакомую фамилию «Каледин», который недавно самоубийством покончил со своей авантюрной жизнью, и ужасным видением снова предо мной предстал Ерзнка.

Поздним утром мы пришли в Туапсе. Расставаясь с полковником, мы поблагодарили его за содействие в Потти и сошли на берег. Красивый издали, со зданиями, расположенными амфитеатром друг за другом, Туапсе изнутри был непривлекателен. Множество армянских изгнанников, растянувшись по берегу моря, шли или готовились пойти на север. В городе грузины были в праздничном настроении. Грузия декларировала независимость. В этом Вавилоне противоположных мнений русские имели свои проблемы: гражданская война распространилась по всей стране. На юге России инициатива движения принадлежала донским казакам, которые ещё с апреля грабили страну под предводительством атамана Краснова. Они хозяйничали на большей части побережья, в районе Дона и, распространяясь на Запад и на Север, угрожали захватить весь Северный Кавказ.

Армавир также был переполнен армянскими беженцами. Головная колонна вышедшей из Тифлиса неделю назад огромной массы людей уже дошла сюда. Беженцы двигались из Армавира в двух на-

правлениях: кто-то в направлении северо-запада на Ростов, кто-то в направлении юго-востока во Владикавказ, куда в основном двигались тифлисские и вообще кавказские армяне. Я узнал, что с группой отбыли в сторону Ессентуков и Татикины. Подавляющее большинство беженцев были западные армяне, которые вот уже три года мигрировали с места на место. Говорили, что из Тифлиса по Военно-грузинской дороге двигаются тысячи телег, экипажей, автомобилей, вьючных животных, фургонов, груженых домашним скарбом мигрирующих со всех мест беженцев, в сторону Владикавказа, и, якобы, одно место в фургоне стоило до 10 000 рублей. Армянский народ двигался, согнанный со своего места. Наверное, так мигрировали века назад наши массы в Польшу, на Балканы и другие места...

Мурада не было. Он отбыл с Сепухом в Царицын с намерением выехать оттуда в Москву или в Баку. Овнан настаивал на поездке в Царицын. Без Мурада его жизнь не имела смысла. Я уже не видел смысла в блужданиях, тем более что было неизвестно, найдём ли мы Мурада в Царицыне, и если найдём, что будем делать? Чтобы противостоять глобальной враждебности, необходимы иные средства, и прав был полковник Торгом, что разбросанные отдельные деятели не могли эффективно действовать. Я выделил часть денег из полученных от брата ещё в Ерзнка Овнану, и он в тот же день отправился в Царицын, пообещав прислать о себе весть.

Большую часть суток я проводил на вокзале среди беженцев, которые прибывали снова и снова, и, казалось, нет им конца. Миграция происходила неорганизованно. Пришельцы были предоставлены сами себе. Изо дня в день увеличивалось число больных. Отношение местных русских становилось всё недоброжелательней. Из жизненной необходимости западно-армянские беженцы появились на рынке с разнообразным ремеслом, торговали. Их деятельность могла вытеснить с рынка русских мясников. В глазах русских армянский крестьянин представлялся «жидом»...

Я содействовал деятельности созданного местными армянами миграционного органа и не жалел сил, чтобы помочь этим несчастным, чем и как мог. Каждая мать, ребёнок напоминали мне моих родных, которых я представлял ещё живыми в Аравийской пустыне, конечно, в более трудных условиях существования. Но эта работа долго не продлилась: головные боли, ломота, температура не оставляли меня. Иногда у меня случались головокружения, дохо-

дившие почти до обморока, как в своё время в Ереване. Выяснилось, что я заразился тифом. В эти сумбурные дни единственными моими друзьями были Татикяны. Хотя было очень неприятно, но было необходимо как можно скорее, пока я был ещё в состоянии двигаться, отправиться в Ессентуки.

В поезде несколько кавказских армян спорили о Батумской конвенции, согласно которой Армения, якобы, провозгласила независимость. Ничего не понимаю. Смутно вспоминаю Потти, полковника Торгома. Я словно в печи, грохот поезда раскалывает мозг. Изредка мне удаётся напрячь усилия и что-то понять из беседы.

— Западня, брат, а не независимость, — кричал один, — двенадцать тысяч квадратных километров и со всех сторон окружённые турками миллион армян... Как может выжить подобное государство?

— Ты понимаешь, что происходит? Что было делать? Как иначе можно было немного передохнуть в этом постоянном ужасе? — кричал кто-то другой.

— Значит, если посчитать наши жертвы, как минимум один миллион двести тысяч человек, мы должны прийти к заключению, что за каждый квадратный метр вновь созданной Армении мы пожертвовали одного человека, — с горечью говорил третий.

Все они очень гуманны. Хотя я и сообщил им, что заражён тифом, не боятся и всячески заботятся обо мне. Не знаю, когда это было, как я с помощью одного из них дошёл до Татикянов в очень тяжёлом состоянии. Это был двухэтажный дом с садом.

— Ничего, ничего, пройдёт, — говорил господин Ншан, помогая мне раздеться.

Потом я различаю госпожу Звард, Анаит, Зепюр и русского мужчину — врача. Голова будто налита свицом, кости ломит.

Прошло три недели. Своим существованием я был обязан Татикянам и особенно — Анаит, которая долгие бессонные ночи провела у моего изголовья, ухаживая за мной с сестринской заботой. Она скрупулёзно следовала предписаниям врача и строго придерживалась его указаний. Во время моей болезни она присвоила себе какую-то власть надо мной, что меня часто сердило, и, однако же, что-то принуждало меня подчиняться ей, как ребёнок, и признать её господство.

Анаит обегала всё вокруг, чтобы найти молоко и мацони, что в эти дни было делом нелёгким. День за днём я убеждался в том,

что эта девушка отличается от всех женщин, которых я видел. Иногда мне казалось, что моя жизнь дорога ей — такую тёплую заботу она проявляла ко мне. Но хорошо присмотревшись, я всегда приходил к заключению, что её словно больше занимала борьба с болезнью, чем моя личность. Иногда она спорила с отцом: господин Ншан считал, что нельзя запрещать есть, когда у больного имеется аппетит, и имел на это право, так как я в жизни не испытывал такого чувства голода, как в эти тяжёлые дни. Но напрасно. Анаит ни на волос не отклонялась от назначений врача, даже если бы я умер с голода. На следующей неделе, когда врач заявил, что «кризис» прошёл и отныне начинается период выздоровления, мать и дочь, словно сговорившись, кормили меня, будто хотели, чтоб я лопнул от еды. Если госпожа Звард с материнской заботой и умилением удовлетворялась только упрёками в мой адрес за мою нерадивость, Анаит прямо приказывала следовать указаниям врача и есть то, что разрешено.

После отступления из Ерзнка в моём сердце потускнели контуры замка любви, который выстроился сам собой три года назад. Но сейчас её опека, забота, безоговорочная близость снова наполняли мою опустевшую душу несказанным ликованием, и меня изо дня в день охватывало светлое, как солнце, духовное опьянение. Я с нетерпением ждал её, когда она отсутствовала.

Как только я выздоровел, Анаит умерила своё воодушевление, как-то охладела и снова погрузилась из-за того, что я выздоровел и ей больше делать нечего. Теперь её поведение было таким, как во время нашей последней встречи в Тифлисе: культурное, дружеское и только иногда — близкое. Большую часть времени я проводил за чтением в саду, в тени густых крон деревьев.

К концу июля я настолько окреп, что мог вернуться в Армавир. Но что делать? Я представлял себя в «работе», которая фактически и раньше не существовала: выполнять те или иные поручения Миграционной комиссии, которая, вероятно, уже расформирована. Только теперь я понимал, как был не подготовлен к жизни. С родины я выехал с розовыми мечтами о перспективах, но попал в кровь и разрушения и превратился в полугайдука. Правильна ли такая жизнь? Не нужны ли коренные изменения? И иногда мне казалось, что основной смысл жизни в личном спокойствии, в существовании со скромной работой, семьёй, детьми, как живёт большая часть человечества. Но каждый раз я вспоминал прошед-

ший путь, моих незахороненных родных, товарищей и чувствовал, что не могу быть счастливым такой жизнью. О чём думала Анаит? Действительно поучительны были все те книги, которые она читала? Или хотела чем-то заняться? Дома, во время обеда или ужина она была рассеяна и часто удостаивалась замечаний от матери или отца. Иногда её охватывала безудержная весёлость, которая проявлялась во внезапном смехе. Во всяком случае наши отношения становились всё сложнее, настолько, что она избегала оставаться со мной наедине.

С мятущейся от неизвестности душой я большую часть дней проводил на холмистом южном участке дачи. Прекрасна была виднеющаяся за ним поблёскивающая на солнце Кавказская горная гряда с заснеженным Эльбрусом.

Вечерело. Возвращаясь домой, я вышел на тропу, которая проходила по засаженному деревьями участку дачи. Множество птиц собрались в густой листве, щебетали, гомонили на звенящем непонятном языке. Деревья и холмы дремали в этой суматохе вековым покоем. Спускаясь с холмов, я увидел Анаит, которая медленно шагала с книгой под мышкой. От неожиданности она воскликнула, как ребёнок, уличённый в проступке:

— Удивительно, совсем не знала, что Вы здесь...

— Нет конечно, просто мне захотелось пройтись здесь, — сказал я, едва сдерживая волнение.

Она моментально пришла в себя, весело начала говорить о новостях дня, о соседях, которые во время моей болезни прервали с ними отношения и сейчас старались снова сблизиться. Не осведомлённая о повсеместном горе вокруг, её душа огорчалась в связи с этим. Потом вдруг огорчение сменилось восторгом в связи с тем, что соседи потерпели «моральное поражение». В эти моменты она улыбалась и, прищурившись, изредка посматривала на меня сквозь длинные ресницы. Все её речи были очень простыми, но она вся светилась от внутреннего ликования. Да, она была счастлива, её шестнадцать лет ничего ей не сулили, кроме неосознанного удовольствия. «Сейчас или никогда!» — всё время проносилось у меня в голове. Но как начать? Я почти не слушал её болтовни, но чувствовал, что не имею права нарушить её веселье. Дошли до дома. Мне было неприятно, что я упустил удачный повод...

На следующий день я сидел в саду с маленькой Седочкой, которая собрала связку веточек и попросила меня разрезать их но-

жом на равные куски, когда появилась Анаит, держа в руке письмо, адресованное председателю Миграционной комиссии Сеферяну для передачи мне. Писал Овнан, который добрался до Царицына и присоединился к Мураду. Командир местных советских сил Петров принял Мурада и Сепуха с большим почётом и дал им возможность отбыть в Баку для борьбы против турок. «Немедленно приезжай сюда. Через три дня по Волге мы должны прибыть в Баку», — продолжал Овнан. Но письмо было написано примерно полтора месяца назад, и марки на нём не было.

— Кто принёс?

— Один армянин.

— Не спросила, кто он?

— Торговец из Моздока, имя забыла. Это важно? — продолжила Анаит задумчиво.

— Ничего, наверное, он ещё здесь, найду.

— Могу вам помочь. Лицо помню, круглое, как луна, с очень красными щеками, с таким круглым животом, — сказала она, описав в воздухе полукруг, и вдруг внезапно засмеялась...

В соседней гостинице «Астория» легко нашли его. Во дворе, под тенью деревьев, сидя за одним из со вкусом расставленных столиков, он обедал. Увидев Анаит, засуетился, отстранил свой стул, другой рукой сорвал из-под воротника свисающую на грудь салфетку, бросил её на стул, подошёл к нам, вернулся к столу.

— Прошу, прошу, пожалуйста, садитесь, честь имею... Барышня, кофе? Пиво? Ничего. А вы? Как можно...

Наконец всё успокоилось.

— В Армавире спокойно, — говорил он, отвечая на мои вопросы, — но в Моздоке переполох.

— Какая там власть?

— Трудно сказать. Позавчера утром над магазином повесили белый флаг, но когда узнали, что победили большевики, конечно, сразу сняли, однако пока из дома в магазин принесли красный флаг, победили белые, естественно, снова вывесили белый. На следующий день утром послал сына выяснить, кто у власти. Выяснилось, что красные. Снял белый, вывесил красный и приехал сюда. Теперь кто может сказать, какая там власть?

— Извините, как моё письмо попало к вам?

— Да, я это должен был сказать. Я был в Баку, оттуда прибыл в Армавир.

— Были в Баку?

— Да.

— Когда?

— Недавно.

— Как они?

— Кто?

— Город, армяне...

— В городе нехорошо, бои идут. Армяне урона не несут, воюют, как лвы, — сказал он, кладя кулаки на стол.

— Значит, война ещё продолжается?

— Конечно.

— Когда вы оставили Баку?

— Примерно четыре-пять дней назад, — сказал он, веером открывая пальцы. — Воспользовался случаем и с воинской частью Бичерахова отправился в Дербент, оттуда — в Армавир...

— Вы сказали, Бичерахов?

— Да, очень храбрый генерал, но в ночь 25 июля был вынужден отступить.

— Сегодня 8 августа, значит, из Баку вы отбыли две недели назад.

— Да, вы правы, так забегался, что потерял счёт дням.

— По такому расчёту значит, что линия Дербент—Баладжары ещё свободна?

— А как же, Баладжары находятся в руках армянского командира Амазаспа.

— А Мурад там?

— Мурад?..

Он вытащил из кармана большой цветной платок и вытер пот со лба. О Мураде он, к сожалению, ничего не знает, но слышал, что там «армянский командир».

— А как здесь жизнь? — продолжил моздокец, обращаясь к Анаит, давая понять, что беседу со мной закончил, — судя по ресторанным ценам, видно, довольно дорогая.

Но Анаит, занятая своими мыслями, не поняла вопроса и невинно улыбнулась. Немного можно было узнать у этого измученного армянина. Но и этого было достаточно, чтобы я взволновался...

Никогда я не переживал такой душевной раздвоенности, как в эту ночь. Перед моими глазами стоял образ Овнана — мускулистый, высокий, с бесцветным, окаменелым лицом. Маленькие по-

дозрительные глаза его словно смотрели на меня из темноты с тяжёлым обвинением. Да, хорошо ли, плохо ли, он продолжал свой путь. И разве не все они были такими? Хотя бы тот же Мурад, что имел мужество допустить, чтобы любимая жена его кончила жизнь самоубийством, что с вершины горы видел в бинокль, как ведут на смерть его родных, что от страданий грыз приклад ружья, не смея выпустить смертоносную пулю в палачей, дабы не пострадали охраняемые им беженцы...

Несомненно, я должен был отправиться в Баку, но препятствие было очень мощным. Я не был в состоянии разумом примирить личное и общее. Оставался один выход: отрезать и отбросить тот узел... Мне представлялся Баку, тёплый воздух, пыль, чахлые деревья единственного сквера, бегущие, как безумные, прохожие, маленькие стремительные экипажи, тяжело сидящие высокие здания, которые я помнил так, как увидел три года назад, проезжая из Ростова в Тифлис. Мне казалось, что на каждом шагу я встречаю кого-то из них: Чепечи, Овнана, Саака, Вардана, Ншана. И находил, что единственный смысл жизни — встреча с другом, где бы то ни было. Потом вспоминал пройденный нами адский путь: Вжан, Чорс, Чилик. Вспоминал Чмшкинца, словно видел приближавшегося к нам неуверенным бегом коня, лежащий на снегу под лучами утренней звезды труп, открытые застывшие глаза...

На рассвете я внезапно проснулся от тяжёлого сна: как будто я умер и попал в могилу, где были мои родные. Могила достаточно просторная, с каменной кладкой, но сырая. Только одна лампада светилась в непроглядной тьме. Наши очень рады, что я, наконец, умер. Особенно невестки и дети. Последние прыгают мне на плечи, обезумевшие от восторга. Но мать моя очень недовольна. Она с плачем корит меня за то, что рано умер и спустился в могилу, не отомстив за них...

На дворе шёл дождь. Прохлада заглушала шелест омытых дождём листьев деревьев. Рассветало. Ветка высокого стройного тополя царапала моё окно, словно муха своими лапками.

Утром посмотрел в окно. Небо походило на капризного смеющегося ребёнка со слезами на глазах. Лучи солнца переливались на вершинах деревьев. Внизу, по-видимому, было сыро. Но по обыкновению там накрывался столик для утреннего чаепития. Анаит, стоя у самовара, заливала водой заварной чайник. Я спустился вниз с решимостью определиться; должен был спросить её: «Да или нет». Но когда спустился, вся моя решимость исчезла.

— Доброе утро...

— Доброе утро...

— Я хотел поговорить с тобой, так как завтра уезжаю, — сказал я наконец.

Она неожиданно воскликнула:

— Куда?

— В Баку.

— Но почему?..

— Вчера ты слышала рассказ моздокца, о письме знаешь.

— Но ведь Вы ещё не поправились, — воскликнула она, затем, спохватившись, тяжело задышала, улыбаясь.

Я почувствовал, что вопрос её очень взволновал. Мое сердце дрожало, я не находил слов.

— Конечно, это Ваше дело, но я не думаю, что Ваше решение будет приятно папеньке, — сказала она, придя в себя.

— Господин Ншан с лёгкостью поймёт меня, но дело в том...

Я запнулся.

— В чём?

— Думаю, тебе известно...

Она смотрела на меня ясными глазами и, казалось, затаила дыхание. «Если моё признание отвергнет, значит, всё кончено. Ни слова после этого не скажу», — подумал я. Вдруг она сильно покраснела, опустила глаза, лицо приняло неопределённое выражение. Я собрался с духом.

— Честно говоря, я сам себя не понимаю. Сначала я думал, что разбуженное во мне чувство к тебе я переборол, но со временем оно углубилось. Иногда мне казалось, что могу надеяться на взаимность. Но, конечно, ты никакого повода не давала...

Здесь я потерял нить мысли.

— Одним словом, хотя и рано об этом, но могу ли я надеяться, что через три-четыре года...

— Папенька идёт, — сказала она, изменившись в лице.

— Доченька, здесь не сыро? Не лучше ли накрыть стол в помещении? — сказал, приближаясь, господин Ншан.

— Нет, папенька, солнце уже поднялось.

И равнодушно добавила:

— Знаешь, папенька, Согомон уезжает.

— Куда?

— В Баку.

— В Баку?

Мне показалось, что Анаит несерьёзно восприняла это, и я очень плохо себя почувствовал.

— Да, завтра вечером я должен отправиться, — сказал я её отцу, который удивлённо смотрел на меня.

Он прочёл полученное мной письмо; я рассказал ему о беседе с моздокцем. Задумался.

— Ну, что сказать? Так как в эти тяжёлые дни случай привёл тебя к нашему порогу, естественно, что я считаю себя ответственным перед твоим отцом. Я буду так себя чувствовать перед ним, если, не дай Бог, с тобой что-нибудь случится. Но, думаю, что в этом случае и твой отец ничего не смог бы возразить. Мы рано состарились, стали ненужными, сейчас, если и тебя не пустим, с какой совестью жить? Иди, но будь осторожен...

Анаит, расставлявшая чайные стаканы, бросила собранные в руке ложки в один стакан и села.

— Разливай, доченька, — обратился к ней господин Ншан и заговорил о Мураде, которым он был очарован...

На следующий день спокойствие Эссентуков нарушилось. Туда прибыла многочисленная группа беженцев, которые шли из Баку. Бодрые, жирные, с выпуклыми животами, хорошо одетые, с блестящими саквояжами в руках, эти люди абсолютно не были похожи на обычных наших беженцев. Нефтепромышленники, управляющие, торговцы, увешанные украшениями женщины, которые прошли, гогоча, как гуси. Они остановились в гостинице «Астория». Вечером группа приехавших мужчин, выйдя из гостиницы, подошли и расцеловали женщин, которые пытливыми глазами смотрели по сторонам из-под широкополых шляп. Кто-то очень худой и тонкий, крича, жаловался на невыносимые условия их жизни в Эссентуках. И вдруг я среди толпы различил константинопольского Левона — моего товарища по оружию в Арауле. Я бросился к нему. Но моя радость длилась недолго: Мурад погиб, часы Баку были сочтены, турки достигли пригорода...

Глава 5

В Константинополе

Ессентуки превратился в яму, думать о выходе из которой было излишне. После двух-трёх дней уклонения от общения Анаит восстановила свои простые дружеские отношения со мной. В её обращении ко мне ничего не изменилось, только теперь она была со мной «на ты». Я тоже не нуждался в возврате к волнующему меня вопросу. Теперь большую часть дня я проводил у Левона, который с группой бакинцев поместился в соседней гостинице «Астория». Вечерами, когда я возвращался домой, Анаит задавала мне интересные её вопросы общего характера, в которых не было большого смысла и которые, понемногу уточняясь, вращались вокруг бакинцев: кто чья жена, как зовут девушек, каково их образование, не думаю ли я, что девушка с русыми волосами довольно красива, только нос у неё немного длинный?

Во второй половине сентября турки вошли в Баку. Часть большого потока беженцев дошла и до нас. Большая часть беженцев просочилась в направлении Персии, Петровска, Красноводска. В городе было вырезано от двадцать до тридцати тысяч человек...

В эти дни положение России было всё ещё неустойчивое. Антисоветское вооружённое движение изо дня в день расширялось. Везде зарождались организации, противоборствующие Советам. Столкновения, носящие сначала локальный характер, создавали обстоятельства для гражданской войны. Чехословаки занимают Казань, Симбирск, Уфу и район Средней Волги, объявляя эти земли «Государством Конституционного Собрания». Упорные бои имеют место на юго-востоке европейской России, в районах Дона, Кубани, Оренбурга. В центре антисоветские силы организуют заговоры, террор и восстания. Затем армия Деникина занимает весь Северный Кавказ, от берегов Чёрного моря до Астраханских степей. В районе Оренбурга совершают набеги силы генерала Дутова. В отрезанной от центра фронтом Урал–Волга Сибири появляются «автономные правительства» Омска, Владивостока.

Кроме внутренних классовых, социальных группировок в движении огромную роль играют национальные силы разношёрстных народов обширной России. Помимо каждой национальности, каждый район объявляет «независимость». На Дальнем Востоке, в Финляндии, во всём Прибалтийском районе, на Украине, на

Дону, в Кубани, в Дагестане, в Закавказье вырастают новообразованные государства, и даже в Харбине хотят иметь своё «временное правительство».

Эти контрдвижения внутри страны особенно сильно стимулировались со стороны внешних противоборствующих сил, в том числе также — вчерашних союзных государств. Немцы властвуют над всеми западными районами, Украиной и Финляндией посредством различных местных агентов или «властей». Над Дальним Востоком властвуют японцы, которым способствуют английские, французские, американские и итальянские воинские подразделения во Владивостоке. В Сибири бывшие союзники помогают адмиралу Колчаку оружием, деньгами, продуктами. В Архангельске на берег высаживаются англичане и американцы. На юге французы помогают известному авантюристу Петлюре. В Закаспии совершают набеги басмачи, подталкиваемые англичанами. В Закавказье фактически властвуют немцы и турки...

В это время всеобщего развала, когда ничего утешительного невозможно было найти для продления своих дней, вдруг одна весть всколыхнула весь Ессентуки: 30 октября в Мудросе подписано перемирие и турки сложили оружие. Они обязались немедленно освободить захваченные в Закавказье земли. Союзники хозяйничали в Константинополе и в проливах. Согласно другому пункту перемирия оставшиеся в живых армянские беженцы должны собраться в Константинополе, а погромщики — быть привлечены к ответственности.

Приблизились дни возмездия. Меня снова захватила идея попасть в Константинополь и убить Талаата, идея, внушённая мне наказом призрака моей матери. Одновременно меня волновала надежда, что в Константинополе может появиться кто-то из моих выселенных родных или что оттуда будет проще получить весть о них.

Теперь все спешили домой. В первый же день выехала большая часть бакинцев. С ними был Левон, которому, по-видимому, было трудно расстаться с эмигрировавшей из тех мест девушкой, как мне — с Анаит. Он предпочёл длинный извилистый путь Баку—Батум—Константинополь, так как, якобы, в других портах Чёрного моря было сложно найти соответствующий пароход. На следующий день отправились и мы в направлении Новороссийска.

— Оставь эту проклятую страну, еле освободились, — по дороге уговаривал меня господин Ншан.

Госпожа Звард уговаривала меня поехать в Тифлис и остаться у них дома до окончания войны, чтобы потом я смог поехать в Сербию к отцу. Только Анаит была молчалива и внешне безразлична.

Была ночь. По дороге на каждой станции в поезд вваливались беженцы, которые двигались в сторону Херсона, Одессы, румынской границы. Расстояния для них были не проблема. На какой-то станции вошёл русский крестьянин и расположился в нашем купе. Он хотел что-то спросить у меня, но в этот момент поезд тронулся. Сняв шапку, он перекрестил лицо и начал шёпотом молиться. Закончив молиться, он три раза снова перекрестился, надел шапку и, усевшись поудобнее, спросил:

— Который час?

Шёл четвёртый час, близился рассвет. Крестьянин положил голову на свои колени и через минуту начал храпеть. Спали и Татияны, кроме Анаит, которая всё время сидела, окаменев. Мне казалось, что она понимала всё, что я чувствовал и думал; и в эту ночь, более чем всегда, мои самые возвышенные мысли были о ней. Я нашёл решение моей проблемы. Сперва я должен отомстить за мать и родных, затем, если судьба мне улыбнётся, — не разлучаться с ней до смерти. Я хотел всё это обстоятельно объяснить ей, но, к сожалению, мне не было дано дара красноречия.

Вошёл проводник и, увидев, что фитиль в лампе догорает, потушил лампу. В полумраке я уже не так отчётливо видел Анаит. Крестьянин храпел, издавая носом невероятные звуки. Весь день в наш вагон входили и выходили путешествующие в разных направлениях.

К вечеру достигли Новороссийска. Один пароход шёл в Потти. Господин Ншан воспользовался этой okazji. Чем ближе был час расставания, тем сильнее была во мне потребность поговорить с Анаит. Но теперь меня ни на минуту не оставлял господин Ншан, стараясь уговорить, чтобы я поехал с ними. Я был деморализован, думал, что лучше мои мысли ей сообщить письмом.

Они уже отъезжали. Анаит подошла ко мне и с грустной улыбкой сказала:

— Значит, так...

— Да, но я не получил от тебя ответа...

— Какого ответа?

— Ответа на мой вопрос, который я задал тебе два месяца назад в саду.

- Чего он стоит сейчас?..
- Для меня — многого...
- Едем с нами в Тифлис. Вот мой ответ.
- Слово чести, что приеду, но дай слово, что будешь ждать.
- Ах, Бог мой, какое ещё слово?
- Что будешь ждать, — настоял я...
- Хорошо, посмотрим, кто из нас сдержит слово...

Пароход отошёл, уменьшаясь с расстоянием. Издалека, очень долго я различал руку с белым платком.

* * *

Смеркалось. Шёл мелкий дождь. Я шёл в сторону вокзала, встречая по дороге редких прохожих. О чём я думал, не знаю. Чувствовал, что ступил на путь, с которого нет возврата без удачи. На вокзале царило чрезвычайное оживление. Каждый хотел собственными глазами увидеть короткое сообщение: война закончилось, Германия приняла условия мира. Через два часа я отправился в Одессу.

Сразу после Мудросского мира союзные государства стали властелинами Чёрного моря. У русских берегов появлялись англо-французские военные корабли. На Украине, в районах Дона, в Финляндии, в Эстонии, Латвии — английские войска. В Крыму на берег высаживались французы.

В Одессе управляли франко-греческие власти. Прошло около месяца, пока я сумел преодолеть пропускные препятствия и обеспечить себе место на пароходе «Евфрат», который должен был скоро отправиться в Константинополь. Большое количество пассажиров было в том же положении. Для этих несчастных каждый день создавал новые трудности. Каждый из них с нетерпением желал как можно скорее попасть в Константинополь с надеждой получить вести о родных, оставшихся в стране.

Наконец, в середине декабря мы отплыли. На следующее утро пароход прибыл в Констанцу. По причине карантина было запрещено спускаться на берег, и мы провели там скучные день и ночь. Утром 18 декабря подошли к Босфору. Воздух был чистым и морозным, по краю небосвода медленно двигались белые облака. Нежные лучи солнца потихоньку раскрывались позолоченным веером и распространялись, создавая на горизонте розовые полосы. В чёрных, как смола, водах изредка появлялись крохи отблесков. Каждую минуту менялись яркие цвета моря и неба, словно две вос-

точные царицы, соревнуясь друг с другом, стремились ошеломить окружающих своими разноцветными нарядами. Пароход острым носом разрезал древние воды пролива, разбрасывая волны вправо и влево. Прислонившись к перилам палубы, я вглядывался в ущелья и холмы, мысленно бродил по залитой кровью стране: Ван, Хнус, Эрзурум, Ерзнка, Челек, Чорс, Вжан. Бледное солнце теперь освещало белые, как вата, облака, которые густой стаей скользили по небосводу. Торжественная процессия рваных облаков, подобно духам многочисленных жертв, сопровождала нас в зигзагообразном проходе пролива. На мостике постепенно собрались пассажиры. С удовольствием узнавали они спустя годы знакомые места, показывая их друг другу. Оставив позади морские просторы, мы вошли в узкий пролив Босфора.

Босфор по-гречески означает «Лаз быка». Согласно греческой легенде, впервые через него вплавь прошла дочь первого царя Аргуса Инакуса Ио, та Ио, которую потом Зевс превратил в корову. Предание гласит, что в доисторические времена моря здесь совершенно не были взаимосвязаны. Это доказывают геологические обследования берегов пролива. Глубокие впадины и острые выступы обоих берегов настолько соответствуют друг другу, что, говорят, достаточно их сблизить, чтоб они соединились и снова составили единое целое, даже слои земли обеих сторон расположены соответствующим образом. Особенности земли, богатой базальтовыми слоями, образовавшиеся пещеры свидетельствуют об их вулканическом происхождении. Вероятно, Босфор был создан вследствие мощного вулканического взрыва, который разорвал этот кусок суши, разделив на две части. И я думаю, как бы сложилась судьба армянская, если бы этого взрыва не было... Самая узкая часть, кажется, не более шести-семи тысяч шагов.

Среди собравшихся на мостике пассажиров из этих районов имеется порядочное количество изгнанников-беженцев армян и греков. С каждым поворотом колеса парохода слышатся радостные восклицания. На европейской стороне, на скалистых берегах Гарадага расположен форт Румела — нетрудно различить остатки древней крепости. Слева, на другом берегу, под руинами крепости Гинугза приютился форт преступной Анатолии. Прошли века, остатки этих древних крепостей, забытых жизнью и людьми, ещё мрачно смотрят друг на друга бойницами, когда-то сеявши-

ми смерть. Здесь впервые был переброшен мост между Европой и Азией и с одного берега на другой перешли войска Дария.

Немного ниже на правом берегу расположилось чисто греческое село Ени-Махал.

— Панаёта!.. — с волнением воскликнул старец-грек. Их село. Почти напротив, на другом берегу расположен Хюнкяр Искелниси. Здесь дислоцировалась русская армия в 1833-м, навязав султану Махмуду невыгодный договор, в связи с чем он со стоном обратился к своим близким:

— Что делать? Упавший в море и со змеёй обнимется... (*аналогично русскому: «утопающий хватается за соломинку»*). — переводчик)

Затем на европейском берегу показывается Мезарбурну со своими обширными кладбищами и торчащими надгробиями. Здесь царит брэнность, как напоминание о всех событиях истории, свершившихся со времён сотворения мира. На другом берегу, в море, расположен турецкий Бейкос. Здесь свершилась одна из последних сцен седой истории, здесь в 1854 году бросил якорь англо-французский флот, перед тем как предпринять в Крыму действия против русских.

Вдоль правого берега приближаемся к району великолепных дворцов, замков Беоюк-дере. Глаза не нарадуются зрелищем! Согласно преданию, Беоюк-дере был первой остановкой крестоносцев. Напротив, на азиатском берегу расположены известные сады Паша-бахче и Султание, которые теперь стояли без листьев. Ниже, справа приближаемся к древней Тарапия — загородной резиденции византийских правителей. Если бы человек ведал будущее, если бы это великолепное место не предоставил греху...

Ещё ниже, на азиатском берегу возникает возвышающийся на холме Чибухлу с роскошным летним дворцом египетского халифа. Сзади расположен Канлджан со своими красивыми виллами и прекрасным дворцом Фуата-паши. Затем появляется Анатолу Хисар — древняя крепость, которую построил султан Баязит на руинах греческого храма в 1390 году, когда впервые был осаждён Константинополь.

Мой спутник, Акоп из Еникёй, который как свои пять пальцев знал весь район, сейчас молчалив и взволнован. Вот она, его родина — Еникёй, который расположился на правом берегу пролива, на склонах обширной горы с десятью тысячами жителей, греков

и армян. Мать, сестра, братья... Кто из них остался жив? И что они пережили там?... Понимаю...

На том же берегу чередуются друг за другом несколько поселений, но взгляд останавливается на очень близком к берегу Береке, где когда-то был храм Артемиды. У европейского берега прошли мимо Куру-шешмена, Ортакёл, Пешикташа, дворца Чрагана, почти коснулись бортом известного Толма-бахче, за которым в глубине на холме возвышается Елдыз-кеошк. Как много боли связано с этими белоснежными дворцами...

На азиатском берегу вполуборот к нам виднеется Скютар. На пароходе имеются скютарцы. Они говорят, что Скютар по-персидски означает «место отдыха». Ксенофон останавливался здесь перед переходом в Европу. Значит, в этой стране нет земли, не окропленной старой и новой кровью. Старое название Бризиполис в память сына Агамемнона. Византийцы там построили три больших памятника в знак благодарности афинянам за помощь в их победе над Филиппом Македонским. Теперь там под солнцем блещут острые купола многочисленных минаретов...

Прошли мимо Гарадага на европейском берегу, где нашим взорам открылись серебро-светлые воды Мраморного моря, которые кольцом обтекают Сарай-бурну.

Перед нами в воде одиноко возвышается Гыз-гюлеси. Башня, построенная в бытность Мануэла Компена с целью перекрыть пролив Босфор. А по турецкому преданию ее построил султан Мехмед. Одна цыганка нагадала, что его дочь должна умереть от укуса змеи, и султан построил эту башню, чтобы содержать в безопасности любимую дочь. Проходят годы, слава о красоте Мехар Шехиди распространяется по миру. Сын персидского шаха приезжает, чтобы жениться на ней. Но вот судьба! В привезённом им букете цветов спряталась змея, которая кусает красавицу. Мехар Шехиди на пороге смерти! Однако, как и следовало ожидать, принц отсасывает яд, спасает её жизнь и женится на ней...

Мы как в позолоте. Истинно сказочен Константинополь! По византийскому преданию место, где он был построен, указал сам Апполон. Азиатская часть города ошеломляет созерцателя бесчисленными куполами минаретов, а европейская — похожими на дворцы прекрасными зданиями, которые словно плавают в воде.

Пароход медленно подошёл к берегу Галатеи. Остановился. Пристань заполнилась разношёрстной толпой встречающих. Но-

сильщики вырывают друг у друга, словно бесхозные, вещи пассажиров. Оглушающие крики, разноязычная ругань, вокруг красные фески. Всё то же, словно ничего не изменилось. Полицейские проверяют и собирают пропуска. Когда мы вышли с пристани, меня охватило разочарование: насколько очарователен был город изда- лека, настолько непривлекателен изнутри своими узкими и мрач- ными улицами, замусоренностью, лабиринтом жалких деревянных домов, на которых местами видны следы пожаров. Ни один город так не очаровывает человека видом с моря и не разочаровывает так сильно внутри, как Константинополь. У первого попавшегося про- давца газет я купил свежий номер «Чакатамарт»-а («*Битва*». — пе- реводчик). Последние две страницы были полны большими и ма- ленькими объявлениями, посредством которых люди искали вы- сланных родных. От Галата-Серая до Таксима разношёрстная толпа спешила в разных направлениях. Армяне, греки, турки, европейцы разных наций и вероисповеданий так перемешались друг с другом, что казалось, будто колыбелью цивилизации является Константи- нополь. На каждом шагу замечаю английских, французских солдат, и только это говорит об оккупации.

По несравненно более чистому и приятному проспекту Бера на- конец дошёл до редакции «Чакатамарт»-а. Большим облегчением было видеть в таком сохранном виде здание, которое пережило бед- ствия. Молодые люди с пылающими лицами, женщины, девушки толпились в полутёмной передней редакции. В следующей, более светлой и спокойной комнате за длинным письменным столом си- дел человек с внешностью борца, по-видимому, молодой писатель или поэт. Я подошёл к нему.

— Извините, я хотел бы дать объявление, что ищу своих родных, но не знаю, как и где это сделать.

— Здесь. Кого ищете?

По тону я понял, что это было для него обычным делом.

— Мои мать, брат, жёны двух старших братьев, их дети...

— Всех невозможно. Если найдёте одного, это будет большой удачей.

— Пишите: Моя мать, брат...

— Ваш адрес?

— Адреса не имею, только прибыл.

— Откуда?

— Из России.

Он отложил ручку и посмотрел на меня.

— Каким путём прибыли?

— Пароходом. Из Одессы.

Он встал.

— Есть ещё депортированные?

— Конечно.

— Идите сюда.

В соседнем зале столпилось множество людей.

— Господин Григор, вот господин только прибыл из России, — крикнул он.

— Когда? Как? — набросился с вопросами тот.

И начались распросы его и окружающих о числе депортированных на Южном Кавказе; о настроениях; о событиях в Закавказье, в России; о прибывших на пароходе «Евфрат» и так далее.

Бледная девушка, которая всё это время стоя внимательно слушала, уныло спросила:

— Господин, Вы случайно не слышали о Левоне Мататяне?

— Константинопольском Левоне?

— Да, он из Константинополя.

— А как же.

— Он жив?

— Да, барышня, это мой близкий друг.

— Что Вы говорите!..

— Поверьте, в Эссентуках мы были вместе, но он выехал раньше меня, уже должен быть здесь.

По-видимому, Левон был очень близким человеком для барышни. Она совсем растерялась.

— Господин, если бы Вы знали состояние родителей, день и ночь плачут. Где проживаете? Могу я узнать Ваш адрес?

— Я ещё не устроился, барышня.

— Не желаете ли Вы пойти со мной к родителям Левона?

— С радостью, но сперва хотел бы дать объявление и снять комнату.

Она словно боялась потерять меня в толпе.

— Господин, я знаю комнату, которая сдаётся, можете не давать объявления.

— Нет, барышня, другое объявление. Я ищу своих родных.

— Ой, извините, разрешите познакомиться: Ерануи Даниелян. Хотите, я помогу Вам? Пожалуйста, сюда...

И уладив это дело в комнате с молодым человеком с видом борца, мы вышли.

* * *

От барышни Ерануи веяло монашеским духом, что совершенно не соответствовало моему представлению о константинопольских армянках. В ней не было ничего светского. Она была учительницей, хорошо осведомлённой о политических событиях. Была погружена в национальную общественную работу. Первая новость, которую я узнал от неё, был побег погромщиков.

Да, Талаат, Энвер, Джемаль, Халим-паша, Бедри-бей и вообще все известные погромщики сбежали ещё в преддверии прекращения военных действий.

Хотя трудно было представить, чтоб эти преступники не скрывались, но эта новость меня глубоко разочаровала.

— Вы не знали?

— Нет...

— Раньше всех сбежал Талаат-паша.

— Неужели невозможно было добраться до этого чудовища до прекращения военных действий?

— О, если бы Вы знали, господин, сколько старался наш товарищ Мурад, но он погиб от руки чудовища.

— Вы сказали, Мурад?

— Да, Амбарцум Пояджян, один из столпов нашей партии, который был известен под псевдонимом «Мурад». Вы не слышали о гнчаке Мураде?

— Вы из партии «Гнчак»?

— Да, наверное, Вы думали, что я из «Дашнакцутюн»-а? Признайтесь, что я Вас разочаровала.

— Что Вы говорите, барышня! Какая разница?

— Да, для меня также разницы нет, и среди них у меня много друзей.

Комната у их соседки, старой гречанки, о которой говорила барышня, к счастью, была свободна. Закончив с этим делом, барышня повела меня к своей матери, которую очень взволновали переданные мной сведения о Левоне. И в то время, как мать расспрашивала меня о нём, дочка в соседней комнате возилась со стаканами, тарелками, ложками. Моментально на столе были выложены давно не виденные мной вещи: молоко, масло, кофе, сыр и др. Был пол-

день, когда барышня посадила меня, как арестованного, в дилижанс и препроводила в Пешикташ к родителям Левона. Здесь надо было рассказывать с определённой осторожностью, чтобы больной отец вдруг не умер от радости. В роскошной просторной квартире кроме родителей Левона никого не было. Сперва я представился как друг барышни, потом как депортированный и, наконец, как соратник Левона в районе Хойя и т.д. Старец-отец от волнения дрожал, мать десять раз задавала один и тот же вопрос. Какое великое счастье восстановить утерянное! Когда они успокоились, мать выразила недовольство тем, что я нанял комнату, так как я должен был идти прямо к ним. Конечно, заставили остаться на обед, и под вечер еле удалось освободиться, пообещав навестить их снова.

При возвращении барышня Ерануи остановилась на той же улице, гораздо ниже, и, указав на приземистый дом, сказала:

— Здесь живёт армянин — агент Талаата.

— Агент-армянин?..

— Да!

— Кто?

— Предатель Арутюн Мкртчян. Ценой крови лучших сынов народа нажил богатство, построил дом, теперь будет наслаждаться. По составленному им списку были арестованы и вырезаны армянские интеллигенты Константинополя.

Я опешил.

— Почему не мстите?

— Кто будет мстить?

— Вы знаете этого человека?

— Какой армянин в Константинополе не знает предателя Артина?

— Можете мне показать?..

Она остановилась и так посмотрела, словно впервые увидела меня. Потом, продолжая шагать, посмотрела на часы.

— О, как мы опоздали, мама сейчас беспокоится. Вон армянский клуб. Видите? Немного ниже можем сесть в дилижанс...

Во время длинного пути мою мысль занимал только новый монстр — предатель Арутюн. Может, необходимо мою миссию возмездия, которая давно стала целью моего существования, начать с него? Но насколько правильны слова барышни?..

— Ещё рано, мы теперь соседи, не желаете выпить кофе у нас? — сказала она, когда мы достигли Банкалти.

— Я причинил Вам достаточно беспокойства.

— Я вам или Вы мне? — с улыбкой сказала она.

Мать, как все армянские матери по отношению к гостю, упрекнула меня за то, что к обеду мы не пришли.

— Ничего, мама, мы теперь часто будем наслаждаться компанией господина. Не так ли? — обратилась она ко мне с улыбкой.

Не в первый раз судьба улыбалась мне встречей с хорошими людьми. Барышня взяла со своего аккуратного письменного стола альбом и подала мне. В него дашнакские, гнчакские и другие интеллигенты вписали свои посвящения, пожелания. Я понял, что и я должен что-то вписать. И действительно.

— Не хотите написать пару строк?

«Тростниковым пером воспел я Мечь, чтоб пламя изошло из тростника», написал я там.

— А-а, Варужан. Спасибо. Очень люблю его титанические поэмы. Каких людей потеряли мы, — добавила она с горечью.

— Убит?

— Да, он тоже был в списке, составленном предателем Артином.

— А Сиаманто?

— Он тоже.

— Зардарян?

— Он тоже, он тоже, все...

Она промокательной бумагой осторожно осушила мою надпись и, снова пробежав её глазами, сказала:

— Рассказывают, что в последний час Варужан сказал товарищам: «Прощайте, если останетесь живы, позаботьтесь о наших сиротах. У меня родился ещё один сын, пусть назовут Варужаном...»

— Где его убили?

— По дороге из Зангре в Энкюр, под склоном Тюно, где начинается нагорье Галайчка. Говорят, что из этой группы интеллигентов пытался сопротивляться только Варужан и в качестве наказания преступники, после того как ножом вспороли ему живот, выкололи также глаза поэта-патриота...

* * *

В эти дни в Константинополе никого не занимала проблема, связанная с предателем Арутюном, с Талаатом или с другими сбежавшими преступниками. Настроения были другие. Девизом дня

были армяне и Армения. Заговоры, симпатии и антипатии были забыты. Имелось стремление из оставшихся осколков собрать единое национальное целое. Массы, отбросив узкопартийные интересы и обиды, с особым трепетом и надеждой обратили свои взоры в сторону «Араратской Армении». Там вставала утренняя заря, и оттуда на мрачные армянские горизонты мог распространиться свет и возродиться нация.

Эти настроения особенно распространились в январе 1919-го, когда из Армении в Константинополь прибыла армянская делегация во главе с А. Агароняном. Делегация разместилась в гостинице Токатляна, в Бере, где ночью и днём сновали разного рода националисты и воодушевлялись вестями из Армении. Мне тоже удалось послушать А. Агароняна, когда он выступил в армянском клубе Бера и своим роскошным и выхоленным слогом рассказал, под аплодисменты многочисленной толпы, какими высочайшими усилиями армянский воин изгнал из страны врага и в каких тяжёлых муках «родился Младенец-Армения». Для этих времён подобное действительно было чудом. И образная речь талантливого оратора волновала и воодушевляла присутствующих. Немного погодя, когда он отправлялся в Париж, на берегу Галатеи собралось бесчисленное множество народу, чтобы пожелать доброго пути. На глазах изумлённых турок окрестности гремели от криков «Да здравствует!».

Ещё большее воодушевление создано в конце февраля, когда английский военный корабль «Цезарь» высадил на берег Галатеи Патриарха Завена, который возвращался из ссылки. Контуры государственности только ощущались, и традиционная духовная власть ещё была всем. Патриарх возвратился живой и здоровый, это означало, что нация жива и будет жить. Всколыхнулось всё многотысячное армянство Константинополя. Массы народа столпились между берегом и Оттоманским банком. Возвращение старца-патриарха символизировало возврат всех депортированных...

Армяно-турецкие отношения были неплохими. Большинство армян Константинополя не имели много причин жаловаться на турок. А политические условия принуждали последних приспособиться. Ещё в июле прошлого года вместо умершего султана Решада на трон сел князь Вахидеддин под именем Мохамеда VI, который считался поклонником английской политики и армянофилом. Уважаемые армяне свидетельствовали, что наследник престола

просвещённый искусствовед князь Абу-эль-Меджит сказал одному влиятельному армянину, что «наш нынешний султан чрезвычайно добр и отомстит за армян». Но кому и как, не сказал. Турецкая газета «Игдам» писала, что «все высланные армяне должны вернуться». Те же уважаемые люди обратились к армянофилу-наследнику армянофила-султана в связи с этим. Он сказал: «Да, обязательно, все депортированные армяне, где бы они ни были, должны быть возвращены».

А если не будут?.. В то время армянский народ был по-детски наивен, как и «Дитя-Армения».

Отношения прошедших через ужасные бедствия народов с общей судьбой — армян и греков — приняли характер тесного братства. В эти дни руководство греческого патриаршества в большой церкви Айа-Триада Бера Таксимы совершило пышную службу и панихиду в память павших жертвой армян и были произнесены волнительные надгробные речи и проповеди.

В свою очередь, армяне в церкви Святой Троицы совершили более пышную панихиду и службу в память павших жертвой греков с присутствием митрополитов и других клириков греческого патриаршества и спели различные шараканы и молитвы.

Естественно, совершались и полезные для нации дела. Патриаршеству удалось создать с участием религиозных руководителей католиков и протестантов общенациональный орган, который должен был заботиться о сиротах, нуждах беженцев и покровительствовать армянскому Красному Кресту. Были задействованы и общественные силы, особенно старательную работу проводил армянский Красный Крест, который имел больницы в Шишли, Банкалти, Пешикташе. В плане заботы о сиротах были организованы пункты питания в разных кварталах и сиротские дома, которые были созданы на лучшей основе, чем на Кавказе. Союз армянских врачей открыл ускоренные курсы сиделок, на которые записывались сотни людей. День за днём восстанавливались старые литературные клубы, создавались новые союзы, товарищества, как, например, Союз помощи Армении, Комиссия содействия, Дом работы, Союз женщин и т.д. Снова ставились театральные постановки. Организовывались торжества, вечера для содействия Армении. Тем же целям служили многочисленные чаепития, обеды в честь генералов союзников или иностранных корреспондентов, которые были армянофилами или проникались этим чувством в процессе щедрых угощений.

Константинопольцам политическая ситуация также казалась выгодной. 20 марта по предложению Вильсона Версальский Конгресс решил послать на Ближний Восток состоящую из представителей Америки, Франции, Англии и Италии комиссию, чтобы рассмотреть положение и нужды народов территорий, отторгаемых от Османской империи. Армянские национальные политические круги старались заинтересовать армянским вопросом Соединённые Штаты Америки, представители которых в Конгрессе, и особенно сам Вильсон (который, как говорили, очень близко к сердцу принимал армян и интересовался вопросом опеки над Арменией), проявляли намерение взять на себя заботу об Армении.

С надеждой, ожиданиями, проходя сквозь кровь и огонь, остатки армянского народа везде проявляли мощнейшую жизнеспособность и как нация — невиданное стремление к жизни. В мотивациях больших наций по отношению к себе этому народу виделось только доброе, а когда он понял свои ошибки, было уже поздно. Теперь его остатки хватались за всё, что давало возможность жить. Наблюдалось только одно упущение — нейтрализация революционных настроений. Полученный антиреволюционный и антигуманный удар был очень силён, и позиции бывших революционных деятелей, уничтоженных в массовом порядке, остались незаполненными...

Я уже имел друзей, товарищей, которые в один голос свидетельствовали о неблаговидной деятельности предателя Арутюна Мкртчяна. Это он докладывал Талаату о происходящем в Патриаршестве в преддверии массового переселения. Это он и известный армашевский расстрига-игумен Амазасп контролировали делегацию Армении год назад при правительстве Талаата. Это он составил список для депортации и уничтожения армянских революционеров и интеллигентов. Это он изо всех сил до последнего преследовал представителей армянских общественных деятелей Константинополя. Уже было установлено, что составленный предателем и переданный Талаату через начальника полиции Бедри чёрный список состоял из двухсот пятидесяти человек, из которых спаслись едва десять. Большинство из спасшихся были те, которых этот изгой включил в чёрный список по беспечному недоразумению. Так, например, вместо Минаса Череза он предал его брата, юриста Гаспара Череза, которому удалось доказать совершённую ошибку и спастись; не зная, кто дашнак Мкртыч Ованнисян, одновремен-

но предал двоих с одними и теми же данными, один из которых спасся; помимо известного революционера Айка Тирякяна предал ещё одного «Айка», которому удалось избежать смерти только благодаря утверждению Айка Терякяна, что настоящий Айка — это он; Левона Шамтаджяна он перепутал с Микаэлом Шамтаджяном, которому удалось возвратиться из ссылки, и т.д.

Уже две недели, как я внимательно следил за этим чудовищем. Каждый день по несколько часов в разное время я бывал в Пешикташе. Но предатель понимал, что времена изменились, и не выходил из дома. До него можно было добраться только в его квартире, но входная дверь всегда была закрыта.

От этого значительного в своё время квартала остались сгоревшие стены дворца Чрагана. Предатель обосновался в этой части квартала. Напротив приземистого дома находился винный погреб, принадлежащий армянину. Оттуда вверх и вниз по улице расположились продуктовые магазины. Лишне было искать там квартиру, которая была очень нужна, чтобы следить за предателем. На задней стороне квартала были: специализированные рынки — мучной, разноцветной восточной обуви, ковров; магазины, хозяева которых с полужакрытыми глазами медленно перебирали чётки в ожидании покупателей. В верхней части вразброс стояли дома армян. Здесь проживали родители константинопольского Левона. В нижней части находился ряд кофеен, где в зелёных, белых платках с белыми, как снег, бородами, с величавыми лицами, сидя на корточках под стенами, на порогах, в тени кофеен, старики лениво посасывали наргиле, изредка приближая к губам кофейные чашечки размером с напёрсток.

В конце марта я попытался сблизиться с хозяином винного погреба, но тот, узнав, что я из переселенцев, неприветливо принял меня. Как раз в этот день на пороге дома предателя появился юноша, который направился прямо в погреб и, купив бутылку вина «Мардел», возвратился домой. Вечером об этом я сообщил барышне Ерануи, которая была единственной моей помощницей в этом деле. Через знакомых она установила связь с родственниками предателя и добыла его фотографию. Юноша был единственным сыном предателя.

Следующий день был воскресный. В церкви Святой Троицы Бера состоялась траурная церемония в память жертв из числа армянской интеллигенции. Присутствовало множество мужчин

и женщин, комитасовский хор исполнял четырёхголосую обедню. Многие из присутствующих потеряли близких. После обедни Патриарх Завен выступил с проповедью на тему: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плодов». Все жертвы должны были взойти, как пшеничные зёрна, и дать множество плодов...

Вечером Молодёжный союз Банкалти в просторном зале Красного Креста организовал гражданскую траурную церемонию. Когда я подошёл, уже все места были заняты множеством мужчин и женщин. Я остался стоять под стеной с группой, собравшейся в одном из углов.

Торжественную церемонию открыл редактор «Гаврош»-а Е. Толаян, который был одним из переживших депортацию. Он в нескольких словах обрисовал ценность и значение для нации павших жертвой интеллигентов, обратил внимание молодёжи на образовавшуюся пустоту в области литературы, общественной и революционной деятельности, призывая их как можно скорее занять опустевшие места вместо уничтоженных представителей интеллигенции.

Из переживших резню интеллигентов доктор Мелкон Гюлистанян вспомнил арест свой и товарищей в ночь той зловещей субботы, когда всех известных деятелей константинопольских армян — членов собрания, депутатов, революционеров, редакторов, учителей, врачей, банкиров, аптекарей, торговцев и др., наскоро одетых, полусонных, в домашних тапочках, без головных уборов одних за другими препроводили в тюрьму.

— Вновь прибывающие приходили с весёлой и снисходительной улыбкой, — говорил он, — но когда видели вокруг себя сотни известных старых и новых деятелей грустными и обеспокоенными, они также погружались в тяжёлые раздумья...

Светает. Каждый внутренне надеется на помощь извне. Ожидает, что «недоразумение» скоро прояснится. С ближнего минарета слышится зов муэдзина «Аллах акбар». Но в центральной тюрьме «Мехтерхане» мало-помалу сгущаются сумерки и снова воцаряется тьма. Снаружи слышно только эхо канонады английских военных кораблей...

Затем начинается третье действие трагедии: проверка чёрных списков, обыск, распределение на группы не более двадцати человек и... — наружу. Здесь же присутствует главный директор полиции

Бедри на своём собственном автомобиле. Группы проходят по проспекту Айя-София в сторону побережья, в направлении Сиркеджи. Рыдания. И Сарай-Барну, роша Гюльханек. Бурное море, исполинские волны. Группы по одной доходят туда. Это божья милость — увидеться снова. И пароход № 67 Шикрети. Двести двадцать человек — соль армянской нации, и столько же полицейских, солдат. И вот — Мармара (*Мраморное море*. — переводчик). Волнующие воспоминания. Тревога смерти. Гайдар-паша. Поезд с потушенными огнями. Затем — станция Сенчанкю. Кошмар. Начальник центральной тюрьмы зачитывает список первой группы жертв. Тихий плач. Упомянутые обнимаются, целуются, спускаются вниз. Семьдесят пять человек — в сторону Аяга: Акнуни, Хажак, Зардарян, Тагаворян, Варужан, Ачыгпашян, Закарян, Левон Ларенц, Чавушян, Томачалян...

И оратор монотонно читает имена семидесяти пяти человек. Одна женщина громко рыдает. В зале слышится шёпот: «Кто это?», — «Сестра», — «Чья?». Оратор невозмутимо продолжает.

Рассвет. От Галайчка в сторогу Чакр... Какая-то большая казарма, окна которой заколочены. Новый список из пятидесяти шести человек. Имена мне не знакомы. «А что случилось с пустой большой казармой с заколоченными окнами?» — думаю я, больше не в силах уследить за речью оратора. «Пила тереттуют вэ мехрамет, пир аёрыгтан тогсан яшына гатар итлафы», — по-турецки читает приказ Талаата...

Понимаю: «Беспощадно и без жалости (всех) от одного месяца до девяносто лет уничтожить»...

Было много народу. Воздух тяжёлый. Голова моя кружилась, я задыхался. Я с трудом понимаю оратора. Слова смешивались в голове: «Чекал-Хален»... «Черкез Мехмед», «Вардкес, Зограп»... Напрягаю всё своё внимание.

— Вардкес, я не дам тебе приказа ехать в Болгарию, знаю, хочешь спасти свою голову, но выхода нет. Как мы, так и ты...

— Кто это сказал? — спрашиваю у соседа.

— Талаат Вардкесу...

— Зограп, чувствуя, что его ведут на смерть, обращается к хозяину дома Махмуду Нетими.

— Нас ведут убивать, умоляю, вмешайтесь, — монотонно продолжает рассказывать оратор...

И снова рыдание нарушает могильную тишину зала.

— Итак, значит, под конвоем конных жандармов Зограб и Вардкес в одном экипаже, — монотонно продолжает оратор...

И снова ничего не могу понять... Снова тот же человек «Черкез Мехмед»... Какой-то Халил... Тигранакерт... Гаракеопрю...

На моей голове словно надет свинцовый шлем, который сжимает её. Кошмар, а не траурная церемония... Вдруг голова закружилась, я почувствовал запах тёплой крови, ужас охватил меня, я чуть не упал. Собрал все силы, еле доплёлся до двери и, шатаясь, вышел...

На улице было хорошо, небо чистое. Я подумывал пойти в Пешикташ к родителям Левона, попросить разрешения некоторое время пожить у них, чтобы быть поближе к квартире предателя, иначе на большом расстоянии ничего не получится. Быть может, Левон уже возвратился, и в этом случае моё дело облегчится. Ему я могу сообщить о моих намерениях.

Пройдя мимо военной школы, я вышел на проспект Ншантаг, с высоты которого под светом фонарей сверкали воды Босфора. Не дойдя до замка (*кеошк*) Охламура, издали вижу беломраморную мечеть Гамидие, возле которой под бликами звёзд сверкает торчащий островерхий купол минарета. Здесь 14 лет назад должен был погибнуть духовный отец Талаата Гамид, но экипаж взорвался под самым носом «Великого человекоубийцы». Кто мог представить, что эта земля могла родить ещё больших человекоубийц, чем он. Немного ниже, расположившись на высоте, дремал под чёрными тенями деревьев «Елтызи кеошк»...

Дойдя до дома предателя Арутюна, я остановился как вкопанный. Горела лампа. Занавески выходящих на улицу окон не были задёрнуты. В зале, вокруг покрытого белоснежной скатертью большого стола, крутилась женщина. Она расставляла на столе тарелки, ложки, вилки. Вдруг женщина посмотрела в сторону улицы. Я сразу пошёл наверх, перешёл на другую сторону улицы и, вернувшись назад, зашёл в винный погреб напротив дома. Хозяин, который сидел за круглым столом с двумя ровесниками, вопросительно посмотрел на меня.

— Бутылку пива...

— Если бы не Погос Нубар Паша, кто знает, как решился бы вопрос, — сказал сидевший под стеной один из пожилых армян, закрывая лежащую перед ним записную книжку. Затем, подняв с носа на лоб очки, посмотрел на меня.

— Слава Богу! Семь вилайетов — это большая территория, — сказал другой, наливая водки в стакан.

— И Киликия входит туда? — спросил хозяин погребца.

— Э, брат, что ты за человек! Тебе говорят, семь вилайетов: провинции Мараша, Когана, Джебел-Берета, Адана вместе с портом Александрии дают нам, а ты снова говоришь «Киликия».

— Ну, а где эти провинции? — яростно взорвался очкастый, словно почувствовав глубокую личную обиду.

— Ну, и я говорю, Гамитос-ага, — с невинным видом сказал хозяин погребца и закашлял, словно прочищая горло.

— Но ведь страна без жителей — всё равно, что неорошаемый сад. Кто пойдёт туда жить? — сказал второй, закуривая.

— Ну, брат, сперва землю заполучим, потом легче будет. Человек сперва думает о доме или об извести?

По знаку хозяина погребка все сразу замолкли. Вошёл юноша, которого я, кажется, видел раньше.

— Пять бутылок «Мардел»...

Заплатил, взял бутылки и вышел.

— Кто это был? — спросил очкастый.

— Собачий сын.

Вдруг я вспомнил, что этот юноша — сын предателя.

— Что это вдруг? Пять бутылок «Мардел», — шёпотом спросил второй мужчина.

— У него гости...

Смушение охватило меня. Ведь я мог втиснуться в квартиру вместе с юношей.

— Эх-х, не нашлось никого, чтобы убить его, как собаку, отомстить за нацию, — со стоном выдохнул очкастый...

— Не время, Гаметос-ага, нация сама кого-нибудь найдёт, — сказал другой.

— «Не время». А если он сбежит, как армашец...

— Куда бы ни пошёл, конец Иуды один.

Вдруг меня словно подбросило пружиной, но пока я заплатил, добежал, было поздно. Входная дверь была закрыта. В отчаянии подбежал к окну. И что я увидел! Вокруг стола сидело более десяти человек мужчин и женщин. Во главе стола, прямо напротив окна восседал предатель и со стаканом в руке ораторствовал. Меня охватила отчаянная ярость. Вытащу пистолет и поражу прямо через окно!.. Дерзкая, тщеславная, самодовольная осанка, немного наклонная

поза, сверкающие удовлетворением маленькие глазки, широкий рот с прыгающими тонкими губами — всё это бросало меня в дрожь.

— Вытащить?..

— Вытащи!..

— Прямо через окно?..

— Прямо! Прямо!..

Моя сущность бушевала.

— В голову?..

— В сердце...

Вдруг с грохотом и звоном посыпались стёкла. Предатель со смертельным ужасом отпрянул и согнулся, сидя на месте...

Рано утром я узнал из газет, что предатель только ранен. Всё разрушилось. Надо было направить пулю в голову. Осознание собственного бессилия было смертельно тяжёлым.

Немного спустя у меня появилась барышня Ерануи, бледнее обычного, смущённая, но улыбающаяся. Она пожала мне руку.

— Поздравляю, брат мой. Какое совпадение. Как великолепно...

И ошеломлённо посмотрела на меня.

— Вы больны?

— Издеваются надо мной?..

— Что Вы говорите? Почему я должна издеваться?

— Не знаете, что предатель остался живым?

— О, не беспокойтесь, я уже навестила больницу, где он лежит.

Наш товарищ, врач-грек, сказал, что его часы сочтены...

На следующий день предатель скончался.

Глава 6

В Америку

Смерть предателя привела армян Константинополя во всеобщее ликование. В партийных кругах был поднят вопрос последовательности по отношению к большим человекоубийцам и в связи с этим — необходимости войти в контакт с партийными органами и товарищами в России, Закавказье, Берлине, Женеве. Но этот порыв продлился недолго, и снова более весомую ценность приобрели политические вопросы.

Из Еревана для поездки в Париж только что прибыл член делегации Армении Пападжанян. В Ереване уже считали Западную Армению «присоединённой» к Восточной Армении. Там готовились с большой торжественностью отметить первую годовщину «Объединённой Независимой Армении». Такими же праздничными настроениями были охвачены товарищи в Константинополе. 28 марта в большом зале греческого Силлокоса перед многочисленной толпой об этом говорил господин Пападжанян, вызвав большое воодушевление у присутствующих.

Близким казалось также увенчание дипломатических усилий. Ещё в январе Мирный Конгресс решил освободить Армению и назначить наблюдателя, согласно 22-му пункту Соглашения Лиги Наций, который касался международных мандатов. Начиная с февраля делегация Армении была в Париже и сотрудничала с Национальной делегацией. И сейчас в Константинополе злободневным вопросом был представленный Конгрессу со стороны обеих делегаций «Меморандум» наших чаяний.

Кроме требований семи вилайетов и Киликии мы выдвигали требования возмещения от Турции за совершённые насильственные переселения, резню, конфискации и другие лишения, перенесённые армянским народом. Армянское национальное и частное имущество в Турции должно было быть передано армянским духовным властям Константинополя и использовано для общественных нужд. Государство, осуществляющее контроль, обязывалось принудить занимающие армянские территории турецкие, татарские и иные власти очистить эти земли, разоружить всё население, выселить и наказать всех тех, кто участвовал в резне, насилии и грабеже, удалить все элементы, нарушающие общественное спокойствие, поселившихся в Армении в период правления Абдул

Гамида и младотурков мусульман и, наконец, как в Армении, так и за её пределами принять меры по возвращению в лоно Армянской церкви насильственно исламизированных женщин, девушек и детей, освободить армянских женщин из гаремов. Кроме всего этого, Турция должна была выплатить армянам возмещение за насильственный захват в период войны имущества, равно как и оставшиеся на турецкой территории ценности, а также возвратить похищенные у армян церкви, школы, монастыри со всеми их учреждениями и землями...

Этот меморандум был свидетельством измерения политической зрелости армян. В этом плане турки были более умеренными и практичными. В Константинополе не было секретом, что национальное движение Анатолии было направлено против победивших государств, а также одновременно против армян и греков. Все знали, что герой проливов Мустафа Кемаль, который был направлен правительством Константинополя в Анатолию якобы для умирения движения, возглавил восстание. Турки стремились освободить западную часть полуострова Малой Азии вместе с Измиром, Бруса и Константинополем от завоеваний греков, освободить Константинополь и проливы от войск союзников, получить узкую полосу земли в европейской Турции, чтобы обеспечить безопасность Константинополя. Затем — навсегда получить свободу, игнорировать интересы и требования национальных меньшинств и создать новую «Турцию для турок». Междуречье, Сирия, Палестина, а также отдельные части европейской Турции, хоть и временно, считались утерянными.

Одновременно турецкие государственные деятели всячески старались ответственность за войну, выселения, резню, разрушения взвалить на трёх-четырёх руководителей младотурок и смягчить ожидаемое страну наказание. В конце мая через прессу было оповещено, что находившимся в бегах премьер-министру Талаату, военному министру Энверу, министру просвещения доктору Назыму и министру военно-морского флота Джемалю-паше предлагается в течение десяти дней явиться в Константинопольский военный трибунал. В противном случае они лишались всех гражданских прав и всё их имущество подлежало конфискации.

В те же дни турецкая пресса Константинополя освещала события недавнего прошлого, подвергая оценке причины постигшей страну трагедии. Каждый день появлялись новые разоблачения.

Вопрос участия в войне решал руководящий орган младотурков без одобрения аудитории. Реза Бей, один из руководителей партии, во время допроса утверждал, что намного раньше объявления войны на Кавказ направлялись вооружённые группы с целью создания волнений. Министр финансов Чавид-бей, министр строительства Махмуд-паша, министр почтово-телеграфного сообщения Воскан-бей Мартикян и министр торговли Сулейман-бей именно по этой причине подали в отставку. В мрачных тонах описывалось хищение государственной казны. Якобы на момент бегства только на руках у Талаата было десять тысяч звонких османских золотых. Крупные фальсификации осуществляло руководимое Исмаилом Хачк-пашой управление снабжения военного министерства. Только фальсификация так называемой «вагонной торговли» насчитывала миллионы.

Десятого июня турецкий военный трибунал Константинополя заочно приговорил к смертной казни Талаата-пашу, Энвера-пашу и Джемалю-пашу как главных погромщиков. За последовательное уничтожение целой нации, которое длилось годами, трём адресным смертным приговорам предстояло стереть с лица государства исторический порок...

Один из константинопольских товарищей сопровождал меня к Патриарху Завену, который пожелал встретиться со мной. От предательства А. Мкртчяна ощутимо пострадало Патриаршество. Огромная часть Национального собрания было сослана и вырезана.

Патриарх был самым несчастным человеком в мире, самым бедствующим пастырем в нашей истории, который остался без паствы. Архиепископ Завен Егияян уже с конца 1913 года многочисленными прошениями обращал внимание Высокой Порты на отдельные погромы, захваты земли, грабежи, имевшие место в районах Эрзурума, Вана, Битлиса.

В конце следующего года, когда события начали принимать массовый характер и имели место резня и грабежи в Богаз-Кясане, Белу, Пашгале, Харазане, Сатманисе, Аршаме, Хасан-Тамране, Таш-Оглу, Гара-Зорике и других армянских сёлах, новоизбранный Патриарх не жалел сил, чтобы предотвратить грядущую беду законным путём. Затем в глазах власти он был лишён всех достоинств. В Турции, по разрастанию военных действий, до марта-апреля 1915 года эту его роль исполняли члены Османского парламента Вардкес и Зограб в Константинополе, Врамян — в провинции. Но их вмешательство

завершилось их смертью, а Патриарх еле спасся от той же участи в Мосуле. Теперь, смотря на меня своими грустными, немного косыми глазами сквозь очки, он благословил меня и сказал:

— Да, сын мой, предатель Арутюн Мкртчян трижды превзошёл Васака...

Эта встреча для меня была важна тем, что я смог бы попросить благословение Патриарха на преследование Талаата. Я исчерпал все средства, и это было моей последней надеждой. Но в этот момент появились какие-то члены Национального Собрания, и мы были вынуждены удалиться.

Где бы ни был Талаат, было ясно, что его следы можно было найти в Константинополе с помощью его противников по партии. А для этого нужны были деньги, которых не было. Безрезультатными были все усилия барышни Ерануи, направленные на осуществление этих мер в рамках её партии. И теперь она, разочарованная, намеревалась уехать в Америку, куда её приглашали работать учительницей. Я не знал, что делать...

К концу лета влияние национального движения Анатолии на турок Константинополя стало чувствительным. Изо дня в день они становились высокомернее и претенциознее. Прежняя тактичность в армяно-турецких отношениях ослабевала.

Турецкая интеллигенция была разделена на две части, вернее, политические течения: «западники» и «восточники». Первые считали, что спасение Турции возможно только при соглашении с западными государствами. Без этого соглашения невозможно не только восстановить растерзанную страну, но и надеяться на упорядочение тяжёлого финансового положения. Только посредством соглашения можно было спасти Константинополь и проливы.

Восточники, наоборот, считали, что Запад для Турции всегда был злом и ожидать спасения с этой стороны безосновательно. Необходимо опереться на персидских, афганских, арабских, индийских, особенно — российских исламистов и воевать против западных сил в границах защиты национальных интересов.

Ряды последних быстро росли. Турецкая молодёжь, бывшие военные, деятели младотурков убегали из Константинополя и увеличивали ряды кемалистского движения, которое уже имели выверенную программу действий. Западниками теперь фактически были малочисленные сторонники «продажного» правительства Фавзи-паши и «пленника» султана.

Одновременно среди константинопольских армян замечался постепенный упадок политической активности, разочарование в «великих союзниках». Различные «союзные» генералы-«армянофилы», вступая в контакт в Константинополе с турками, без особых усилий становились также «туркофилами», что вносило двойственность в ранее непорочные армяно-европейские отношения. Были и такие в прошлом «армянофилы», которые теперь не чувствовали себя говорить об армянах: «Хрен редьки не слаше». На среднего горожанина очень действовала подобная обидная неожиданность. Для сведущих кругов, конечно, решающим было политическое положение, которое не могла считаться благоприятным.

С самого начала к неблагоприятному заключению пришла миссия генерала Харбита по опеке над Арменией: в Армении не было армян...

— Союзники были обязаны считаться с нашими могилами, — говорили люди со слезами на глазах. Да, но могилами нельзя было образовать государство!

Неутешительными были также доходившие из Еревана известия. Голод и болезни продолжали истреблять людей. Англия на Кавказе больше не желала опираться на армян. Выяснилось, что армяне больше русские, чем сами русские, и на армян теперь нельзя опираться, так как война велась против России. Большое возмущение вызвал образ действия англичан в вопросах Зангезура и Карабаха: они желали эти земли присоединить к Азербайджану вопреки бурному протесту местных жителей. Карс, Шарур-Нахичеван временно становились английскими губернаторствами, которые фактически устанавливали турецкое правление.

Окрылённые подобными действиями англичан турки старались подорвать изнутри вновь созданную Армению: Карс, Сурмалу, Шарур-Нахичеван и другие составляли местные «независимые» республики со своими правительствами, «советами» и вели борьбу против властей Армении. На земле Армении были «Республика Западного Кавказа» с «советом» в Карсе и «Республика Восточного Кавказа», или «Республика Аракса», куда входили Сурмалу, районы Занги и Веды, Милли, Шарур и Нахичеван с центром в Нахичеване. Каждая из этих «республик», в свою очередь, делилась на более мелкие провинциальные объединения со своими местными «советами». Эти республики содержали собственные армии, вооружённые турецкими пушками, пулемётами и ружьями под коман-

дованием турецких офицеров и сержантов (*чавушей*). В Карабахе, Зангезуре, Беюк-Веди, Давалу, Кохбе, Шаруре, Сурмалу, в районе Карса до Сарыкамыша шли кровавые бои.

В колониях диаспоры возникли разноречивые мнения, влияние которых чувствовалось также в Константинополе. Некоторые круги не желали примириться с тем, что созданная в данных условиях страна — это сама Армения. Кое-кто даже нервничал из-за того, что кавказские армяне присвоили название «Армения».

«Арагатская республика» была отдельным, русским вопросом, тогда как «армянский вопрос» относился к Турецкой Армении. В лучшем случае эта республика была страной части армян, но не Арменией...

В конце августа барышня Ерануи выехала в Париж, чтобы от туда отправиться в Америку. Она очень надеялась, что в Париже заинтересуются делом Талаата, обнадёживала меня и настаивала, чтобы я ждал.

Но прошёл месяц, и я никаких вестей от неё не получил. Эти дни ожидания я проводил, осматривая исторические, художественные памятники города. Никогда не смогу забыть того сказочного впечатления, которое я получил, наблюдая город с башни Галатеи в сентябрьские предвечерние сумерки. Город расположился амфитеатром со своими башнями, большими и малыми куполами мечетей и изящными минаретами. На севере, по обоим берегам Босфора расположились дремлющие среди деревьев палаты и дворцы. На востоке, на азиатском берегу, среди кипарисов раскинулся Скютар со своими розовоцветными строениями и многочисленными могилами. Вдали различаю Гатикейю — древний Калхедон. Казалось, каждый отдельный район плавал в воде, и во все стороны медленно двигались парусники, челны, большие и малые пароходы. Небо, в свете вечерней зари, словно горело огнём. Районы Кязим-паша, Дерсахане, Галатеи словно плавали в огне пожара. Вся Бера до Шишли была охвачена яркими медноцветными лучами. С другой стороны лучились верхушки минаретов, мечетей азиатской части города, оконные стёкла бесчисленных зданий создавали иллюзию плескающихся языков пламени, которым, казалось, был охвачен дремлющий в объятиях вечера Константинополь.

Побывал я и во всемирно известной Айя-Софии. Впечатление ошеломляющее. Не напрасно великий Юстиниан, впервые пре-

ступив порог нововыстроенного храма, воскликнул: «О Соломон, я превзошёл тебя!» Гигантское здание было разделено на бесчисленные разноцветные, аркообразные части, в центре возвышался купол мифической величины, который, казалось, висел на золотых цепях, подвешенных к небу. Я не мог понять, по каким законам веса и совокупности могла оставаться на высоте около шестидесяти метров эта огромная махина. Думаю, эти расчёты мог сделать только изобретательный архитектор Армении Трдат, который восстановил разрушенное здание, построенное ранее всемирно известными архитекторами Анфимием из Тралл и Исидором из Милета. Если верно, что византийское искусство представляет собой своеобразную смесь христианства, эллинизма и Востока, то величайшим воплощением этих элементов является Святая София. Добрый и смиренный Христос здесь ощущается величественным, победоносным, завоевательным. И хотя на изящных статуях здания, в узорах стен бережно залеплены внешние знаки его религии, а лица апостолов закрыты золотозвёздными росписями, блеск былого величия остался навеки. Лучшие камни всех древних капищ, все лучшие образцы мрамора находятся здесь. Кажется, что свет не приходит извне, а излучают они сами. Собранный из разноцветных мраморных плиток пол под моими ногами был похож на великолепный ковёр, а раскинутый впереди меня — на окаменелый сад, украшенный цветами. Как видно, не нужно было многое изменить, чтобы этот великолепный всемирный храм превратить в мечеть: следы христианства спрятали под штукатуркой, на куполе полумесяц занял место креста, к зданию присовокупили четыре минарета, первый из которых построил победитель Мухаммед, второй — султан Баязет, а два последних — султан Селим.

Результатом подобных поверхностных изменений является большая часть турецких памятников Константинополя, которые в своих строениях несут общие черты Айя-Софии. Такова, например, известная мечеть Гахри в районе Эпирен Габуи — древний храм архангела Гавриила; таковы мечеть Ходжа-Мустафа-паши в районе Ак-Сарай, мечеть Мехмед-паши в Ат-мейдане, мечеть Килисе в Веха-мейдане, мечеть Фенери-Фитие и др.

В конце октября я получил открытку от барышни Ерануи. Там было написано: «Пойте всегда».

«Промчатся дни, и вновь с весною розы расцветут,

О старом горе напомнит цветущий в саду розовый куст».

Подписалась: «Заверения в искренней сестринской любви, Е.Д.» Она пока была в Париже, адреса не было. Что означало это четверостишие ашуга Дживани? Я не понял...

Обстоятельства принуждали меня вернуться к действительности и считаться с буднями. Из полученных от моего брата ещё в Ерзнка золотых монет остались три штуки. Я не получил ожидаемую помощь из Сербии: война расстроила дела моего отца и брата, и они пребывали в почти бедственном положении. Болезненно сосредоточенный на идее найти Талаата, я не видел иного смысла в моём существовании. Пока этот монстр был жив, моя клятва не давала мне покоя. Ночами меня преследовали ужасные сны, главным действующим лицом которых была моя мать. Её я видел в своих снах почти всегда, в разных местах и в различном состоянии, и все её речи сходились к одному — «смерть Талаату». В одну из бурных ночей она постучала мне в окно. Я выглянул. Она указала мне на свою окровавленную шею. Я проснулся в кошмаре. Вскочил. Подошёл к окну. На дворе шел проливной дождь... Мои метания, холодная рассудительность были не в состоянии освободить меня от предубеждения, которое охватило меня.

В последние дни в Константинополе я думал, что в этом вопросе может помочь Патриарх Завен, который теперь находился в Париже. Испивший горькую чашу ужасов, этот духовнослужитель не мог не понять иссушающую мою душу боль, о которой я полностью мог сообщить ему без колебаний в процессе исповеди. В ноябре я выехал.

Вечерело. На островерхих минаретах появились муэдзины величиной с муравьёв, чтобы с высоты восславить Аллаха за прошедший день. Солнце спускалось в бездну океана и из своего убежища магической кистью изменяло вид неба, придавая разметавшимся облакам новые цвета и оттенки. Издали виднелись стоящие на якоре у берегов Мраморного моря (*Мармары*) пять-шесть союзных военных кораблей, которые сидели в воде, как сложившие крылья мифические лебеди. Их стальные клювы, серебристые мачты поблёскивали в лучах вечерней зари. Обогнув мыс Сарайбурну, пароход очутился в водах Мармары. Справа, сзади остался Макрикюр, Сан-Стефано, где дипломатия огласила свой первый вердикт о нашей жизни и смерти. Обойдя слева Принцезы острова, входим в Дарданеллы — исторический Элеспонтос.

В европейской части проходим мимо посёлка Гелипол, расположенный на полуострове, — древний Галиполис. Это был первый

город, который попал в руки турков ещё в 1357-м, примерно на столет раньше падения Константинополя. Каждая местность, каждое событие прошлого, казалось, всплывали, чтобы с неумолимой, жестокой остротой подтвердить исторический путь судьбы, выпавшей нам в этой стране. Не могла бы история иметь какое-то другое продолжение? И какова была бы наша судьба в таком случае?..

На азиатском берегу распростёрлись Чардак и Лампсак, последний из коих Ксеркс уступил Фемистоклу с условием, что его обеспечат годовым запасом вина. Что изменилось с веками в прихотях властителей, утвердившихся на крови и трупах?..

На европейском берегу появляется Гала-Овасуин — древний Эгос-Потамос, в котором за четыре столетия до нашего летоисчисления закончилась Пелопонесская война. Надо ли было, чтобы великие властители своего времени десятки лет продолжали проливать кровь, если в истории остались лишь их имена...

Ещё ниже пролив всё более сдвигается слева — Нагара хрванданом и справа — Ак-Баши Лиманом, которые являются древнейшими Абитосом и Сестосом. Здесь ширина пролива еле достигает восьми-девяти сотен шагов. Это здесь каждую ночь Леандр пересекал воды Геллеспонта от Абитоса к Сестосу, на берегу которого с факелом в руке ждала красавица Геро, чтобы осветить ему путь. Вот это действительно вечное...

Пролив снова открывается, расширяется. На скалах друг против друга чередуются местности Чапак-Кале, Килит-эль-Бахр, Сет-эль-Бахр, Гум-Кале, где только недавно высохла кровь. Темнело. Мы подходили к открытому морю. Много ниже от Еникёя среди теней дремала память о Троянской войне...

* * *

Париж ошеломил меня многочисленными впечатлениями: великолепные здания, площади, широкие и бесконечные проспекты, многочисленные прохожие, спешка, жизнь бьёт ключом, бесчисленные автомобили, которые собираются в одном месте, как вороны, и вдруг текут, как смола. Хотя я считал себя «повидавшим мир», но почувствовал, что Париж намного больше, чем я мог его себе представить. Особенно меня нервировала скорость жизни. Я был удивлён: куда так все спешат, словно везде пожар? От Гар д'Лест я шёл в указанном мне направлении, конца которому не было видно. От большого количества впечатлений болела голова.

Видимо, здесь играло роль и то, что в этот день я по материальным соображениям лишил себя обеда.

Уже стемнело, когда я с помощью расспросов наконец нашёл армянскую церковь и предводительство. Моё посещение было не ко времени. Я объяснил, что прибыл из Константинополя повидать Патриарха по особенно важному делу. Игумен Кипарян уступил моим настояниям. Патриарх меня вспомнил. Но его глубоко проникающий взгляд так меня смутил, что моя заранее заготовленная трогательная речь развалилась. Я едва смог ответами на распросы объяснить, что приехал в Париж с целью добыть средства для преследования Талаата и попросил его участия в этом деле. Одно мгновение он смотрел на меня сквозь очки с соболезнованием, как смотрят на душевнобольных. Затем, склонив голову, мягко сказал:

— В подобных делах я не могу принимать участия, сын мой.

Я встал.

— Нет, садитесь. Знаете? Я понимаю, чувствую kloкочущую в вас бурю, но ни моё положение, ни должность не позволяют мне вмешиваться в подобные дела. Но лично вам я могу помочь, пока вы устроитесь и найдёте работу.

Я почувствовал, что краснею.

— Я лично не нуждаюсь в содействии, ваша светлость, — сказал я и вышел.

На мгновение я остался стоять на улице. Что делать и куда идти? В последние дни я был настолько уверен в успехе моего прошения, что вдруг почувствовал себя в пустоте. Шёл мелкий дождь. В мглистой атмосфере фонари были похожи на спустившиеся звёзды, окружённые туманом. Я оказался на площади Этуаль. В этой стороне должна быть улица Буаси, где в то время находилось Армянское представительство. Ещё в январе, когда господин Агаронян был в Константинополе, я предпринял несколько попыток увидеть его лично и попросить его содействия в заботившем меня вопросе. Сейчас я с теми же намерениями переходил площадь Этуаль, когда вдруг множество автомобилей направилось в мою сторону. Площадь была очень большой, и не было возможности убежать ни вперёд, ни назад. Я был похож на стоящий труп, вокруг которого кишели мухи. В пяди от меня мчались автомобили. При любом моём лёгком движении меня могли задавить. Один полицейский вытащил меня из этого лабиринта и показал направление улицы Буаси. Вот он, Hotel Vouillemont, где находится представительство. Тихим и немым был

армянский политический центр, тогда как я думал, что это кузница мысли, где борется и куётся наша судьба. Агароняна не было. Мужчина лет пятидесяти с рассеянным взглядом подошёл ко мне.

— В связи с чем хотите видеть господина Агароняна?

— Дело было...

Наверное, не услышал или не понял.

— Он очень занят, вряд ли может быть вам полезен, трудно найти работу, будет лучше, если обратитесь в Красный Крест или в комиссию миграционного органа.

Сочтя лишним продолжать, я повернулся, чтобы уйти.

— Подождите. Вы откуда родом?

— Из Ерзнка.

На треугольном лице проявилось неприятие.

— Мне показалось, что вы атабазарский или из тех мест.

— Нет, я ерзкаец, из деревни Багаридж.

— Владеете ремеслом?

— Нет...

— Хотите научиться сапожному ремеслу? У меня есть друг — атабазарец, можете у него найти работу... У вас есть деньги?

— Да...

— Скажите честно, я могу вам помочь.

— Нет, спасибо...

Я машинально взял визитку, на которой были пара строк и адрес. На одной из глухих улиц нашёл второстепенную гостиницу. На четвёртом этаже маленькая конура за 12 франков. Недорого. У меня были деньги, чтобы прожить пару дней. Я был очень уставшим, разделся и лёг в постель. Хотя я давно был в разлуке с родными, только теперь почувствовал, что значит чужбина. Проанализировав своё положение, я пришёл к выводу, что мне ничего не остаётся, кроме сапожничества. Всё было настолько мрачно, что это дело казалось мне спасением. Но кем был этот человек и куда делась визитка? Меня охватило беспокойство. Я поднялся и поискал в карманах. Визитка была там, на ней было написано: «Акоб Кочарян».

Мастерская атабазарца находилась в районе Бельвиля. Утром, когда я представился ему, он был рассержен и упрекал рабочих:

— Если бы не было меня, вы все трое от голода померли бы, — кричал он.

Торчащие, как беличий хвост, чёрные усы, широкий рот, хриплый голос не обещали ничего хорошего. Но когда он посмотрел

на меня, я увидел, что глаза у него добрые: круглые, ясные, как у ягнёнка, красивые глаза.

— Откуда идёшь? — сказал он, прочитав визитку.

— Из Константинополя.

— До этого?

— Из России.

— До того, до того?

— С Кавказа.

— Ах ты, божий человек! Откуда родом?

— Из Ерзнка.

— Да, теперь понятно. Садись там и смотри, что эти делают. Если бы не было меня, вы все четверо подошли бы от голода...

* * *

Наблюдая состояние попавших со всех концов в Париж рабочих-изгнанников, я пришёл к выводу, что моё положение могло быть хуже. Я был спасён — мог своей работой обеспечить себе проживание. Хоть атабазарец не упускал случая напомнить, что своим существованием мы обязаны ему, он был добрым человеком. Проявленная им на работе сердитость длилась всего одну секунду, иногда — немного дольше, когда вопрос касался его достоинства мастера. Вообще он любил показать власть больше, чем следовало. Это не стесняло меня так, как других. Я был рабочим-сапожником и так вёл себя по отношению к моему мастеру. С 7 часов утра до 6 часов вечера я был на работе с часовым перерывом в полдень. Сначала было довольно тяжело, так как работа была мне незнакома. Но я потихоньку наловчился, и моё положение постепенно стало сносным. Теперь я всячески старался забыть внушённую самому себе миссию. Было ясно, что найти Талаата было делом нелёгким. Необходимы организация, средства, товарищи. Это невозможно было исполнить с посредничеством игуменов и руководителей нации. Ремесло меня занимало, тем более что я ощущал прогресс в своей работе. Я уже работал с материалом, мог шить обувь. По утрам я просыпался бодрым, энергичным, с желанием сразу же взяться за работу. Но проходили один-два часа, и я чувствовал, что смог бы с радостью отказаться от этой работы. Я думал, что необходимо быстро завершить работу, чтобы иметь свободное время для осмысления всего. Однако снова передо мной вставало угрюмое прошлое, и этого было достаточно, чтобы я считал бессельным своё существование.

Иногда мне удавалось несколько дней об этом совсем не думать. Но достаточно было побывать в столовой, где после работы собирались рабочие-изгнанники, послушать историю кого-либо из них о ещё свежих событиях, как снова передо мной вставало надутое, самодовольное лицо Талаата, который словно насмехался надо мной. В такое время я начинал представлять различные способы его убийства: пронзить шампуром, ударить, растерзать, поразить кинжалом, выщедить кровь, разорвать в клочья, посадить на кол, расчленив, сжечь. Но в результате раздумий я становился сам себе противным. В подобном случае я находил, что есть один выход освободиться от этих ужасных дум: хорошо работать, заработать много денег, возвратиться на Кавказ и жить своей личной частной жизнью. Но это было абсолютным самообманом. Заработанных денег еле хватало на необходимые нужды, хотя я очень хорошо знал, что и без того я не могу возвратиться. Я старался поменьше бывать в столовой, ничего не слышать о резне, сторониться встреч, но, оставаясь один, я сам заново вспоминал всё, и ничего не менялось...

Парижский комитет Армянского революционного союза («*Дашнакцутюн*») был занят торжественными приемами и политическими играми. К концу года доходившие из Еревана вести создали такое воодушевление, как в летние месяцы в Константинополе. На территории Армении с большим количеством турок были подавлены возникшие движения и везде установлено армянское правление. В январе 1920-го Верховный Совет признал армянское государство (de facto, как факт). Хотя признание не предопределяет границы государства, но это было вопросом дней. Немного позже мы узнали, что представитель Венизелоса, председатель понтийской делегации митрополит Хрисанф в Ереване заключил с правительством Армении договор, согласно которому всё пространство между Понтийскими горами и Чёрным морем, от Ризы до Синопа, с почти одним миллионом двумястами двадцатью тысячами жителями — греками и мусульманами — присоединяется к Армении как её союзническая часть. С этой дипломатической победой перед нами открывалась блестящая перспектива: во всей Малой Азии мы из ничего вдруг превращались в господствующую нацию...

В апреле союзные государства завершили свою работу в Сан-Ремо. Уже было известно, что Турция должна отказаться от вилайетов Эрзурума, Вана, Битлиса и Трапезунда в пользу Армении за исключением некоторых районов. Греции передавалась большая

часть западного побережья Эгейского моря с городом Измир, а также Тракия с её центром — Адрианополисом. На европейском континенте у Турции оставался только Константинополь с незначительной полоской земли на берегах Босфора и Мармары, но и здесь были ограничения. Из населённых арабами стран образовалась Великая Аравия. Сирия, Междуречье, Палестина были безвозвратно оторваны от Турции. Наконец, отделялся Курдистан для передачи под опеку какого-либо государства. В эти дни раздачи территориальных подарков были неудачными только для председателя ассирийской делегации Ага-Петроса: им ничего не досталось...

Фактически Турцию разрывали в клочья, в области внутренней экономики она попадала под давление международных комиссий. Пролиты, пошрины, всю прибыль, привилегии должны были осуществлять европейские комиссии. Греки уже овладели Измиром и очень быстро продвигались, чтобы днём раньше овладеть переданными им землями.

А мы? Было удивительно... Говорили, что Погос Нубар паша яростно протестовал против намерений ереванского правительства овладеть Эрзурумом, считая это «захватничеством». Он не признавал власти этого правительства как власти «истинной» Армении. Бесконечные переговоры двух делегаций и ходатайство сердобольных армян проходили безрезультатно. Паша был упрям...

Несмотря на всё это, воодушевление парижских армян в августе достигло своего пика. Многочисленные дипломатические усилия армян увенчались успехом. Делегация Армении подписала Севрский договор. Наша родина была свободна. Границы земли определены. Будущее — блестящее...

* * *

Был сентябрь. Снова темнели горизонты Армении. Обострился вопрос Карабаха—Зангезура, с трудом усмирившийся район Карса был беспокоен. Кемалистские турки усилились, предполагалось столкновение с ними. Я готовился возвратиться на Кавказ, как однажды вечером хозяин столовой Товмас-ага сказал:

— Утром тебя искала хорошенькая девушка, барышня Даниелян.

Было удивительно, так как в Париже у меня не было знакомых женщин. Вдруг я вспомнил Ерануи, но ведь она давно должна быть в Америке...

На следующий вечер по завершении работы я побежал в столовую. Сидя за угловым столиком, меня ожидала маленькая девушка, похожая на Ерануи. Это была её сестра.

— Наконец вы нашлись, — сказала она, улыбаясь мне, как старому знакомому, — сестра мне рассказывала о вас. Она писала вам в Константинополь, но мама сообщила, что вы отбыли в Париж, и она обратилась ко мне, — сказала она, вынимая из сумочки письмо.

Барышня Ерануи настаивала на моём скорейшем отъезде в Америку по известному мне делу. Я не верил своим глазам, еле овладел своим волнением. Но почему в Америку? Неужели монстр там? В письме больше ничего не говорилось.

— Что это за дело, если не секрет? — сказала она, прищуривая красивые глаза.

— Честно говоря, я тоже не могу понять, в Константинополе я много говорил с барышней Ерануи о моей мечте продолжить учёбу. Видимо, теперь через моих товарищей удалось дать этому ход.

Шаловливым движением пальчика она опровергла мои слова.

— Когда отбываете?

— Вряд ли я смогу выехать, барышня. Ведь для этого нужна порядочная сумма.

— Ой, извините, я забыла сказать, что для вас в представительстве есть письмо у господина Ханымяна. Он тоже искал вас, хотел дать письмо, но затем взял обратно, попросив, чтобы я вам сообщила. Письмо из Бостона, может, там...

Барышня могла говорить долго, но я, извинившись, поспешил в представительство, пока было не поздно.

Писал Амо Барагамян. Откуда — куда! От радости я обезумел. Писал, чтобы я немедленно отбыл в Бостон. Деньги на дорогу я должен получить у Ханымяна, которому об этом одновременно написал Гарегин Бастырмачян (Армен Гаро)...

Раньше времени облысевший, с женственным лицом и очаровательной улыбкой Ханымян у меня ничего не спросил, только пожелал узнать, когда я могу отбыть.

— Хоть завтра.

В течение трёх дней он уладил визовые проблемы, и в первых числах октября я отбыл. Теперь мне всё стало ясно: дело сконцентрировано в их руках, в Америке. Несомненно, Барагамян узнал обо мне от барышни Ерануи. Я был полон признательности к этой идейной девушке. Я вспомнил написанное ею четверостишие:

«Промчатся дни, и вновь с весною розы расцветут...» Значит, она была уверена в успехе предприятия...

Хоть и была зима, но я был охвачен настроением «весеннего цветения роз». Я впервые видел океан. При моих предыдущих морских путешествиях всегда на горизонте присутствовала линия, за которой начинается земля. Теперь, когда земля совершенно исчезла, моё высокое настроение начало падать и меня охватила необъяснимая тоска, словно я совершенно расстался с миром и попал в неизвестность. Океан был спокоен, но после двух дней спокойствия он вдруг покрылся мглой, сначала сумеречной, затем постепенно загустевшей. Пароход начало качать. Волны с обеих сторон начали биться о его борта, сперва — словно играя, затем всё сильнее и сильнее. Пароход застонал, затрещал. Волны поднимались всё выше, с поднятыми головами они простирали свои языки высоко над палубой. Огромный корабль превратился в игрушку волн, словно щепка. Он поднимался на волны, а перед носом открывалась водная бездна. Казалось, что корабль обрушится в эту тёмную пропасть и разрушится, но каждый раз он поднимал нос и, рассекая яростные волны, снова скользил вверх. Корабль и море символизировали перспективу борьбы и победы.

К полудню шторм улёгся. Теперь волны поднимались до бортов, растекались по палубе, омывали и чистили её. Затем потихоньку туман начал редеть и постепенно исчезать. На бескрайнем пространстве океана играли лучи солнца. Спрятавшиеся в залах, салонах, трюмах пассажиры снова появились на мостике. Женщины истерично смеялись и хохотали...

Когда на седьмой день на горизонте показались берега Америки, я думал, что это сон. Меня охватил такой восторг, словно это я открываю Новый Свет. Вот он, наконец. Усталый пароход подошёл к порту. Уже давно были видны знаменитые небоскрёбы Нью-Йорка. Большой зал корабля заполнился множеством чиновников, которые начали проверять наши бумаги. Ожидая своей очереди, я наблюдал осмысленные лица невозмутимых и степенных американцев, их самоуверенные движения и жесты. Мой несовершенный французский помог мне пройти горнило этой проверки.

Хотя ещё не стемнело, на улице, на зданиях ярко горели электрические фонари, и город казался золотым. Этот огромный город с семимиллионным населением ошеломил меня бесчисленными огнями, яркими электрическими вывесками. Я показал адрес клу-

ба «Дашнакцутюна» первому попавшемуся водителю автомобиля. Мысли в голове отсутствовали. Я был охвачен чувством признательности к окружению за то, что мне посчастливилось быть здесь. Я старался рассмотреть части небоскрёбов, которые, наверное, состояли из 25–50 этажей. Год назад меня поразила спешка Парижа, но по сравнению с Нью-Йорком это были игрушки. Было удивительно, что в этой суматохе водитель автомобиля не терял головы. Проехали район ярко освещённых шикарных магазинов и зданий. Перед кинотеатрами скопились многочисленные толпы. Везде жизнь кипела, как в котле. Немного ниже, посередине широкого проспекта, где остановилось множество автомобилей, замедлил ход и остановился также наш автомобиль. Напротив, из строения в виде башни испускаемые лучи света знаками указывали направления. По освещённым, как днём, тротуарам шли подтянутые, крепкие американцы с высоко поднятыми головами, прямыми спинами, смотря далеко вперёд. Из башни появляются новые световые знаки, и наш автомобиль снова мчится по ряду среди стаи автомобилей. Постепенно мы достигли районов скромных зданий и остановились.

Я в клубе. Какая приятная неожиданность — на другом конце света слышать сладкозвучную родную речь. Три ярко освещённые, чистые комнаты, книги, газеты, светящиеся лица. Что есть национальное чувство? Наверное, одинаковое переживание похожих людей, которое сразу же проявилось в многочисленных вопросах, заданных мне окружившей меня молодежью. Сначала я старался удовлетворить их любопытство, но мало-помалу начал раздражаться: расспросам не было конца. Они были такими требовательными, словно я их должник и должен расплачиваться немедленно по первому требованию. Наконец, я встал, заявив, что должен ехать.

— Куда, брат? Совершенно ничего не было сказано о неотложных вопросах...

— Я приехал сюда, чтобы вы помогли мне отбыть в Бостон, а не для того, чтобы читать вам доклады, — сказал я, еле сдерживая раздражение.

— Хорошо, брат, Бостон не убежит..

— По указанию Центрального комитета армянского революционного союза («Дашнакцутюн») я обязан как можно скорее быть там.

Эти слова подействовали. Моё положение вдруг возвысилось, и они оказались в положении обслуживающих. Мы вышли. По дороге со всех сторон они сыпали вопросами, используя время до последней возможности. Для беседы по всем вопросам с этими жажущими душами нужны были дни: время было бессильно заставить их забыть всё, что стало прошлым. А меня очаровал легендарный город ночью. Мои глаза начали привыкать видеть. Высокие здания больше не давили, как ранее, теперь они казались такими лёгкими, словно сделанные из бумаги. Из бесчисленных-бессчётных окон волны ярко льющегося света заливали водораздел света и мрака. Установленные на крышах небоскрёбов фонари были похожи на блуждающие луны. Несчастный народ Багариджа, которому не дали жить своей жизнью даже в земляных хижинах! Я с большим трудом мог собираться с мыслями, отвечая на те или иные вопросы моих товарищей. Мои сведения, хотя и устаревшие и неполные, были им интересны. По-видимому, одно дело прочитать, а другое — услышать живое слово. Наконец, мы дошли до вокзала, где, немного погодя, я трогательно попрощался с этими приветливыми, патриотично настроенными молодыми людьми...

Глава 7

По следам зверя

В Бостоне в редакции газеты «Айреник» («Родина». — переводчик) началось то же, что и в Нью-Йорке. Здесь инициатива распросов принадлежала Амо, который начал свои воспоминания с Эрзурума, где в последний раз я его видел пять лет назад. Крепкий, как пень, с дугообразными ногами, круглым и чёрным, как померкшая луна, лицом этот тиврикский товарищ был похож на просвещённого курда. Ничего не изменилось в его склонностях, характере. События не могли ни на волос отвлечь его от любимого занятия. Даже во время нашей тёплой дружеской встречи в его руке была пачка бумажек, куда он мог вписывать заметки для «очередного репортажа». Но Амо здесь был не просто репортёром, а членом редакции и одновременно секретарём Центрального комитета «Дашнакцутюна». Инициатором вызова меня в Бостон была барышня Ерануи, которая сейчас находилась в Калифорнии. От неё Амо узнал обо мне. Я познакомился с товарищами, присутствующими в редакции: Седраком Багдикяном, делопроизводителем Центрального комитета, нашим мечтателем «Сето», Хосровом Есяном, делопроизводителем «Айреник»-а и другими. С этими двумя товарищами я подружился с первого дня и начал проживать в одной с ними комнате.

И здесь, в Америке наш народ с напряжённым вниманием следил за событиями в Армении. Особенно сильно волновало и возмущало то, что турецкие погромщики остались безнаказанными. В начале войны союзники торжественно объявили, что члены правительства Турции должны нести личную ответственность за армянские погромы. Но война завершилась победой союзников, и авторы геноцида армян остались безнаказанными и даже взяты под защиту.

Среди американских армян созрела мысль, что армяне сами без чьей-либо помощи должны наказать турецких погромщиков. Душой этого умонастроения был Армен Гаро, по инициативе которого был создан специальный фонд и проводилась специальная работа.

Надо сказать, что эти умонастроения были не только в Америке. Всё армянство было возмущено отношением союзников: целый народ был уничтожен варварскими методами, а победившие союзники, несмотря на торжественные обещания, палец о палец не ударили, чтобы привлечь к правосудию преступников. Везде народ

требовал справедливой расплаты, и взоры всех были устремлены на «Дашнакцутюн».

«Дашнакцутюн», естественно, не мог остаться равнодушным и также думал о возмездии. Осенью 1919-го 9-й съезд Армянского Революционного Дашнакцутюна также рассматривал этот вопрос. И вот в Америке выяснилось, что то, о чём я мечтал ночью и днём, здесь уже воплотилось в живое дело. Под руководством Армена Гаро была проделана громадная работа.

В Америке я узнал, что убежавшие из Константинополя иттиагисты проводят в Европе активную работу. Они установили связи с политическими кругами Европы и старались через них воздействовать на союзников, чтобы нивелировать «армянский вопрос» и придать более благоприятное направление всем остальным вопросам в отношении Турции. С этой целью они имели встречи с представителями союзных государств и созывали совещания. Энвер находился в России. Там он основал Союз освобождения ислама, который имел отделения в Берлине и Анатолии. Два месяца назад в Берлине был созван конгресс с целью оказания давления на Англию. Главным местом деятельности была Россия, особенно — Закавказье, с целью тесного сотрудничества с кемалистским движением. Согласно самым последним сведениям, в Баку находились Энвер, Ибрагим Талин, Ключюк Талаат, Бахаэддин Шакир, Мустафа Субхин, Нури Паша и Халил Паша. Там они принимали участие в Съезде народов Востока. Начавшаяся в Армении армяно-турецкая война являлась следствием решения этого съезда. Предположительным местом пребывания Талаата были Женева или Берлин.

И вот я познакомился со статным, рослым, внушительным и добродушным Арменом Гаро. Я видел его до этого всего один раз, но много о нём слышал. Прямой, честный, добрый, самоотверженный предводитель, узнав, что приехавший из Парижа — это я, пожал мне руку с совершенной задушевностью, чистосердечно, искренне, с отеческой нежностью и братской теплотой. Как и во время первой встречи, меня охватило смущение. Армен Гаро представлялся мне совершенным человеком. И я не ошибался. Он был рождён таким: добродетельный и кристально чистый. Но последние пять лет очень на него подействовали, посеяв в его спокойной душе необоримое беспокойство. Его красивые глаза под выпуклыми, слегка припухшими веками лишились прежнего блеска и сияния, на мужественном лице появились морщины.

Всей группой мы пошли в ресторан, который содержал пожилой товарищ. С круглым, выпуклым, как крупная тыква, животом, с беспокойными глазами, спрятанными под густыми бровями, хозяин ресторана, увидев Армена Гаро, вскочил со своего места, погрузил в свои ладони его руку и радостно воскликнул:

— Вай, господин Гаро!..

— Ну, Гого, скажи, что нового, — дружески сказал ему Гаро.

— Ничего особенного, живы-здоровы. Бог в помощь нашему народу..

Гого отвёл нам отдельный кабинет и взял под свой контроль наше обслуживание.

От Армена Гаро я узнал, что восемь дней назад они телеграфировали в Париж Ханьяну, чтобы я там подождал отбывшего из Америки товарища, но я уже выехал. Теперь этот товарищ считал необходимым немедленно приступить к делу и отбыть в Швейцарию. Армен Гаро считал, что предварительную разведку этот товарищ может осуществить один, при необходимости прибегнув к помощи местных сил, а я должен буду выехать в том случае, когда выяснится местопребывание Талаата — в Женеве или Берлине. Это было и моим желанием. Так и было решено из соображения осторожности, необходимой для дела.

Стало также известно, что было написано в Константинополь и в Берлин, чтобы отслеживать Талаата. Полученные сведения должны быть сосредоточены у руководителя разведывательной части. До этого уже были готовы размноженные в трёх экземплярах фотографии всех главных погромщиков. Было предусмотрено также материальное обеспечение.

Хотя много ещё предстояло сделать, но меня охватил внутренний восторг от того, что это дело находится в руках людей деятельных и поставлено на правильную основу. Все вопросы были уточнены и уяснены без споров и разночтений, словно мы были членами одной семьи, среди которых самым весомым было слово старшего.

Теперь Гаро рассказывал свои впечатления о Талаате. Мы слушали его с интересом. Для меня особенно каждый факт, рассказанный им, характеризовал и оценивал преступника-интригана.

— Когда вы в последний раз виделись с ним? — спросил я.

— В последний раз в 1914-м, 4 июня, когда Врямян и я имели серьёзный разговор с этим чудовищем в доме Халил-бея по во-

просу запланированных армянских реформ, — сказал Гаро словно сам себе, погружаясь в ещё свежие воспоминания. — Талаат начал разговор с длинного предисловия, с помощью которого старался убедить нас, что они не смогли удовлетворить наши справедливые требования независимо от их желания, а именно — по вопросу земель, по проблемам школ, увеличения количества чиновников-армян и другим вопросам. Затем, возвратившись к вопросу реформ, Талаат обвинил нас в том, что мы обратились за помощью к внешним силам, вместо того чтобы прийти к соглашению с ними. Вrameян часто прерывал его речь и фактами доказывал несерьёзность его слов. А Халил-бей старался убедить Вrameяна, в частности, в невозможности равенства количества чиновников. В связи с этим Талаат рассказал о его переговорах с Хоффом и заявил, что он был против моей кандидатуры по той простой причине, что убеждён, что если бы я поехал с Хоффом как один из его помощников, то фактически главным следователем был бы я, а не Хофф. Для того, чтобы смягчить этот его намёк, Вrameян заявил, что о моей кандидатуре излишне говорить, так как я сам уже попросил Хоффа вычеркнуть моё имя из списка. Но неэффективность принципа «50 на 50» было для нас лучшим доказательством, что они опять заняли старую позицию очковтирательства и с первых же шагов хотят сорвать ими же подписанные реформы. Начиная с 8 часов до 11 они спорили вдвоём. Я не вымолвил ни слова, внимательно наблюдая за лицом Талаата, которое в этот вечер казалось мне несказанно непривлекательным. Каждый раз, когда Вrameян горячился и говорил ему неприятные вещи, на лице Талаата появлялась сатанинская улыбка, свойственная самодовольному человеку, который смеётся над собеседником. В конце концов оба заметили, что я совершенно не вмешиваюсь в разговор. Обратившись ко мне, Талаат сказал:

— Гаро, почему сегодня вечером ты совсем не говоришь?

— Что говорить, когда я определённо вижу, что вы настолько возгордились последними успехами, что хотите играть с нами, — ответил я.

— Я буду жаловаться на это твоё высказывание и попрошу, чтобы ты доказал сказанное.

— Если Вrameян не смог вас убедить, я вообще не смогу это сделать. Скажу только, что вы на ложном пути. Взятый вами курс поведёт Османскую империю в пропасть. Опьянённые вашими по-

следними успехами, вы поражены манией величия, представляя себя наполеонами и бисмарками.

— Бисмарк — это я? — с улыбкой прервал меня Талаат.

— Да, ты, но думая так, очень ошибаешься. Куда вы ведёте это государство? Хочешь доказательство моих слов? Не ты ли только что сказал Врамяну, что вы должны отуречить курдов? Чем? Каким вашим культурным даром? Если бы вы были знакомы с историей, то не должны были говорить подобного абсурда. Ты забыл, что вы, турки, пришли в нашу страну пять-шесть сотен лет назад? А до вас много других пришли и прошли над нашей с курдами головой: персы, римляне, арабы и византийцы. Если никто из них не смог ассимилировать курдов, чем вы сможете их ассимилировать? Прошлым летом я объездил три наших вилайета и только три моста видел на огромной территории, из коих два — старые армянские постройки, а третий построен по приказу Тимура. А вашей культуры и следа не видно. Нельзя с такой лёгкостью относиться к серьёзным государственным делам. Возвращаясь к нашему вопросу, — сказал я ему, — вы неискренни. Вам кажется, что удастся обещаниями усыпить нас здесь, а по стране создать такие экономические и политические условия, что Армения останется без армян и вы навсегда полностью избавитесь от армянского вопроса. Это второе доказательство вашего невежества. Вы ошибаетесь в этих ваших расчётах. Мы вам столько времени не дадим, чтобы вы осуществили ваши планы. Наше национальное сознание настолько развито, что мы предпочтём разрушить это большое здание, название которому «Османская империя», и не допустить, чтобы вы увидели Армению без армян...

Погружённый в воспоминания Армен Гаро вдруг умолк, его лицо выражало неопределимую грусть.

— Увы, это мы ошиблись в наших расчётах...

— Чем закончилось? — спросил Амо.

— Когда я закончил, Талаат воскликнул: «Что ты говоришь, Гаро, ты совершенно изменился». «Если среди нас кто изменился, то это вы, считая себя великими людьми, — ответил я, — мы — прежние армянские революционеры, и говорим вам то, что всегда говорили». Талаат стал багрово-красным и начал часто поглядывать на свои наручные часы. Вдруг он встал, сказал, что в 11 часов у него встреча, выразил сожаление, что этот разговор прервался, и отбыл, попросив снова встретиться в другой день, чтобы договориться

друг с другом. Немного позднее началась война, и после этого я Талаата не видел...

Казалось, что для Армена Гаро эта беседа была как исповедь. Он словно сам себя осуждал, так он был подавлен. Я думал, что не следовало говорить с начальником палачей с такой ясностью и откровенностью, хоть и с достоинством революционера...

— Ну, да ладно, — сказал он, очнувшись от мыслей, — оставим прошлое, надо смотреть вперёд. Я сейчас должен отбыть. Доброго пути и удачи тебе. Очень хотелось бы умереть, не оглядываясь назад, — добавил он, вставая, — в это тяжёлое для нас время смерть этого изверга была бы величайшим утешением для всех армян...

Из зала ресторана послышалось:

— Какие новости из страны, господин Гаро?

— Новостей нет, всё по-старому...

* * *

Вечером наш представитель выехал в Нью-Йорк, чтобы оттуда отбыть в Европу.

Ночью, сидя с Сето и Хосровом, мы изучали фотографии преступников.

Талаат, Энвер, Джемаль, Саид Халим-паша, Джемаль Азмин, Бе-хазддин Шакир, начальник константинопольской полиции Бедри, доктор Назым и другие, в различных позах. Были также фотографии жён Талаата и Энвера, которые, по-видимому, были выделены из групповых фотографий. Обе — с ангельскими лицами, красивые женщины. Было удивительно, как могли они жить с этими чудовищами. Своим сложением самый примечательный был Талаат: могучие руки, широкая спина, выступающие, как каменные, мышцы говорили о силе и энергии. Смотрящий на фото должен был удивиться, как этот имеющий вдохновляющий образ человек в течение трёх лет терпел мольбу и вопли о милосердии целого народа, однако неуклонно претворял свой план геноцида. На другой фотографии на висках еле просматривается седина. На рельефной губе восточного человека вправо и влево протянулись пучки чёрных густых усов.

Толстая шея выступала из тисков воротника. Масса белого пиджака покрыла выпуклую часть живота, лицо источало сердечную искренность...

Вот и Энвер, бывший когда-то идолом турецких женщин, который в течение жизни не сделал ничего, достойного мужчины,

и приобрёл известность во время отвоеваия Эдрины, когда дело было сделано. Юношеский искрящийся образ и свежее лицо с женственными ресницами выражало желание танцевать. В Константинополе говорили, что он на стене своей приёмной с обеих сторон своего портрета повесил портреты Наполеона Первого и Фридриха Великого — двух гениальных тщеславцев, на которых он походил только коротким ростом. Говорили, что Энвер носил сапоги на высоких каблуках, чтобы казаться выше. Украшенная верхушка персидской папахи, которую он никогда не снимал, служила этой же цели. Конечно, в златотканом маршальском мундире на фотографии лицо его выражает надменность, но два ряда пестреющих лентами орденов портили всё дело, придавая ему юношеский, щеголеватый, легкомысленный вид. И снова то же самое: ресницы, обрамляющие всполошенные, выражающие испуг, по-девичьи раскрытые глаза. На другой фотографии под мелкими усиками еле обозначенная циничная улыбка выражала «досточтимое превосходство». Если бы это его достоинство не было горько оскорблено под Кардосом, где он должен был заслужить первый венки «турецкого Наполеона», возможно, по-другому сложилась бы судьба нашего народа...

Лицо третьего погромщика — морского министра Джемала — выражало помесь свирепости, высокомерия и ума. Большие, с острым пронизывающим взглядом, сосредоточенные глаза выдавали глубокомыслие, бездушие и эгоизм. Это он, будучи командиром Четвёртой армии, завершил начатое, подвергая в пустыне голоду и преследованиям остатки нашего народа...

Глядя на фотографию Бедри, удивляешься, как этому ничтожеству удалось свернуть шею пятистам блестящим интеллигентам. Единственным достоинством этой невзрачности с опущенными женственными плечами, мечтательными похотливыми глазами было то, что он был близок с Талаатом. Но этот пустой человек ещё что-то по сравнению с чучелом — Саид Халим-пашой, чьё болезненное лицо скопца вызывает отвращение и который с помощью денег достиг поста премьера с надеждой после войны стать правителем Египта. Пустой, тщеславный, лишённый реальной власти, этот египетский князь нашёл в себе достаточно смелости отказать всем просьбам положить конец резне, направленным ему...

Толковым и деловым выражением лица оставляет впечатление приказчика страховой компании Бехаэдин Шакир, который на-

чал прелюдию большой резни ещё летом 1914-го, организовав частичные выселения и погромы в районе Эрзурума. Затем совместно с известным оратором младотурков Наджи-беем не пожалел сил, чтобы поднять невежественную толпу турок против безоружного армянского населения от Эрзурума до Мосула.

Из числа выделяющихся погромщиков-губернаторов внушает ужас фотография Джемаля Азми: почти квадратное лицо, челюсть с кровавым подбородком, абсолютное чудовище, которое, рассекая века, пронесло и донесло до нас все образцы азиатского варварства. Это он в течение двух дней уничтожил четырнадцать тысяч армян Трапезунда: заранее вырезал мобилизованную молодёжь, собрал шестьсот известных граждан и, погрузив на корабли, утопил в море, затем вывел из города женщин и детей и у села Чевизлик уничтожил всех так безжалостно, что превзошёл всякое человеческое воображение...

Уже было поздно. Было за полночь, когда Хосров из своей постели крикнул спросонья: «Хватит, ложитесь спать!»

Мы легли, но я не мог закрыть глаза. Мой сон улетучился. Я старался представить образ Анаит, думать о ней, но воздействие фотографий палачей было сильнее, и долго ещё во тьме их чудовишные лица маячили перед моими глазами...

* * *

Утвердившийся в далёкой колонии, но тесно связанный со страной «Айреник» делал большое дело. Бесспорно, что если армянство в колониях сохраняет свой облик, это в большей мере результат той организационной работы, которую ведут армянские общественные, политические течения, их газеты и издательства. «Айреник» занимал значительное место среди этих организаций. Начав издаваться в Нью-Йорке, газета отметила своё двадцатилетие в Бостоне. Кое-кто из товарищей — доктор Ташян, профессор Чагмагчян, М. Амбарцумян, Н. Тестекюль отдали этой работе 10—15 лет, большей частью — в тяжёлых, невыносимых условиях. Редакция «Айреник» была национальным бюро, без которого никакая работа не выполнялась. Все национальные пожертвования велись через неё, все собрания руководились оттуда, для изгнанников это была канцелярия, справочный орган, сюда приходили письма на имя депортированных; несмотря на то что прошло пять лет, ещё оставался специальный отдел объявлений, где спасшиеся от резни иска-

ли своих потерявшихся родственников. Весь день двери редакции были открыты, и каждый мог прийти туда. Их тепло принимали, внимательно выслушивали, сочувствовали, помогали морально, всегда поддерживая в них веру в лучшее будущее.

Как одно время в Ереване, так и там среди них пользовался популярностью Амо. Целыми днями я сидел и наблюдал посетителей, и всегда вместе с глубокой скорбью меня охватывало приятное чувство, что есть угол, где гонимые ветром осколки армянства могли смягчить своё горе. Они монотонно рассказывали свою боль, о потере детей говорили шёпотом, и их губы дрожали, как от озноба. Но были и такие, которые словно были рождены для вечной борьбы и, узнав об армяно-турецкой войне, приходили записаться в «солдаты нации» с готовностью «оказать помощь» Армении.

Снова день за днём темнел армянский горизонт. В первые дни ноября до нас дошла весть о падении Карса, турки двигались к Александрополю, повторялось то, что и два-три года назад.

Через несколько дней, согласно полученной из Европы телеграмме, я отбыл в Женеву. Легко нашёл редакцию «Дрошак»-а, где надеялся увидеть нашего представителя, который не сообщил своего адреса. Женева, и особенно редакция «Дрошак»-а, представляла собой место паломничества армянского революционного движения. И не без интереса подошёл я к расположенному в окружённом железной оградой сквере двухэтажному зданию, которое казалось заброшенным и не содержало живой души. В глубине сквера, среди деревьев, полуобвалившиеся рейки выдавали остатки беседки... Разбросанные сучья, заросли кустарника оставляли впечатление заброшенного угла. Дверь здания была открыта, внутри на стенах были вывешены фотографии павших революционеров, в коридорообразной части двух комнат в застеклённых ящиках были разложены книги. Чистые, скромно обставленные прохладные комнаты скорее оставляли впечатление музея, чем квартиры. Людей не было видно, в здании царил могильная тишина. Я уже в недоумении собрался уходить, как из подвального помещения донёсся женский голос:

— Кто там?

— Извините, мадам, где хозяин дома или кто-либо...

— Какой хозяин?..

И вдруг передо мной возник худошавый мужчина с жёлтым пергаментным лицом и, опершись в бок, уставился на меня с видом оскорблённого достоинства.

— В этом доме женщин нет, вы обратились не по адресу...

Невольно охватившее меня веселье рассердило его.

— Кто Вы, и что хотите?

— Извините, видимо, Вы — господин Антон?

— Да.

— Товарищи мне рассказывали о Вас.

— Какие товарищи? — спросил он уже с интересом.

— В Америке.

— Товарищ Тейлирян?

— Да.

— Ты смотри! Благословен твой отец, заходи...

Выяснилось, что наш представитель пять дней назад уехал, не сообщив куда, оставив у господина Антона для меня письмо. Он писал что, благодаря полученному из Константинополя письму, он в Берлине нашёл след одного из своих родственников и отправился туда. Мне тоже следует поспешить, если хочу поступить в университет...

Господин Антон имел революционное прошлое на Балканах. Но почти сразу после утверждения «Дрошак»-а в Женеве он стал аккуратным хранителем здания и имущества. Он понял, что я приехал по важному делу, но не проявил никакого интереса. Угостил меня чаем. Из беседы выяснилось, что редакцию «Дрошак»-а хотят перенести в Париж, и есть намерение продать здание в Женеве, чтобы приобрести в Париже. Он с горечью говорил об этом. По его мнению, после перевода из Женевы «Дрошак» завянет. Это безответственно, даже преступно по отношению к славному прошлому здания. Он не мог понять, как можно продать «Эчмиадзин армянской революции». Господин Антон не имел намерения уйти из женеvского здания. Он, как кошка, был более привязан к закоулкам здания, чем к хозяину, и был почти уверен, что умрёт до продажи здания, так как ему осталось мало жить из-за старости, болезней и т.д. В противном случае он намеревался попросить нового хозяина разрешить ему жить здесь в качестве сторожа.

Я слушал его, но мысли мои были в другом месте. Я был взволнован и рассеян: «След найден». Мне было необходимо остаться одному, чтобы оценить эту весть. Господин Антон помог мне разместиться на соседнем постоялом дворе. Вопреки моему нетерпению, прошло пять-шесть дней, прежде чем я смог получить разрешение на въезд в Берлин, куда я выезжал с целью изучения машиностроения. 3 декабря я отбыл.

* * *

Германия ещё пребывала в тяжёлом положении из-за последствий войны. Условия мира создали для страны полуколониальное положение в смысле экономики. Тяжёлые условия контрибуции разложили экономику. После перемирия сменяющие друг друга правительства не были в состоянии найти выход. Страна была неспокойной. Забастовки затухали и снова вспыхивали повсеместно.

В Берлин я прибыл вечером. Хотя было только 10 часов, но жизнь этого четырёхмиллионного города замерла. Шёл дождь вперемешку со снегом. Автомобиль остановился у гостиницы «Тиргартен», в которой проживал наш представитель. Я с нетерпением хотел узнать, на какой стадии находится наше дело. «Всё хорошо», — был ответ. Талаат находился в Берлине. И, показав одну из немецких газет с подчёркнутыми строчками, наш представитель сказал:

— Эта статья направлена против младотурков, особенно против Исмаила Хагга. Пишет Мехмед-Зеки.

— Кто они?

— Первый — из молодых младотурков, он три года назад был откомандирован партией в Берлин для получения образования. Мехмед-Зеки — тёмная личность, в своё время выпускал в Константинополе еженедельник «Национальная оборона», известный шарлатан, знаменитый вымогатель, в прошлом прихлебатель у младотурков. Теперь здесь, как видно, у него не ладится с бывшими хозяевами, и он предпринял разоблачения. В этой статье Мехмед-Зеки, говоря об одной статье по армянскому вопросу, написанной Исмаилом Хаггом, отмечает:

«Удивительно, что их руководитель, гость Германской республики»... «И о комитете проживающих в Берлине преступников Исмаил Хагг ничего не пишет». Затем продолжает:

«Мы знаем, что Исмаил Хагг-бей тесно общается не только с Талаатом-пашой, но и с доктором Назымом, и бывшим наместником Алеппо Бедри. Известно, что эти трое — те, кто организовал и привёл в исполнение армянскую трагедию, а также уничтожил нежелательных для себя турок. Правительство Константинополя не должно медлить с их примерным наказанием. Находящиеся в Берлине младотурки в последнее время начали именовать себя социалистами. Им не надо верить, так как руководитель социалистов князь Санаэддин с трудом избавился от преследования младотурков. В ближайшие дни я буду читать лекцию, где беспристраст-

но проанализирую все эти вопросы и разоблачу деятельность младотурков».

Для нас главным было то, в чём больше не было сомнения: преступники здесь. В Берлине были Талаат, бывший начальник полиции Константинополя Бедри, Исмаил Хагк, губернатор Трапезунда Джемаль Азми-бей, который завёл табачное дело и открыл магазин на своё имя, в котором также продавал ковры.

Эта последняя новость меня просто ошеломила: уничтожить четырнадцать тысяч людей, на их богатство открыть дело и безмятежно проживать в столице цивилизованного государства... Я очень желал расчитаться с этим мерзавцем, но такой шаг мог спугнуть других, более крупных, особенно Талаата, чей чудовищный призрак преследовал меня днём и ночью. Надо было действовать осторожно и не упустить зверя, хотя для меня было невообразимо, что губернатор Трапезунда после обнаружения мог ещё спокойно жить...

Выяснилось, что за некоторыми из них уже установлено наблюдение, и вообще начало положено. Значит, я тоже должен был впрячься в работу, в первую очередь — установить наблюдение.

На следующее утро, когда я ещё не выходил из гостиницы, появился Хазор — смуглолицый молодой человек 27–28 лет, который учился в Берлинском университете. Когда он познакомился со мной, его приятное лицо озарила широкая улыбка. Он сказал, что пришёл сообщить несколько интересных сведений, которые узнал от Грапа. Якобы на днях Энвер должен из Москвы приехать в эти края с целью восстановления партии младотурков. Но в этом вопросе они с Талаатом соревнуются. Сторонники последнего хотят, чтобы центром восстановленной партии был Берлин и партия имела бы статус эмигрантской. Между тем, Энвер настаивал, чтобы центр партии находился в Москве. Сам Грап считает, что причина разногласий в следующем: Энвер очень часто находится в Москве, в Закавказье и хочет сохранить своё влияние в партии. Кроме того, он желает быть насколько возможно ближе к Анатолии и иметь свою долю влияния на внутренние дела страны. Тогда как сторонники Талаата того мнения, что их вмешательство может поднять шум в Европе и навредить развитию национального движения, начатого в стране. В связи с этим, якобы, несколько дней назад имело место совещание между талаатистами, египетским шейхом Абдул-Азизом, сирийским эмиром Шакир Асланом и находившимися

здесь несколькими мусульманами из Индии. Сам Талаат не присутствовал на этом совещании.

Грап эти сведения получил от турецких студентов, с которыми был близок. Сам Грап, как мне рассказали, лицом, именем, чистым турецким языком не отличался от настоящих турок. Но был отборным армянином. Имел близких среди турецких студентов и турок вообще, предоставляя важные сведения, оказывал ощутимые услуги нашим дипломатическим представителям.

Сообщив эти сведения, Хазор ушёл. Немного погодя вышли и мы. Шёл снег крупными снежинками, которые парили, как бабочки, в разных направлениях и беззвучно опускались. Был тёплый, спокойный и приятный зимний день. Мы медленно шагали, каждый со своими мыслями. Немного спустя вышли на широкий проспект, который прямой линией тянулся от кайзеровского дворца до Бранденбург Кишн Тор, самой большой улицы Берлина. Было необходимо как можно быстрее ознакомиться с планировкой города, с главными кварталами, улицами. Также было необходимо выучить хотя бы несколько немецких слов.

Мы свернули налево, затем, пройдя несколько второстепенных улиц, дошли до асимметричной площади. Справа, на тупом конце выходящей на площадь улицы, находился табачный магазин Джемалю Азми.

Прошли мимо магазина. Еле сдержал желание войти вовнутрь, чтобы вживую увидеть физиономию чудовища. По улице, тянувшейся вправо, вышли с площади и, обойдя квартал, по параллельной улице возвратились к левой части площади, где, не доходя до края улицы, находился кафе-ресторан. Обедать было рано, мы заняли место у окна, которое выходило на магазин Джемалю Азми в другой части площади, и заказали по чашечке кофе. Третий день отсюда велось наблюдение, но до сих пор напрасно: торговли не было, дверь магазина часами не открывалась. Платить многотысячную аренду и держать дверь магазина закрытой! Это означало, что магазин учреждён со специальной целью. Не было сомнений, что это было место встреч. Но где были проклятые хозяева?

Мои мысли были заняты сообщением Хазора. Если победит позиция Энвера, то и Талаат может отбыть в Россию или в Закавказье. Хотя, с другой стороны, для пользы турецкой нации присутствие Талаата здесь, в Европе, было важнее. Было известно, что он в Европе вёл энергичную деятельность, особенно — дипломатическую рабо-

ту, несомненно с ведома и по воле Кемаля. Хотя Мустафе Кемалю приписывались неоднократные заявления, которые имели целью распространить мнение, что руководимое им националистическое движение не имеет никакой связи с группой младотурков Талаата, не было сомнений, что основой возникшего в Анатолии движения были младотурки. В армии, в Великом национальном собрании, среди депутатов большей частью были младотурки. Какая польза к этой массе приплюсовать Талаата! И во время проводимых в России переговоров, и в деле помощи получения через итальянские каналы оружия и боеприпасов в основном работу осуществляли находившиеся в Европе младотурки. Фактически судьбой Турции опять руководили младотурки, разделяя эту работу с другими националистами.

Я был занят этими мыслями, как вдруг заметил, что какая-то женщина вошла в магазин Джемалю Азми. Я сразу же выскочил на улицу. Не прошло и минуты, как на тротуаре показался мой товарищ. Но женщина очень быстро вышла из магазина. С какой-то внутренней неприязнью я заставил себя следить за женщиной, перейдя на другую сторону площади. Немного позже меня нагнал мой товарищ, утверждая, что слышал её разговор с Азми.

Монстр сказал: «Надеюсь, что меня уведомят». Женщина ответила: «Обязательно, когда будет необходимо». Как видно, сведения Грапа были точными.

По моим представлениям самым низким поступком является следить за женщиной, но другого выхода не было. Снег перестал идти. В чёрной шубе, меховой круглой шапке стройная женщина шла медленно, словно была очень довольна возможностью прогулки. Иногда она опускала голову, как будто измеряла свои шаги, и вдруг, словно устав от этого занятия, поднимала голову и ускоряла шаги. Так шагать мог только человек, охваченный грёзами.

Женщина продолжала путь по проспекту. Словно любясь собой, она прошла около часа пути то смотря себе под ноги, то — перед собой, затем, повернув назад, вошла в район особняков. Здесь она остановилась у великолепного дома под номером 165. Тихонько отодвинула дверь заснеженного сада, быстро вошла по широкой и короткой каменной лестнице и, открыв дверь своим ключом, вошла в дом...

Со следующего утра мы наблюдали за этим домом. Был полдень, когда я вдруг во дворе увидел молодого человека, который позво-

нил, дверь открылась, и он быстро вошёл в дом. Всё произошло настолько быстро, что я не сообразил, с какой стороны он пришёл. Со спины он телосложением был похож на Энвера. Я проклинал себя за невнимательность. Немного ниже кто-то стоял за углом и что-то высматривал. Что это? Неужели кто-то следит за мной?.. Когда он выглянул из-за угла, я с удивлением узнал Хазора.

— Что вы здесь делаете?

— Пойдём, он может выйти и увидеть меня.

— Кто?

— Исмаил Хагк.

— Это он только что вошёл в дом?

— Конечно.

— Эх, а я подумал, что это Энвер.

— Идём, как бы он нас не заметил.

— Вы идите, этот человек меня не знает.

Я прождал почти целый час, пока Хагк не вышел и быстрыми шагами направился вниз по улице. Он был очень возбуждён. Мне казалось, что он шёл за Энвером. Я сожалел, что со мной не было оружия. Он дошёл до конца большого проспекта, до улицы Ухланд. вошёл в дом номер 47. Я прождал там более получаса, но безрезультатно. Шёл снег, было холодно. Я был голоден. Я направился к ресторану, но перепутал направления и с трудом, после расспросов нашёл гостиницу «Тиргартен». Под вечер возвратился и мой товарищ.

— Ты где пропадал, друг?

Мой рассказ его изумил.

— Говоришь, Ухланд?

— Да.

— Номер 47?

— Да.

Он хлопнул ладонью о ладонь, сел и, приподняв подбородок. с сияющим лицом посмотрел на меня.

— Я не я, если Талаат не проживает в доме 47 по улице Ухланд.

— Как это?

— Утром, около десяти часов, в магазин Азми вошёл тот высокий мужчина, которого я видел три дня назад. При выходе я узнал... Знаешь кого?.. Бехаэддина Шакира.

Удачи дня настолько воодушевили нас, что мы предполагали настичь обоих главных преступников: Энвера в районе особня-

ков и Талаата на улице Ухланд, и, может, обоих вместе во время их встречи, что казалось вероятным, иначе чем объяснить взаимосвязь событий. Вошёл Хазор с двумя новыми товарищами. Один из них, Ваза, был немного выше среднего роста, худощавый молодой человек с иссиня-чёрными волосами, зачёсанными назад; говорил тихо, спокойно, без лишних слов, сдержанно. Лицо имело осмысленное выражение, особенно — умные глаза. Другой, Айко, был студентом. Его овальное приятное лицо освещала красивая улыбка, под сдержанной внешностью скрывалась светлая, чистая и удивительно отзывчивая душа. Оба были посвящены в существо вопроса.

Хазор сообщил сведения, полученные от Грапа, который из-за осторожности ни с кем другим не встречался. В турецком клубе имело место чрезвычайное оживление. Успехи Кемаля в Армении воодушевили всех, обсуждалась вероятность нового похода на Баку. Энвер ещё не прибыл, но может приехать в любой момент. Сопоставив и взвесив новости и наблюдения дня, мы решили держать под бдительным наблюдением Ухланд и дом жены Энвера.

Была уже ночь, но я всё силился с помощью моего несовершеннолетнего французского посредством разговорника изучить необходимые слова и выражения по-немецки. Но когда я лёг в постель, в моей памяти осталось едва четыре-пять слов...

* * *

Около двух недель мы держали под наблюдением дом жены Энвера, но она больше не появилась. Один-два раза в день из этого дома выходила та или иная горничная и возвращалась с покупками. Каких-либо признаков присутствия Энвера не было. Был ли он в Берлине? Должен ли был приехать? Это невозможно было проверить. Только однажды здесь остановился автомобиль, из которого вышли Исмаил Хагк и кто-то, закутанный в шубу. Событие снова взволновало нас, но на следующий день он появился один. Хазор, проследив за ним, выяснил, что это был врач, некий Вагнер.

В преддверии Рождества мы посоветовались у Липарита Назарянца, который в качестве советника помогал ведающему делами армянского консульства немцу армянского происхождения Гринфильду. Голубоглазый блондин с вьющимися волосами, Назарянец был похож скорее на чистокровного славянина с Крайнего Севера, чем на армянина. Это был один из наших опытных товарищей. Он считал, что ожидать Энвера в Берлине не имело смысла.

— Тысячи слухов ходят об Энвере, — говорил он, — в прошлом одна турецкая газета писала, что Энвер-паша должен был прилететь в Берлин, но в пути, якобы, самолёт разбился и он едва избежал смерти. Этот авантюрист сам сочиняет и распространяет эти слухи, чтобы замести свои следы. Я считаю, что разговоры, которые имеют место здесь в турецких кругах, из числа подобных слухов.

Хотя он также не считал невероятным факт пребывания в Берлине Энвера, но не более одного-двух дней, а это очень короткий срок для того, чтобы решить его вопрос.

Совещание переросло в спор и продлилось долго. Но меня уже это не интересовало.

Я уже начал понимать, что недостаточно пребывать в одном городе с преступниками. Дело нуждается в длительных усилиях и неутомимом отслеживании...

* * *

В конце декабря меня свалила в постель моя болезнь. Опять темнело в глазах и кружилась голова. В последний раз эта болезнь повторилась в Ереване три-четыре года назад, и я думал, что она давно прошла.

По выздоровлении я из гостиницы «Тиргартен» переселился в дом номер 51 по улице Аугенбургер, где проживал секретарь армянского консульства Ерванд Абелян, толковый молодой человек 23—25 лет. В то время в Берлине было очень трудно найти свободную комнату. Абеяну удалось уговорить домовладелицу предоставить мне соседнюю комнату.

Шестидесятилетняя домовладелица, фрау Элизабет Штелбаум, как и любая немка, была аккуратной хозяйкой и хотела поддерживать порядок и чистоту в комнате вплоть до чистки моей обуви своими руками. Но я ничего из этой работы не оставлял для неё, что сначала казалось ей странным, но затем постепенно — приятным. Я ей объяснял, что я молодой, а она взрослая, а у нас не принято, чтобы взрослые женщины прислуживали молодым. Она же считала, что, хотя этот обычай очень уважаемый и логичный, она обязана всё это делать, так как таков договор найма комнаты и я за всё это плачу. И эти беседы, в большинстве с помощью мимики, помогали мне постепенно понимать немецкий язык.

Абеяна часто навещал его близкий друг Левон Эфтян, жизнерадостный студент 21 года, который проживал совместно с сестрой

и зятем. В течение нескольких дней они сблизилась со мной, но оба не знали о моей миссии и думали, что я приехал учиться. Это были добросердечные и преданные товарищи. Они были недовольны, что я уделяю очень мало времени изучению немецкого языка. Для них это было нестерпимо, не приносило чести армянскому студенту, и не было дня, чтобы они не затрагивали этот вопрос.

— Так ты не попадёшь в университет, друг мой, — говорил Абельян.

— Только через любовь можно изучить язык, необходимо для этого найти красивую учительницу, — шутил Эфтян.

И вдруг однажды вечером с ним нас посетила очень красивая девушка, которая преподавала язык.

— Не опозорь меня, — сказал он по-армянски, представляя меня девушке, — я сказал ей, что это ты попросил её привести, так как ты болен и так далее.

От неожиданности я был вынужден подтвердить его слова, хотя не имел никаких намерений расширять круг знакомств. Пышущая свежестью, красивая, простая и естественная фрейлейн Лола Байлезон провела детство в районе Прибалтики и знала русский язык. Но я не понимал по-немецки, а Эфтян — по-русски, в связи с чем общая беседа не получилась. В этих условиях инициатива перешла к Эфтяну. Он долго говорил обо мне, фрейлейн слушала и доверительно улыбалась. Наконец, сложилась такая ситуация, что отказаться было бы крайне некультурно. Эфтян поставил меня перед свершившимся фактом, и я договорился посвятить два часа в неделю занятиям языком у фрейлейн. Первые занятия были настолько удачными, что я надеялся преодолеть эти трудности за короткое время.

В предновогоднюю ночь я был приглашён к сестре Эфтяна, которая со своим мужем, господином Терзибашяном, на улице Ораниен имела скромное табачное дело. У них я познакомился с изганным-земляком Геворком Галстяном, который там же имел обставленный со вкусом продуктовый магазин. Я был удивлён тому, как мои соотечественники, потеряв всё и едва ускользнув от смерти, в течение пяти лет смогли снова создать себе положение и безбедную жизнь. Удивительнее было то, что трудности жизни не подавили в них интеллектуальную, моральную потребность. Бывший студент американского колледжа Галстян обладал университетскими знаниями, все они владели немецким языком на уровне родного.

Ещё молодые, господин и госпожа Терзибашяны ничего не пожалели для достойной встречи Нового года. Но достаточно было вспомнить прошлое, как застолье наполнялось мрачным настроением. Нет, наше поколение не могло от души радоваться праздникам...

На следующий вечер, когда я только возвратился домой после наблюдения в Ухланде, ко мне зашли Эфтян и Абелян. По выражению их лиц я сразу понял, что они затеяли новую интригу в отношении меня. На лице Эфтяна вырисовывалась тонкая озорная улыбка, а Абелян смотрел на меня изучающим взглядом.

— С завтрашнего дня ты будешь посещать вместе с нами уроки танцев, — сказал Эфтян, с удовлетворением потирая руки.

— Что за уроки танцев?

— Европейских, — и, схватив Абеяна, он сделал круг, — вот так...

— Вы с ума сошли? Нашли время для танцев!

— Сейчас самое время, предвесеннее. Время танцев и влюблённости.

Он сел передо мной с безразличным видом праздного человека.

— И как это должно быть? — спросил я, идя навстречу их настроениям.

— В первую очередь следует привести в порядок одежду и причёску...

— Подожди, брат, парень должен сначала понять необходимость, — вмешался Абелян, придавая своим словам характер серьёзности, — вопрос в том, что ты не сможешь выучить немецкий, только получая уроки. До сих пор дальше «вас ист дас» ты не продвинулся...

— Вы хотите, чтобы я после двух занятий мог на немецком выступить с речью?

— Больше месяца ты здесь! — воскликнул Эфтян, переходя в наступление.

— Необходимо влиться в немецкую среду, иметь общение, слушать живую речь, чтоб она была на слуху, — продолжил Абелян.

— Ухо глухое, только через сердце можно выучить.

— Это его дело, пусть задействует все органы чувств, только пусть выучит.

— Я не танцую...

— Как это не танцуешь? Мы уже тебя записали и в этих тяжёлых условиях уже заплатили деньги...

На следующий день, под вечер, на одной из улиц рядом с прогулочным местом «Грюнвальд», в салоне некоего профессора танцев Фридриха собралось 60–70 человек молодёжи. Парни были похожи на сторожевых коней с бодрыми, резвыми, краснощёкими, самоуверенными лицами. Девушки были очаровательны с колышущимися причёсками или сплетёнными в косы тяжёлыми густыми волосами. Все были красивые, хотя каждая в отдельности, конечно, имела недостатки.

Мы опоздали. Мои товарищи не имели времени представить меня господину Фридриху. Я был доволен, скука уже охватила мою душу.

С выпяченной грудью в накрахмаленной сорочке, во фраке, с чрезмерно откинутой назад лысой головой господин Фридрих что-то крикнул и, вынув из-за воротника шёлковый платок, вытер вспотевший лоб. Мои товарищи бросились к девушкам и, отобрав по одной, встали в ряды. Вдруг господин Фридрих испустил громкий гусиный крик, фортепиано загрохотало, танцующие с застывшими позами закружились в танце...

Я думал, как было бы хорошо, если бы вдруг приказали танцевать «Геонт», например, хотя бы «Схтор цецумы» или наш великолепный «Датаранис даштумы» (*названия армянских национальных танцев.* — переводчик), что в те незабвенные дни заводил Ирицанц Зоро, размахивая красным платком, возглавляя хоровод. Помню, как, несмотря на возраст, скакал он с ловкостью обезьяны с поля на гумно в горы, выводя в хороводе молодых женщин и девушек, чьи бусы в танце тихо звенели, как бубенцы. Мне виделась выпадающие в ажиотаже с плачем из рядов и снова возвращающиеся в хоровод малыши, сдержанный смех молодых женщин, горящие огнём глаза девушек. И мне казалось, что я слышу козлиное пение Зоро: «В поле судебном завершился суд, сердца армянских младенцев наполнились надеждой», за чем сразу же следовал громкий дружный клич. Этот клич до сих пор звучит в моих ушах: «Воюйте, армянские парни, с горячими сердцами, мы вышли в поход с храбрыми товарищами». Господи! Как очаровательно было всё это в своей наивной простоте...

Господин Фридрих издал горловой звук, похожий на гусиный крик. Пианино заиграло другую мелодию. Знаю, это полька. Пары скромно подпрыгивают, поворачиваясь влево и вправо. Стоя в середине зала, измученный господин Фридрих руководит

ими, двигаясь взад и вперёд, подобно цирковому дрессировщику лошадей. Периодически он яростно подбегает к ошибающимся. На лицах танцующих запечатлены благоговение и торжественная серьёзность. Они не разговаривают. Каждый демонстрирует заинтересованность и увлечённость своим танцем, стараясь хорошо себя проявить. Я только не понимаю, почему танцуют не все. Группа юношей и девушек довольствуются движениями головы, стоя на месте и танцуя мысленно. По-видимому, они принадлежали к «начальному классу». И действительно, как только танец закончился, появились мои товарищи и познакомили меня с девушкой, которая довольствовалась изящным кивком головы и затем перебросила густую косу с левого плеча на правое. Под деловые наставления господина Фридриха мы начали делать детсадовские движения. Но едва я сделал несколько кругов, как вдруг у меня потемнело в глазах, голова закружилась. Стараясь не упасть, я тяжело опёрся на партнёршу, но не получилось. Я услышал, как она закричала...

Этот повтор старой болезни меня озадачил. К счастью, последствия были не так тяжелы, как в Ереване, и на следующий день я был в состоянии пойти на урок языка. Однако, когда урок начался, я пожалел, что пришёл, так как ничего не понимал. Внимательная фрейлейн Байлезон сразу же заметила:

- Что с вами?
- Мне немного нездоровится.
- Нет, я давно заметила, что вы всегда чем-то озабочены.
- Да, фрейлейн, — сказал я в порыве откровенности.
- Вы не можете сказать, что это?
- Нет...

Она слегка потрясла головой, словно отгоняя ненужные мысли.

— Тогда расскажите о вашей родине.

— У меня нет родины, фрейлейн, — сказал я и попросил отпустить меня...

Через два дня я был в состоянии продолжить дежурство в Ухланде. Был полдень, когда я вдруг заметил своего товарища, который на противоположном тротуаре спускался вниз по улице, следуя за двумя людьми. Одного из них я сразу узнал. Это был Бехаэдин Шакир. Кто второй?

— Доктор Назым, — прошептал мой товарищ, когда я поравнялся с ним.

— Откуда ведёшь?

— От магазина Азми.

Они зашли в дом № 47. Мы дошли до нижнего угла. Не прошло и четверти часа, как показался Бехаэддин Шакир и направился вверх по улице.

— Проследи за ним, я подожду Назима, — сказал мой товарищ.

Шакир шёл очень быстро, а я был ещё слаб, и к тому же — уставший. В центральном районе квартала, где широкие проспекты Таунцинштрассе, Кантштрассе и Кютюрфутюрстендам составляют самые большие артерии Шарлоттенбурга, я чуть его не потерял, но настиг. Я был уже обессилен, когда он остановился у великолепного здания на Вильгельмштрассе, на фасаде которого развевающийся флаг выдавал английское посольство. Нетрудно было поджидать его в этом оживлённом районе. Но от усталости у меня болела голова. Я думал: какие интриги плетёт там Шакир и куда потом пойдёт... Вдруг он вышел, воровато огляделся по сторонам и пошёл. Проклятый шёл очень быстро окольными улицами, как угорелый, словно знал, что за ним следят. Но, в таком случае, почему не садится в машину? Он вошёл на длинную улицу Ерусалемер и зашагал, как бешеный. Я почти дошёл до конца улицы, как вдруг мои глаза затуманились, я опёрся о стену, дома словно запрыгали, и я упал...

Не знаю, сколько прошло времени, меня окружала толпа. Какой-то человек спрашивал мой адрес...

В этот раз меня охватило разочарование. Ваза отвёл меня к невропатологу профессору Касиреру..

Прошла неделя. Более или менее поправившись, я думал расправиться с уже обнаруженными преступниками — Азми, Шакиром, Назымом. Годами думал я о главном преступнике и теперь чувствовал: более ждать я не в состоянии. И, наконец, какая была между ними разница? Однако мой товарищ был против. Мы посоветались и постановили оставить решение вопроса за соответствующим органом, а до того — продолжить наблюдение...

* * *

Во второй половине февраля Грап сообщил, что ожидается сход предводителей иттиатистов. Теперь мы все напряжённо работали, чтобы проверить эту весть, так как в этом случае не было сомнения, что Талаат появится в Берлине или в Риме. Через два дня информация Грапа подтвердилась: в хронике «Лаваро Фашистан»

сообщалась та же новость. Мой товарищ в тот же день приобрёл итальянскую визу для выезда в Рим в случае необходимости.

Остальные с раннего утра взяли под наблюдение все поезда, отходящие из Шарлоттенбурга. Предполагалось, что со станции этого квартала уедут делегаты Берлина, потому что места сборищ младотурков находились в Шарлоттенбурге. Мой товарищ был готов отбыть в любую минуту, он надеялся найти Талаата в Риме и телеграфировать мне. Я уже созвонился с фрейлейн Байлезон и предупредил, что по причине болезни на некоторое время должен прервать занятия. Мы мобилизовали все наши силы, не пропускали ни одного поезда, даже грузо-пассажирские.

Однажды вечером в конце месяца, незадолго до отбытия экспресса, на перроне станции появился турок с мрачным лицом, который, как мы думали, проживал в Ухланде как содержатель или смотритель явочной квартиры, и мы назвали его «Мрачный тип». Через пять минут на станции показались три турецких студента, в связи с чем Хазору и Айко стало затруднительно оставаться там. Почти одновременно с роскошными чемоданами появились Бехаэддин Шакир и ещё кто-то с редкой бородой и жёлтым, как айва, морщинистым лицом, которого я видел впервые. Они помахали прощальным жестом студентам и зашли в вагон. До отхода экспресса оставалось едва пять минут, когда на перроне показался грузный, с круглым полным лицом, хорошо одетый человек с тростью. У меня прошёл мороз по коже: он был очень похож на Талаата, не доставало только чёрных усов и фески. На голове был котелок. Он быстро подошёл к стоящим на перроне. Последние засуетились и выстроились, как солдаты в карауле. Меня словно подтолкнуло к ним. Один из стоящих впереди студентов поцеловал его правую руку и сказал:

— Они уже внутри, мой паша...

«Новый человек» сразу повернулся к вагону и тростью постучал в полузакрытое окно. Кто там появился, не знаю, но сзади услышал зычный и сочный голос:

— Не забывай об армянских храбрецах...

Меня охватило волнение. Я прошёл немного вниз, за спины людей, стоящих у зала ожидания. Вдруг за мной оказался мой товарищ.

— Видел? Кажется, он, сейчас отправится, как получишь мою телеграмму, поспеши...

И он метнулся в экспресс. Поезд в одно мгновение тронулся... «Новый человек», «мрачный тип» и студенты остались. Всё это совершилось так быстро, что я с трудом отдавал себе отчёт. «Новый человек» что-то сказал стоящим уважительно перед ним, и все двинулись к двери, пропустив его вперёд...

Внезапный отъезд моего напарника привёл меня в большую растерянность.

Голова не работала, но инстинкт подсказывал, что «новый человек» — это он, Талаат...

Я следовал за ним по пятам. Под лестницами, из-за угла появились Хазор и Айко.

— Кто?

— Думаю, он.

— Главный?

— Да.

— Не похож...

— К нему обращались «мой паша».

— В эмиграции теперь каждая собака «паша»...

Едва двадцать шагов отделяли меня от их группы. Они шли, отстав на один шаг от «нового человека», отдельные из них изредка подходили к нему, когда он говорил. Этой чести часто удостоивался «мрачный тип». Толстые, как у водоноса, плечи и квадратная спина не оставляли сомнений, но лицо... Я не так хорошо помнил фотографию...

Вдруг я очутился в знакомом районе, мы шли в сторону гостиницы «Тиргартен». У зоологического сада они остановились. Трое студентов, поклонившись до ног почтительным турецким приветствием, попрощались с ним. «Новый человек» и «мрачный тип», медленно пройдя несколько улиц, спустились на улицу Гартенберг и вошли в дом номер 4...

Сзади, на противоположном тротуаре показались Хазор и Айко. Около часа мы держали под наблюдением это здание, ожидая «мрачного типа», но он не появился...

После отступления из Ерзнка подобной обиды, как в ту ночь, я не переживал. Я был почти уверен, что «новым человеком» является Талаат, но сомнения моих товарищей ослабили мою внутреннюю уверенность. Отчасти они были правы: я не был уверен на сто процентов.

...Берлин спал, изредка снаружи тишина нарушалась шумом случайно проезжающего автомобиля. Влажный воздух пронизывал до

костей, порождая озноб. Я лёг в постель. «Если это он, и вдруг упустим», — думал я, отменяя от себя обволакивающую дремоту. Но куда он мог бежать? «Хотя бы в какой-нибудь другой город». Почему? По какой причине? Если он не выехал в Рим, значит, его присутствие здесь более важно, и если наказал «не забыть об армянских храбрцах...», значит, он руководит каким-то делом и должен быть в определённом месте как лидер. Соучастники не могут без его ведома передвигаться с места на место. «Да, но ведь он может поменять квартиру». «Может, если что-то заподозрит». Мы дали повод? Думаю, нет. Только удивительно, что «мрачный тип» тоже остался там... Интересно, я думаю, или брежу? И как будто я сижу в расщелине горы Араул у ярко горящего костра с моими товарищами. Блики огня играют на их лицах, меняя цвета. И Геворк рассказывает о походе на Ханасор:

— Тысяча пятьсот лет назад по склонам этой горы прошли всадники Вардана и в поле, на берегу реки расположились лагерем, где и начался поход на Ханасор, — говорит он, протянув руки к огню.

— Вон, видите? Отец Григор ходит среди воинов. Слышите? Месса, — говорит Геворк, устремив взор в сторону поля...

...Там, в поле, слышен шёпот, голоса. Иногда слышен протяжный крик. Мои волосы встали дыбом, зубы стучат, язык высох и отяжелел.

— Встаньте, идёт отец Григор, — говорит Геворк, вставая и вытягиваясь. Но внезапно передо мной встаёт Мурад.

— Вай, господин Мурад, это ты? Откуда? Ведь ты умер, — говорю я.

— Я не умер, я спал.

Рядом с ним из-за спины появляются остальные.

— И Аветис? Ведь он тоже...

— И Аветис.

— И Аракел?

— И он, и он. Не видишь? Вся страна здесь...

Мир объят тёмным, глубоким покоем, который спускается медленно в ущелье, долины, утяжелённый таинственной думой. И я уже ничего не вижу.

— Посмотри в эту сторону, — слышу голос Мурада.

И я смотрю вниз с горы, на дальние равнины, долины, где во мраке еле виднеются тысячи и тысячи сероватых колонн воинов; как туча, волнами продвигается несметное число всадников с пиками...

...В это время Мурад кричит:

— Вставайте, седлайте коней! Не видите, что рассвело?

— Нет, мы не видим, что рассвело.

— Рассвело, рассвело, — говорит Мурад и, обернувшись к Авестису, кричит: «Седлайте коней, трубите в трубы, чтобы на тысячу пятьсот миль жители всех деревень, городов, полей, долин, ущелий, мужчины, женщины, дети возрастом до тысячи пятьсот лет встали, взяли лопаты, мотыги, косы, кто что может, и присоединились к армии...»

Вдруг загремели горы и долины, словно везде находятся драконы, которые то кричат, то умолкают. В сумерках двигаются гигантские мраморные массивы. Люди в образе скелетов текут речным потоком, и кости их лязгают. Вооружённые секирами, молотами, косами, лопатами, они несутся, как ураган. Вдали толпы людей по пояс в земле, взвалив надгробья, уставились тупым взглядом. Затем, вдруг извергая огонь из пустых глазниц, выскакивают из могил и бегут. Развеивая саванами, на ветру расходятся цепями, мчатся с треском. Многотысячный сброд скелетов уже скребёт подошву Араула. Белоснежные кости колышутся волнами и всей своей массой карабкаются в гору. Крики и возгласы ненависти и проклятий висят в воздухе. «Вперёд!» — кричит Мурад и вскакивает на белого коня. И конь несётся вперёд. От топота искромётных копыт гремит гора, обнажённые мечи свистят, как молнии. Теперь от потрясающего землю грохота волнуется гора. Но хаос остаётся внизу, мечи — вверх, к небу, даже выше взлетевших с гор трёхклювых грифов...

Я остаюсь без коня, только с уздой и седлом, и хотя скольжу среди облаков, но всё ниже и ниже. Внизу уже различаю обширные ряды серых гор. Я знаю эти горы, это ущелье Эомерзаде. Осторожно спускаюсь вниз и приземляюсь. Наверное, здесь жили тысячи поколений сов, и есть только один скелет, чей дух медленно вьётся, как упорно ползущий вверх паук.

— Ты кто?

— Не помнишь? — говорит он, с удивительной быстротой разрывая землю клешнями...

Нет, я его не помню.

— Возмийский Симон, — говорит он и сам себя закапывает собранной по краям землёй. Через мгновение снаружи остаётся только его череп, который неморгающе смотрит на меня тёмными глазницами и беззвучно смеётся, сомкнув челюсти. Ужас охватывает меня.

— Господин Симон, — кричу я и просыпаюсь от собственного голоса...

* * *

Рассвело. Договорились, что Айко будет держать под наблюдением магазин Джемаля Азми, Хазор — явочное место Ухланда, а я — дом номер 4 на Гартенберг. Но было ещё рано. Ваза был дома, спешил на работу. Несколькоими словами я рассказал ему о вчерашней встрече и попросил вечером прийти к Хазору для совещания.

Оттуда я дошёл до гостиницы «Тиргартен». Я думал, что если мой напарник не оставил ключей от номера, взломаю дверь и возьму конверт с фотографиями. Мне был необходим фотоснимок Талаата. Я был уверен, что если сотру усы, оставив под носом маленькую полоску, и вместо фесы чернилами нарисую европейскую шапку, получу образ вчерашнего «нового человека».

Дверь была закрыта. По коридору проходил один из знакомых гарсонов. Увидев меня, он мягким круговым движением набросил на руку салфетку.

— Господин отбыл.

— Куда?

— В Лейпциг.

— Жаль, я хотел взять своё бельё.

— Ключ у него...

На перекрёстке начала улицы Гартенберг и широкого проспекта в это время было довольно оживлённо. Там, в ста шагах напротив меня был дом номер 4, который выделялся в ряду остальных домов своей схожестью с виллой, с выходящим на улицу балконом и стелющимся вдоль тротуара ограждённым железными прутьями цветником. Немного погодя оттуда вышел «мрачный тип» с корзиной в руке и пошёл в сторону магазинов. Вот оно что, значит, этот бесцветный тип проживает здесь, а не на Ухланде. В 10 часов на тротуаре появился «новый человек». Со мной произошло то же. Я не мог оставаться на месте: он притягивал меня, как магнит. Одно мгновение он внимательно посмотрел вверх и вниз по улице, словно решая, куда идти, и, помахивая тростью, решительными шагами пошёл вниз. Пройдя две соседние улицы, он дошёл до дома номер 47 Ухланда, мельком взглянул на противоположный тротуар, где шёл я, и вошёл в дом. Удивительно, что до этого мы его там не замечали...

Хазор только подходил.

— Ночью я не сомкнул глаз, опоздал. Что ты здесь делаешь?

— Пришёл.

— Кто?

— Он...

— Когда?

— Только что. Следи только за ним. Вечером, в 9 часов к тебе должен прийти Ваза, надо посоветоваться. Сообщи Айко.

Я побежал в «Тиргартен» выяснить, не прибыл ли мой напарник 9-часовым поездом. Его не было... Вернулся на Гартенберг. В 11 часов «новый человек» возвратился домой. Хазора не было. Видимо, не заметил, как тот ушёл с Ухланда...

— Сегодня было бесчисленное множество посетителей Ухланда, и я не понял, как его упустил, — сказал вечером Хазор очень подавленно.

— Кто там был?

— Кроме доктора Назыма все были новые, незнакомые люди.

— Когда Назым ушёл?

— Он был там едва четверть часа.

— Хоть бы я проследил за ним.

— Кто знал, что так получится...

Вошли Ваза и Айко. Выяснив, что «новым человеком» действительно является Талаат, я предложил покончить с ним. Молчание прервал Хазор.

— Этих оснований для решения вопроса недостаточно. Правда, оттягивая, мы можем его упустить, но будет хуже, если ошибёмся.

— Почему?

— Во-первых, если это не он, то он бесследно исчезнет. Потом, если вместо него будет убит другой, думаю, мы не сделаем ничего хорошего.

— Предполагаешь, что этот другой твой кузен?

— Не горячись, — вмешался Ваза, — пусть договорит.

— Короче говоря, дело продвигается хорошо, надо продолжить и, после того как будем полностью уверены, завершить. Думаю, что подобной уверенности у нас нет. Во всяком случае, я пока не имел возможности хорошо осмотреть его лицо и сопоставить с фотографией. В этих условиях я не могу взять на себя ответственность.

— Твоё мнение? — обратился Ваза к Айко.

— Я бы сказал то же самое. Мы ещё не имели времени, чтобы выяснить, кто проживает в доме на Гартенберг.

— Как мы это выясним?

— Хотя бы через квартальную контору. Ведь все жители Берлина должны быть зарегистрированы в соответствующей квартальной конторе.

— Не наивно ли полагать, что Талаат регистрируется под своим именем? — сказал я.

— Может быть, но хотя бы выяснится, кем является тот турок с мрачной физиономией, который проживает с ним в доме, а также — кто ещё там проживает. Ведь всё это может подтвердить или опровергнуть наше предположение.

— Хоть Айко и поэтическая личность, но говорит, как учёный, — сказал Ваза, — вопрос серьёзный, мы не убийцы. С этой точки зрения ошибка может иметь роковое значение. В квартальной конторе этого района у меня связей нет, а в полицию обращаться опасно. По моему мнению, Талаат здесь пользуется покровительством полиции. Но вопрос можно решить, обратившись к хозяину дома. Разрешите, завтра я попытаюсь сделать это. Ты удовлетворён? — обратился он ко мне.

— Мне всё равно.

— Так не пойдёт. «Да» или «нет».

— Против ничего не имею, попытайся.

— Кому принадлежит тот дом?

— Откуда мне знать?..

Я был истерзан, разбит и провёл тяжёлую ночь. Утром проснулся от лёгких шагов. Пользуясь случаем, фрау Штелбаум уносила мои туфли, чтобы почистить. Добрая женщина думала, что я болен, уговаривала меня остаться дома, так как погода была очень плохая. И действительно, шёл снег, был лёгкий ветер. Я дошёл до «Тиргартена». Мой напарник ещё не приехал...

В верхней части улицы Гартенберг было так мало прохожих и так холодно, что я был вынужден постоянно двигаться. Более часа я блуждал там. Я думал, что «новый человек» навряд ли выйдет из дома в эту погоду, как вдруг он появился, внимательно осмотрелся вокруг и пошёл вниз по улице. Шёл он быстро, наклонив голову, защищаясь от порывов ветра со снегом. Дошёл до Ухланда и вошёл в дом. Хазор был там. Я послал его на Гартенберг. В этот день визит «нового человека» длился полчаса, и он снова пошёл домой, где Хазор увидел его, переходя улицу навстречу ему. Мне стало ясно, что визиты осуществляются в 10—11 часов.

Вечером я был у Вазы. Немного ранее, в кафе-ресторане я узнал от Айка, что Ваза смог увидиться с хозяином дома на Гартенберг и результат был отрицательный: там проживает турок-торговец, который содержит восточное кафе. Теперь Ваза рассказывал:

— Хозяйка дома — одна старая дева по имени Гертруда Голд, многословная, рассеянная, но приятная собеседница, проживает в своём втором доме, в том же районе на улице Фазане. Я представился агентом швейцарского страхового общества, попросил предоставить мне в аренду дом номер 4 на улице Гартенберг, который, якобы, как мне известно, скоро освободится. Она сказала, что ей об этом неизвестно, фактически этим делом занимается привратник. Но она, желая быть полезной, достала из ящика кипу бумаг и поискала договор. Отметила, что это недоразумение, так как по договору аренда имеет срок ещё три месяца. Я, извинившись, встал, чтобы уйти.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала фрейлейн, — сколько комнат Вам нужно?

— На первое время достаточно две-три комнаты, пока найду квартиру в этом районе.

— В таком случае, может, Вы договоритесь с арендаторами. Дом довольно просторен. При входе имеется маленькая прихожая, с правой стороны которой имеются две больших и одна маленькая комнаты. С левой стороны имеется ещё одна маленькая комната. Из остальных комнат — одна гостиная, другая столовая. Я не буду возражать, если передняя с двумя комнатами будут предоставлены вам. Думаю, они с удовольствием вам уступят. В их распоряжении имеются девять комнат — целый этаж — и, как мне известно, у них очень мало мебели. Там всего проживают три человека. Такой роскоши теперь не могут себе позволить даже наши министры.

— Я воспользовался тем, что фрейлейн сделала паузу, чтобы передохнуть, — рассказывал Ваза, — и сказал: «Да, фрейлейн, но очень трудно арендовать совместно комнаты. Кто знает, что это за люди?»

— Нет, спокойные люди, степенные турки. Один — разорившийся бывший торговец, который теперь, кажется, содержит восточное кафе. Его имя... имя... нет, забыла. Это такой большой, тучный (фрейлейн надула щёки), словно грузчик. Другой — доктор по имени Рысук, но что за доктор, не знаю...

— А третий?

— Жена Али Салих бей. Ах, вспомнила! Али Салих бей — это имя бывшего торговца. Такая привлекательная, такая красивая, очаро-

вательная женщина, — улыбаясь, сказала она, — когда я спросила, кто она, привратник сказал, что это жена Али Салих бея. Так я и запомнила. Ах, какая красивая, ну просто восточная богиня. Но дайте слово, что не влюбитесь, — сказала она, интимно погрозив мне пальцем, — хотя подождите, думаю, что вести переговоры Вы будете не с ней. Да, да, — сказала она, посмотрев в договор, — дом арендовал секретарь турецкого посольства Зия бей. Он и подписал договор. Значит, следует обратиться к нему.

— Бесплезно, фрейлейн, — сказал я.

— Почему?

— Очень просто, фрейлейн, если у турка есть жена, ни в коем случае он под своим кровом не будет держать постояльца. Это претит их закону.

— Что вы говорите! А причина?

— Причина... Не дать повод искушению.

— Великолепно! Не находите, что хороший закон?

— Как сказать. И хорош, и плох...

— Почему так?

— Хорош, пока турецких женщин держат подальше от искушения. Плох, когда у них глаза на стороне...

Вот так завершил свой рассказ Ваза.

— Я еле сумел освободиться от этой разговорчивой женщины, да и то только пообещав посетить её ещё раз. Ну, каково твоё мнение?

— Я думаю, что Талаат проживает там под вымышленным именем Али Салих бея.

— Как это?

— Так...

— Объясни свою мысль.

— Объяснять нечего. Такие, как Зали бей, не арендуют дома для разорившихся торговцев, и более красивой женщины, чем жена Талаата, я не знаю.

— Откуда знаешь?

— Видел фотографию.

Ваза впал в глубокую задумчивость.

* * *

Утром рано я побежал в «Тиргартен». Мой напарник вернулся.

— Наконец!

— Он здесь? — воскликнул он.

— Да!

— Знаешь, где он?

— Конечно!

— Слава Богу...

Я детально рассказал всё, начиная с вокзала, до последнего момента. Он жадно слушал.

— Который час?

— Четверть десятого.

— Вставай, пойдём, чтоб не опоздать.

— Время ещё есть. Дай мне одну из фотографий Талаата.

Он вынул из ящика конверт с фотографиями.

Поискав и вытянув фотографию начальника полиции Константинополя Бедри, спросил:

— Не похож на него этот «мрачный тип»?

— Нет, того фотографии у нас нет. Дай фотографию Талаата, — сказал я, открывая перочинный ножик.

— Интересно. Говоришь, Рысух? — сказал он, передавая мне фотографию Талаата, — не слышал и не читал подобного имени... Положди, что делаешь?

— Хочу стереть усы...

Вдруг в дверь постучали. Я спрятал фотографию за пазухой. Это был служащий гостиницы, который принёс письмо, заявив, что получил его два дня назад. Это была шифровка из Парижа. С томительной медлительностью выявлялись беспорядочные цифры. В письме говорилось о нашем вопросе. Первыми словами было: «От европейского друга мы узнали, что Талаат...»

Наконец, содержание расшифровалось. Талаат находился в Женеве. В начале февраля он имел там встречу с одним английским дипломатом...

Эта шифровка меня ошеломила.

— Когда написана?

— Десять дней назад.

— Много времени...

— Да, вопрос в этом...

— Когда получена?

— Служащий гостиницы сказал правду, два дня назад...

Охваченные сомнением, каждый со своими мыслями, мы вышли. Но было уже поздно. Ни на Ухланде, ни на Гартенберге Хазора не было. Я показал напарнику дом так называемого Али

Салих бея. Мы расстались, договорившись встретиться вечером. Добравшись домой, я закрыл дверь и начал стирать усы Талаата с нетерпением искателя клада, но не вышло: в дверь постучали. Это был Эфтян.

— Ты где пропадаешь? — крикнул он, простирая руки, — быстро одевайся, идём.

— Куда?

— Сестра пригласила тебя на обед.

— Мне сегодня нездоровится, Левон.

— Невозможно! Без тебя я не смогу пойти домой.

— Как-нибудь в другой раз...

— А ну вставай! Сегодня день моего рождения.

— Нашёл время родиться, — сказал я, скрывая под шуткой своё недовольство.

— Скорей, скорей, Абелян и Галстян, наверное, уже там, Гарегин тоже придёт.

— Кто такой Гарегин?

— Гарегин из Муша, не знаешь? Он тебя знает...

Словно во сне, вспомнил я дорогу из Эрзрума в Ерзнка и нашего возникшего — мушского Гарегина.

— Что он делает здесь?

— Что должен делать? Днём и ночью его мысли и разговоры о резне, почти обезумел...

В столовой сидели Терзибашяны и Гарегин. Хозяйка пожурила меня за то, что я «их позабыл».

— Вот это да! — воскликнул Гарегин, обхватив меня своими медвежьими лапами.

В этот миг трагические дни показались мне такими близкими. Весь мир исхожен. Теперь он в пригороде Берлина выполнял чёрную работу на каком-то лесозаготовительном заводе. По-видимому, он рассказывал о прошлых событиях. Удовольствовался парой-тройкой вопросов об Овнине, Сааке и обратился к своей теме.

— Значит так, ещё не рассвело, как я задал стрекача...

— А как же твои мать и сёстры? — поинтересовалась госпожа Кристинэ.

— Моя мать и сёстры с малышами находились среди депортированных в долине Муша. Я потом узнал, что они перенесли...

И Гарегин описывает в душераздирающих подробностях Голгофу своих родных, сыпая многочисленные проклятия на голову Талаа-

та. Разъярённый, я с нервным нетерпением ждал, когда закончится этот рассказ, который напоминал мне судьбу моих родных.

— Мои все три сестры были похищены на подступах к Евфрату, малыши остались у моей матери. Под вечер умер Сурик. Моя мать, видя, что не в состоянии нести малышей, спряталась в полях пшеницы. Там они провели ночь вместе с другими беженцами. Утром их заметили и подожгли поля. Тех, кто выжил, погнали в хлева Шехлана, где были собраны другие беженцы. Им сказали: «Талаат дарит вам жизнь, но вы должны принять ислам...»

— Ради Бога, оставь эти старые истории, — обратился я к Гарегину.

Его словно обожгло ударом плети. Выпучив глаза, он злобно выкрикнул:

— Почему? Что, нервы не выдерживают?

— Уже не могу всё это слышать. Проклиная Талаата, нашу рану не вылечить.

— А что ты хочешь? Памятник поставить этой собаке?

— Вины мы, а не Талаат, в том, что после резни в Адана поверили ему.

— Что ты сказал? Я твоего Талаата... — вдруг закричал он, ударив кулаком по столу.

— Замолчи, негодник, — вскрикнул Эфтян.

— Что это за армянин, если защищает Талаата...

В один миг поднялся такой переполох, что я уже проклинал свой приход. Вошли Галстян и Абемян и, ошеломлённые, остановились на пороге. Гарегин, уже не контролируя себя, вскочил и, выхватив шапку из рук Эфтяна, выскочил, крича:

— Я с таким армянином за стол не сяду, извините, госпожа Кристинэ...

Я дрожал, взволнованный до слёз этим неожиданным безумным эпизодом.

— Он безумен, не придавайте значения, — сказал Галстян...

Попытки Эфтяна, Абеяна, Терзибашянов поднять настроение не удалось. По окончании обеда я извинился перед хозяйкой и ушёл.

Придя домой, начал скрести усы Талаата. Явная схожесть с Али Салих беем меня потрясла. А когда я поверх фески карандашом пририсовал европейский головной убор, никаких сомнений не осталось...

Взяв фотографию, я побежал в «Тиргартен». Мой напарник только вернулся из столовой и изучал газетные новости. Я крикнул, как сумасшедший:

— Это он, поверь! Вот, пожалуйста, если помнишь, на вокзале... Он мельком взглянул на фото.

— Теперь и я не сомневаюсь. Хотя шифровка привнесла некоторую путаницу, но я понял...

— Как?..

— От Хазора я узнал, что и сегодня Али Салих бей точно в 10 часов посетил явку на Ухланде. А ты говорил, что до появления на вокзале он там не был.

— Да.

— Значит он в то время был в Женеве, где и встречался с английским дипломатом. Дата шифровки подтверждает эту мысль.

— Значит?

— Мы должны завершить дело. Но до этого надо ещё раз увидеть его.

— Завтра...

— Да, но надо быть очень осторожными. Берлин снова беспокойный, малейшая случайность может всё испортить. Неправильно следовать за ним по улице. Надо бы найти комнату в этом районе.

— Было бы очень хорошо, но сейчас, когда вопрос решён...

— Сейчас начинается самое трудное. Теперь в твоём появлении там нет необходимости. И Хазора на Ухланде надо заменить Айко. Появление одного и того же человека может быть замечено. В общем, сейчас придут товарищи, посоветуемся.

— Опять совещание?..

— Да, необходимо принять окончательное решение.

Друг за другом появились Хазор, Айко, Ваза. Начали обсуждать вопрос прекращения наблюдения и перехода к активным действиям. Это словно стало неожиданностью для товарищей. Насколько легко они занимали позицию при предварительной работе, настолько теперь они затруднялись высказать определённое мнение. Ваза считал, что хотя факты налицо, они недостаточны для принятия окончательного решения, хотя неизвестно, что ещё надо уточнить. Айко считал, что необходимо подождать, увидеть жену Али Салих бея и, сверив по фотографии жены Талаата, установить личность мужа. Хазор был почти уверен, что наблюдаемый — Талаат, но, считая это вопросом совести, не хотел брать на себя такую ответственность.

В конце концов решили найти комнату в районе дома номер 4 на Гартенберг как для продолжения наблюдения, так и для успешного завершения дела. Хотя не этого я ожидал, но промолчал.

Было под вечер воскресенья 2 марта. Хазор сразу же взялся за дело. Это был энергичный, сметливый, добросовестный человек — незаменимый в любом организаторском деле. Едва прошло после совещания два-три часа и мы готовились пойти поужинать, как он, запыхавшись, ввалился в номер. Сообщил, что прямо напротив дома номер 4 на Гартенберг, в доме номер 37 он нанял комнату, окно которой выходит на улицу. Комната освобождалась через три дня. Поселиться можно 5 марта.

Утром я был свободен. На Гартенберг должен был пойти мой напарник, следить за магазином Азми — Хазор, на Ухланд вместо него пошел Айко, который в полдень должен был увидеться с моим напарником. Но как до этого убить время? Я почистил, убрал мою комнату и, вопреки возражениям фрау Штельбаум, помыл коридор. С работы раньше времени пришёл Абелян, который принёс неприятные известия: в Армении началась гражданская война; турки ещё остаются в Александрополе; в подвластном им Карском районе имели место расстрелы, а в районе Джаджура — новая резня...

Во второй половине дня неприятностей прибавилось. Так называемый Али Салих бей в этот день не появился: мой напарник его не видел. Среди посетителей Ухланда Айко опознал только Бехаэдина Шакира. Что означало его возвращение из Рима и отсутствие в этот день Талаата? Все предположения и вероятные версии отпадали, и оставалось только подозрение, что выслеживаемые что-то учуяли, но в этом случае возникало сомнение, что человек, увиденный Айко, действительно был Шакир. Во всех случаях возникла необходимость два-три дня не появляться в районе Гартенберга, тем более что с переездом на новую квартиру нужда в этом отпадала.

Вечером следующего дня я зашел к Абеяну и попросил сообщить фрау Штельбаум, что перехожу на новую квартиру.

— Я чувствую себя плохо, моя болезнь осложняется: общая слабость, головокружение, а теперь ещё и признаки наступающей слепоты. Вчера я снова был у проф. Касисера. «Всё это следствие нервного расстройства», — сказал он. Мне противопоказано газовое освещение, и я действительно по вечерам не могу читать

ни строчки. Теперь вынужденно нанял квартиру с электрическим освещением. Я заплатил фрау Штельбаум за этот месяц, очень доволен ею и должен был остаться, если бы не это обстоятельство. Прошу всё это разъяснить фрау, мне самому это сделать трудно...

К вечеру следующего дня я в сопровождении Хазора переехал, пообещав навещать фрау Штельбаум, которая была огорчена в связи с моим переселением.

Моя новая хозяйка, ещё молодая вдова фрау Дитман, по-видимому, не уступала ей своими достоинствами: всё чисто, со вкусом. Она имела горничную. Квартира была тихая и оставляла впечатление монастыря. Вход был со двора, через скромную железную дверь, которая открывалась и закрывалась защёлкой. Моя комната была просторной. Широкое большое окно было прикрыто роскошной занавесью, украшенной кружевами. У кровати стояла тумбочка, имелся письменный стол, кресло, шкаф, стулья и т.д. На противоположном тротуаре широкой улицы, прямо напротив, стоял дом Али Салих бей. Тяжёлые занавеси окон, провисая, создавали прореху в центральной части. В этот момент на улице было достаточно много прохожих — рабочие, служащие возвращались с работы. Почти все старались не тратить зря время: кое-кто шагая читал газету, кое-кто ел...

Ночью сон не шёл ко мне. Я был под впечатлением противоречивых чувств: с одной стороны, волновал факт, что я достиг порога моей цели и меня от чудовища разделяет расстояние всего в 25 метров, с другой стороны, мучали сомнения в удачном завершении дела. Свет в доме напротив горел до поздней ночи.

Рано утром я прибрал в комнате и, положив для вида перед собой учебник немецкого, занял место у письменного стола. Был ясный весенний день. Лучи солнца играли на окнах дома напротив. В дверь постучали, вошла горничная с чаем и бутербродом. Не прошло и получаса, как на тротуаре показался так называемый Али Салих бей. Так неожиданно рано! Не было девяти часов. Он по привычке огляделся по сторонам, под мышкой держал папку. Я сразу же взял оружие и вышел. Когда я подошёл к выходу, он был почти напротив меня, шёл вверх по противоположному тротуару в сторону начала Гартенберга. Это тоже было необычно. Я быстро дёрнул дверь, но она не открылась. С силой повторил попытку: тот же результат. Я вспомнил, что должен предварительно повернуть ручку защёлки. Но она не поддавалась. Потеряв голову, я начал с силой

ломиться в дверь. Побежал за горничной. Подошла горничная, но дверь не открывалась...

Прошло более десяти минут, когда удалось невероятными усилиями повернуть ручку и выйти. Но куда там! Его и след простыл...

Растерянно осмотревшись по сторонам, я пошёл в сторону зоологического сада. Бессмысленно. Я остановился. Потом подумал, что он мог параллельными улицами пойти в Ухланд. Я пошёл туда, подождал более получаса, никто не появился, хотя было самое время. Прошло ещё полчаса. Мой мозг перестал работать. Неужели упустил?..

Может, преступник пошёл в магазин Азми? Я прошёл через площадь, впервые на расстоянии одного шага видел этого другого монстра. Он даже не повернул голову — читал газету. У меня появилось огромное желание вогнать пулю ему в лоб. Из просвета между висящими коврами появился его сын. Я купил пачку табаку и вышел.

Был полдень. Я не знал, что делать. Вокруг было множество полицейских. Описав круг, я пошёл в столовую. Мой напарник сидел на привычном месте и изучал газеты. Я сообщил ему свои сомнения: вдруг объект убежал.

В течение пяти-шести дней раньше 10 часов он никогда из дома не выходил. Шёл в Ухланд и в 11 часов возвращался. Сегодня вышел раньше 9 часов, с папкой. Он, конечно, мог пойти куда-то на встречу. Например, в английское посольство. Всё могло быть.

Я возвратился домой. Какой-то мастер разобрал и отремонтировал дверь...

Глава 8

Монстр низвергнут на тротуар

Утром с рассветом я сидел перед письменным столом. Комнату я прибрал, чтобы мне не мешали. Сидя перед открытым учебником, я смотрел на дом напротив, на улицу примерно в 25 метров шириной. Было ещё рано: рабочие, ремесленники, служащие спешили на работу. Изредка с шумом проезжали грузовые автомобили. Сквозь узкую щель между занавесками моего окна я старался что-либо рассмотреть в доме напротив, но безрезультатно. В дверь постучали, вошла горничная с чаем, за ней появилась фрау Дитмар. Я так смутился, словно был застигнут на месте преступления. Фрау старалась казаться более молодой и привлекательной, чем фактически могла быть. Из разговора сквозь улыбку ничего не понимаю. По жестике-лязии догадываюсь, что речь идёт об испорченном дверном замке, который уже починили. Она передаёт мне ключ, за что платить не надо.

— Спасибо, — сказал я, прекращая разговор...

Настало 10 часов, 11. Из дома напротив никто не вышел. В полдень от напарника узнал новость — из Парижа поступила запоздалая шифровка: из Константинополя сообщили в Париж, что Талаат проживает в Берлине, в доме номер 4 на Гартенберг под именем Али Салих бея. Очень важная новость...

Сидя без движения в своей комнате, я часами следил за домом напротив. Свет там не зажётся...

Утром я встал с постели такой разбитый, словно всю ночь шагал. Насморк, ломота, температура, было неприятно. С нетерпением ждал 10—11 часов. Никого и ничего. Даже было подозрительно, словно никто не проживал в этом доме.

В полдень мой напарник, сидя у окна, выходящего на магазин Азми, читал отдел новостей газеты.

— Если бы это было так легко, в течение трёх лет уже было бы исполнено, — сказал он, выслушав мои сетования.

— Я предлагаю отправить Вазу к хозяину дома.

— Зачем?

— Чтобы узнать, живут в этом доме или нет.

— Самый надёжный способ проверки — это наблюдение...

Ночью в передней дома напротив засветился огонёк, как от лампы, и погас...

На следующий день я по привычке сидел до 11 часов. Теперь не было сомнения, что Талаат сбежал. Не было видно «мрачного типа», так называемого Рысуха. В полдень я предложил восстановить наблюдение на Ухланде.

Ночь я провёл изнурённый и истощённый кошмарными снами: какая-то толпа, ажиотаж, крики, погоня и огромная собака, которая преградила мне путь...

Утром после 10 часов стены комнаты меня словно душили: какое роковое значение имела эта несчастная шеколда на входной двери...

В полдень настроение моего напарника было приподнятым. На Ухланде Хазор среди нескольких посетителей определённо узнал Бехаэдина Шакира.

— Если он здесь, значит, и Талаат скоро появится.

— А почему не предположить, что и Шакир может уйти?

— В таком случае он уже должен был отбыть, потому что если Талаат сбежал, то и Шакир должен был подумать о своей безопасности.

В его словах была логика и я, снова набравшись терпения, возвратился домой.

Ночью во сне я увидел свою маму. Как будто я из Ерзнка уезжаю на Балканы. Невестки суетятся у дымного закопчённого тonyра: они готовят мне запасы еды в дорогу. Моя мать сидит на коленях у тonyра на плоской подушке, малыши окружили её со свежим хлебом в руках. Множество мух роится у рта и вокруг головы Маргара, потому что на его хлеб намазан мёд. На дворе предрассветные сумерки, жаворонки расправляют крылья. Когда мой хурджин наполняется, беру его на плечо и говорю: «Счастливо оставаться».

В это время мама встаёт и выходит вместе со мной. Молча идём. Её присутствие досаждало, я хотел бы уже расстаться, чтобы не думать о ней.

— Мать, ты куда? — говорю.

— До Святого Ншана, сынок, я дала обет проводить тебя до этой церкви.

Дошли до Святого Ншана. Мама, как слепая, ощупывает моё лицо, плечи, руки и шепчет:

— Вот так, по одному выращиваю вас, вы обретаёте крылья, улетаёте, а я остаюсь одна-одинёшенька.

— Иди домой, — говорю я ей и продолжаю путь.

Прямо по направлению Святого Ншана на горизонте появляется яркий солнечный диск. Вдруг сзади слышу дрожащий зов мамы.

Посмотрев назад, вижу, что она ещё стоит там. Поворачиваюсь к ней.

— Что скажешь, мать?

— Уходишь? — говорит она еле слышным голосом.

— Конечно, сказал тебе, чтобы шла обратно?

Тогда мама медленно шагает домой. Через несколько шагов она мотает головой и ускоряет шаги.

— Мама! — кричу я. Но она больше не оборачивается, идёт, идёт, бежит и вдруг исчезает...

Было утро. Я не смог успокоить свои возбуждённые нервы и заплакал, как ребёнок...

На следующий день около 11 часов у тротуара дома напротив остановилась автомашина. Моё сердце сильно забилося. Из автомашины вышли Рысук с мрачным лицом и молодая женщина в чёрном пальто. Пока первый расплачивался, женщина легко впорхнула по пяти-шести широким ступеням и, повернув ключ в двери, вошла в дом. Я вздохнул: без сомнений это была жена Талаата. Почти два часа, окаменев, я стоял у моего окна. Но больше никаких движений не было. Было необходимо оповестить напарника об обнадёживающей неожиданности.

Выслушав эту важную новость, он, в свою очередь, сказал, что получил шифрованное письмо авиапочтой из Америки. Товарищи, повторяя сведения из Константинополя, просят всеми возможными способами завершить дело Талаата. Для наказания остальных преступников осуществляются меры, и эта проблема не должна нас отвлекать. Шифровка была ответом на наш запрос, сделанный в начале февраля.

Утром 13 марта на тротуаре появилась жена Талаата и медленно двинулась вверх по улице. Ещё в Константинополе я знал, что она женщина не без способностей и интересуется политикой. Она принимала участие в делах мужа, когда он был простым телеграфным служащим, министром внутренних дел, великим визирем. Говорили, что она даже имела большое влияние на своего супруга. Была известна как публицист. Её знали в узком кругу младотурок. Иногда могла с открытым лицом без покрывала показаться на улицах Константинополя. Тем не менее, я без удовольствия вышел выяснять, куда она идёт. Было неприятно следить за женщиной.

Она дошла до зоологического сада и вошла туда. Была весна, вышедшая из-под снега трава была словно вымытая, очищенная. Но

с аптекарской точностью разбитые грядки и ровно подстриженные кусты больше возбуждали интерес, чем доставляли удовольствие. Она медленным шагом шла в сторону фонтанов, где вода струями поднималась и ниспала дождём, орошая мелкими брызгами мраморные покрытия вокруг. Вдруг моё сердце наполнилось тоской по нашей родине, по мутному Евфрату, который, протекая между островерхими, достигающими облаков горами, ревьёт, словно тысяча тигров, и затем, вспенившись от злости, выскакивает наружу, растекаясь широким потоком...

Женщина дошла, остановилась у фонтанов, как многие. Гертруда Гольд была права — она красива: бледное лицо, большие красивые глаза, чёрные пышные волосы, маленький рот, стройная, женственная, похожа на армянку. Ясно, что её ничто не интересует, кроме окружающей красоты. И хотя с её ведома и по приказу её мужа в пустынях были осуждены на голодную смерть и зачали в гаремах десятки тысяч таких, как она, тем не менее она пользуется правом мирно наслаждаться благами природы.

Я возвратился домой...

В следующий полдень я узнал от Хазора, что в этот день Ухланд напоминал место паломничества — так много было посетителей. Там были Бехаэддин Шакир, доктор Назим, Исмаил Хагк, доктор Рысук, даже Джемаль Азми и ещё шесть-семь незнакомых лиц. Несомненно, скоро должен появиться и Талаат...

Я снова возвратился домой. В коридоре я столкнулся с фрау Дитман. Она была более чем любезна, но я не смог установить с ней те простые соседские отношения, как с фрау Штельбаум. Она всегда приводила меня в замешательство, и чем больше я желал прояснить, тем труднее понимал её слова. Да, я здоров, учёба — нормально. Не знаю почему, но она предполагает, что со мной случилось несчастье, или я её не понял, и она улыбается. Я захожу в комнату...

К вечеру на улице появился Рысук с корзиной и скоро возвратился. Больше дверь дома напротив не открывалась. С наступлением тьмы в фойе зажгётся свет, но сразу потух и зажгётся в комнате, расположенной в левой части балкона. Но и здесь долго не задержался, и дом опять покрылся мраком.

Утром я встал раньше обычного. Наверное, лучи солнца уже достигли окон дома напротив. Я только позавтракал и хотел пододвинуть кресло к окну, как вдруг на балконе увидел Талаата. Я окаменел. Он ли это? Да!..

Он сделал на балконе пару шагов, внимательно изучил тротуар сперва вверх, затем вниз по улице и, словно под тяжестью каких-то мыслей, опустил голову. По-видимому жизнь его была нелёгкой после совершённого неопишемого преступления. Во всяком случае, хоть и прошло пять-шесть лет, но страх не отпускал его. На своих широких плечах он нёс два оглашённых смертных приговора: Военного трибунала Константинополя и Армянского революционного союза. Первый для него, вероятно, имел моральное значение: вместо того чтобы возвеличить его дела за «преданность нации», в его родном государстве его приговорили к смерти, словно обычного преступника. Но время могло бы уладить это «недо-разумение», будущие поколения оценили бы совершённое, если бы... Если бы не было приговора Армянского революционного союза. Всё-таки не смог он уничтожить всех руководителей этой партии. Но кто остался из тех, кого он знал? Фактически — один человек, Гарегин Бастрмаджян. Помнил ли он свою последнюю беседу с ним?..

Он поднял толстое, как коромысло, запястье, потёр рукой лоб, вошёл в комнату. Я посмотрел на часы. Было 10 часов. Обычное время его посещения Ухланда. Я взял оружие и приготовился выйти. Вдруг он появился в дверях и слоновьей походкой пошёл вниз по улице. Когда я вышел на улицу, он по противоположному тротуару направлялся в сторону Ухланда. Холодный рассудок говорил мне, что на этот раз он не сможет ускользнуть от меня, но разные чувства переполняли меня:

— Иди, беги, перейди улицу и в спину, в затылок, в голову, быстро, перейди улицу...

Я сошёл с тротуара на мостовую, чтобы зайти сзади, но вдруг что-то меня удержало. Предельно ясное для меня ранее, в этот раз представилось сомнительным: «Он ли это?».

— Иди навстречу, навстречу, навстречу, прямо в лоб, быстро, быстро, беги...

По противоположному тротуару я поравнялся с ним, быстрыми шагами намного обошёл, перешёл улицу в сторону его движения. Обернулся. Мы приближались друг к другу. Он шёл прогулочным шагом, небрежно помахивая тростью. Осталось маленькое расстояние, и удивительное спокойствие охватило мою сущность. В момент сближения Талаат резко взглянул на меня, в глазах мелькнул смертельный страх. С последним шагом он отклонился, немного

наклонился, стараясь избежать (возмездия), но я мгновенно выхватил оружие и выстрелил в голову...

Талаат зашатался, словно от удара, и одно мгновение мощное тело вытянулось в струну, но задрожало, затем, словно подпиленный дуб, с грохотом упало ничком... Немного поодаль закричала и упала женщина, кто-то подбежал к ней... Абсолютно не думал, что с такой лёгкостью зверь распластается на земле. На одно мгновение появилось желание выпустить оставшиеся пули ему в спину, но вместо этого я отбросил пистолет. Чёрная густая кровь мгновенно собралась вокруг головы Талаата, словно из поломанного сосуда выливался мазут...

— Человека убили, — услышал я.

Я посмотрел вверх, вниз, напротив. Со всех сторон стояли люди и смотрели на меня...

— Он убил человека, держите, — закричал кто-то, протягивая в мою сторону руки...

Но лужица крови словно зачаровала меня.

— Держите, держите, — закричали другие...

Я прошёл мимо них, никто не посмел меня схватить. Но когда сзади меня крики усилились, окаменелые нервы вдруг отпустили меня и я бросился в соседнюю улицу. Для чего? Не знаю. С ужасным шумом люди преследовали меня. Я побежал. Кто-то, идущий навстречу, схватил меня...

Мог ли я избежать этого? Вероятно, если бы заранее об этом подумал и решил. Сразу же толпа окружила меня. Я не понимал, что от меня хотят, кричат, набрасываются, угрожая кулаками, хотя я ни с кем из них не имел дела. Кто-то меня начал тащить, другие — беспощадно бить. Чей-то вооружённый кулак обрушился мне на голову, в глазах потемнело. Чтоб не упасть, я встал на колени, кровь бороздила лицо, множество рук и ног били меня. От бессильной злобы я закричал:

— Что вы хотите? Я армянин, он турок. Какое вам дело?..

Вдруг толпа расступилась, какой-то полицейский поднял меня на ноги.

— Армяне, турки, — волновалась толпа.

Из раны у меня на голове струилась кровь. Подошли другие полицейские. Толпа отступила. Меня повели на Гартенберг. На тротуаре в том же положении лежал монстр. Множество людей, полицейские собрались вокруг.

Мы прошли...

Озверелые полицейские бросили меня в камеру полицейского участка Шарлоттенбурга. Потом появился какой-то служащий, забинтовал мне голову и вывел из камеры. Автомобилем меня перевезли в отдел секретной полиции. Здесь было множество чиновников и полицейских, один из которых провёл меня в более просторную камеру...

Я был охвачен таким душевным удовлетворением, какого не переживал никогда. Кошмар, свинцовым грузом долго давивший на меня, вдруг пропал. Словно всё изменилось, моя не скованная ничем душа парила вольно и свободно, и в сущности своей освободившиеся мысли блуждали по всем знакомым уголкам мира... Бог мой, как много ещё надо обдумать! Однако обрывки мыслей проносятся в моей голове со всех сторон, то возникая, то затухая...

Я был уже спокоен, когда меня препроводили к начальнику отдела. Ответил на вопросы, удостоверяющие мою личность. Но когда он начал допрашивать по существу, я при помощи моего французского попросил переводчика-армянина. Нашли человека, знающего французский, но я возразил, отметив, что мой французский недостаточен для точного ответа на вопросы. Меня отвели обратно в камеру...

К вечеру меня вывели. Один из двоих полицейских вынул из кармана моток крепкой верёвки, к концам которой были привязаны два круглых продольных деревянных бруска, удобных для использования в качестве ручек. Он верёвкой завязал мои запястья и деревянные ручки держал в руке. Мы вышли. В детстве таким образом я играл в «лошадки» со своими сверстниками. Другой полицейский присоединился к нам с бумажным пакетом. Пройдя ряд улиц, мы остановились перед зданием, на вывеске которого было написано: «Центральный полицейский участок». На втором этаже, пройдя несколько коридоров, полицейский с пакетом и я вошли в просторную комнату. Несмотря на наличие многочисленных служащих, здесь царил тишина. Люди были словно немые. Низкий и круглый мужчина принял пакет, в котором был виден мой пистолет и, внося в журнал мои данные, кивнул головой стоящему рядом служащему. Я вышел с ним. В коридорах виднелись подметающие и чистящие заключённые. Я был в тюрьме при полиции. Средних размеров камера, наверху маленькое окно, к стене прикреплена деревянная нара, которая была откинута, на противоположной стене прикреплены какие-то механизмы. Когда я потянул за один край, вдруг откинулся стол, за другой — стул, на котором я и устроился. На правой стене заметил

прибитый ящик, и хотя был очень уставший, встал и открыл его: одна тарелка, деревянная ложка, солонка, два сосуда из сырой глины, один из которых с водой, глиняная лохань для умывания, мыла не было...

В камере быстро сгушались сумерки. Подвешенная к потолку электрическая лампочка находилась очень высоко и включалась только снаружи. Обитая железом дверь имела отверстие диаметром в пять — шесть сантиметров, которое снаружи закрывалось подвижным деревянным язычком. Лёжа на кровати, я хотел оценить обстановку, но напрасно. Теперь во мне был хаос противоположных чувств: удовлетворение в связи с тем, что дело завершено; горечь, которая, наверное, неизбежна в тюрьме. И ещё я чувствовал боль от утренних побоев: бока были помяты, рана на голове пульсировала, кожа на коленях ободрана, моё тело горело в жару...

Вечером меня препроводили в комнату на втором этаже. Прямо перед входной дверью сидел служащий с козлиной бородкой за столом, на котором я увидел мой пистолет. Рядом стоял молодой человек с азиатской внешностью, который с гневным негодованием посмотрел на меня. Справа, за другим письменным столом другой служащий при свете лампы перелистывал бумаги. На углу стола, белой подкладкой вверх лежал окрашенный кровью европейский головной убор и трость. Бородатый служащий начал меня допрашивать. Я с трудом его понимал и после ответов на пару вопросов попросил переводчика с армянского. Следовательно, по-видимому, был настойчивым и продолжал поток вопросов, повторяя их в разном оформлении. Его интересовало, почему и как я убил Талаат-пашу. Но как я мог на эти вопросы ответить по-немецки, если уже решил описать осуществлённые чудовищем преступления и представить на международный суд авторов огромного преступления? Следовательно взял в руки пистолет и начал крутить у виска, затылка, чтобы выяснить, как я выстрелил. Не получив ответа, он положил оружие и посмотрел на молодого человека азиатского типа.

— Бесчувственный, как у тебя поднялась рука убить этого, подобного льву, человека? — по-турецки крикнул последний.

Его вопрос больше удивил меня, чем то, что он турок.

— Так же, как он убил один миллион невинных людей, — ответил я.

— Значит, знаешь турецкий? — воскликнул следователь.

— Даже лучше меня, — ответил молодой человек.

— Значит, можем с вашей помощью допросить.

— Спросите, пожалуйста, по какой причине он убил Талаата-пашу.

При повторе вопроса по-турецки голос молодого человека дрогнул. Я категорически отказался отвечать по-турецки на любой вопрос.

Молодой человек подошёл к другому служащему. Последний завернул шапку Талаата в газету и вместе с тростью вручил ему. Он вышел. Видимо, это был родственник или близкий друг Талаата.

Только теперь следователь предложил мне сесть, и отношение ко мне изменилось. Я смутно понимал, что теперь он говорит об армянской резне. Пару раз он употребил имя Лепсиуса. Я повторил просьбу пригласить переводчика с армянского.

В камере был свет, который потушили через четверть часа, и всё погрузилось во тьму. В тюрьме было так тихо, что, только внимательно прислушавшись, можно было услышать, что изредка очень осторожно по коридору проходит надзиратель. Я часами был занят тем, что и как скажу, если завтра меня препроводят на допрос с армянским переводчиком. Иногда множество мыслей создавали в моей голове ералаш, лишая возможности их упорядочить, иногда же словно все они куда-то вылетали, и голова моя гудела, как пустой бочонок...

Мне казалось, что необходимо начать с резни в Константинополе наиболее известных армян — общественных деятелей, членов собраний, парламентариев, революционеров, редакторов, учителей, врачей, провизоров, адвокатов, литераторов. Сам Талаат скрывался у них от преследования Абдул Гамида...

Здесь мне казалось, что сначала необходимо уяснить разницу между гамидовскими погромами и массовыми выселениями. «В чём здесь разница? — говорил я сам себе. — Гамидовские погромы длились четыре, пять, шесть дней, самое большее — неделю. Женщины и дети отчасти могли избежать смерти. Озверелая толпа, утолив жажду крови, увлекалась грабежом и разбоем. Этим обстоятельством многие пользовались и избегали смерти. Другое дело — массовая депортация. Она была похожа на длительное землетрясение, от которого никто не мог спастись: спящий или бодрствующий, на ногах или сидя. Оно было и было днём и ночью, пока не умрёт последний человек. Для каждого отдельного армянина оно длилось столько, сколько было необходимо, чтобы он умер от меча или от топора, или от пули — расстрелянный, или от жажды, или от голода, или от избиения, или сгорел бы и т.д. Вообще заранее невозможно было понять, что такое депортация. Её опасная суть стала проясняться впоследствии, когда полицейские приказывали бесконечно шагать, когда люди отдалялись от мест, где

они родились, и, оборачиваясь, видели, что дома уменьшились в размерах, когда уже не были видны купола деревенских церквей, когда ты посреди широкой степи и не знаешь, где ты...

Моя голова болела. Как болит голова! Даже самые отдалённые воспоминания не могу ясно воспроизвести. Я словно в огне, меня охватывает бредовое оцепенение. Не предпочтительнее ли начать непосредственно с распоряжения Талаата, вспомнить, например, события и выселения в Сиркеджи, Селимие, Сара-Бурну, Сенчанкё, Аяше, Галачке, Чанкри и др. Но как охарактеризовать эти события и кто поверит в истинность моих слов? В лучшем случае бородатый служащий может спросить:

— Очень хорошо, но как это в Турции не нашлось настоящего человека, который крикнул бы «хватит» и положил бы конец убийствам?

— Конечно, среди подчинённых были люди, которые опешили, читая приказ Талаата. Например, обернувшись в ночную сорочку, наместник Мазхар воскликнул: «О, извините, как я могу отдать приказ истребить невинных людей? Честь не позволяет этого, извините!» Но тут же селаникский Ариф, покраснев, вынимает из кармана бумагу и, показывая её, кричит:

— В таком случае наместник я! Где Гара-Мехмед, староста деревни Галай?

— Здесь, эфенди, — слышится во тьме среди собравшейся толпы. Свет луны высвечивает чалму, и тень, похожая на кочан капусты, падает на землю.

— 1200 из Экюри и 350 из деревни Станоц — всех армян вместе, — кричит Ариф. И упавшая на землю тень начинает двигаться. Стенания жертв достигают Габл Бела, кретский Зеки спешно зазывает им руки...

О, поверьте, я рассказываю вам истину, чистую, как солнце. Десятник Фишил оглу Рефик сбежал от ужасов увиденного, а чауши Хасан и Хуршит, сойдя с ума, начали рубить головы трупам. И так везде, по дороге от Сары-Гышла и Гония в сторону Адана-Хален, до Тигранакерта и гор Аманоса, тупика Айрапа, до Османие, Хасан-Бейли, Ислание, до Урфа. Нет, нет, послушайте, сперва позвольте вам описать героическую битву при Урфе. Это были молодые люди от 18 до 25 лет. Интеллигенты, ремесленники, патриоты, один честнее другого, самоотверженные, с надеждой на радужное будущее, цветущая молодёжь. Только один из них в последний момент проявил слабость:

— Ради Бога, расстреляйте, чтобы сразу умереть, — сказал он.

— Одежду снимите, понадобится. Тела засыпьте, — приказал тысячник Хало...

И как будто следователь говорит:

— Рассказывайте в общих чертах.

— В общих?

— Да, да, в общих, например, как начинались погромы вообще в городах.

— Вообще в городах?

— Да.

— Вообще в городах предоставлялось условно три дня, чтобы выйти в район резни. Каждый имел возможность взять с собой жену и детей или не брать.

— Как это взять с собой или не брать?

— Вот так.

— А если не шли в район резни?

— Строптивым за непослушание грозила смертная казнь.

— Где были районы резни?

— Во-первых, кровавые дороги: Адабазар — Пруса — Афион — Гарихисар — Гония — Мерсин; Гастемуни — Чанкри — Энкюри — Султанхан — Адана; Самсон — Марзван — Амасия — Сваз — Кесария — Мараш — Айнтап — Искендерун; Шабин Гарахисар — Ерзнка — Урфа — Хален; Трапезунд — Баберд — Эрзурум — Муш — Битлис — Рас-эль-Айн...

— Дороги оставьте.

— Ещё места большой резни — от сорока тысяч до ста шестидесяти пяти тысяч жертв: Погазлян, Юш-Тейирменляр, Каилы-Кечит, Тер-Зор...

— Довольно.

— Затем отдельные группы зарубленных топором, тяткой, распиленных, забитых лопатой, мотыгой, секирой, утопленных в реке, в море, заживо погребённых в колодцах...

— Хватит!

Бог мой, Бог мой, что творится со мной?..

* * *

Утром, когда открылись двери, вошёл обслуживающий — один из арестантов, который дружелюбно кивнул головой, улыбнулся, взял сосуд с водой и, немного погодя, вернулся со свежей водой

и стаканом с кофе. Это была горячая горькая ячменная вода без сахара, но бодрящая.

Через пару часов меня препроводили в какую-то другую комнату в канцелярском отделе, где я вдруг столкнулся лицом к лицу с Галустяном. Он взволнованно обнял меня.

— Абсолютно не беспокойся, вся диаспора встала на твою защиту.

Во время подобных встреч жизнь приобретает смысл, я сразу воспрял духом. Он взял с близстоящего стула принесённый для меня узелок со сладостями и печёным и в замешательстве отложил.

За письменным столом сидел добродушный мужчина в очках. «Господин Шельце, тайный советник Шарлоттенбургского суда, — сказал Галустян, — должен сейчас тебя допросить. Я приглашён в качестве переводчика».

Я начал хаотично вспоминать всё, о чём думал ночью, но следователь начал перепроверять составленный ранее протокол.

— Нет, я не персидскоподданный, — сказал я, когда он дошёл до этого пункта.

— Вчера вы так заявили, — удивлённо посмотрел на меня следователь.

— Да, в Берлин я прибыл с персидским паспортом, но я подданный Турции, из деревни Багарич района Ерзнка.

— Почему вы прибегли к этому подлогу?

— Это не подлог, а неизбежность. После резни ни один армянин не может получить турецкий паспорт.

Следователь слегка покачал головой.

— Где получили образование?

— В национальном колледже Ерзнка.

— Аттестата этой школы достаточно для поступления в здешний университет?

— Нет, я хотел стать вольнослушателем.

— Немецкий знаете?

— Да, насколько можно было изучить в течение трёх месяцев.

— Вы знаете, кем был Али Салих бей, которого вы убили у дома номер 17 по улице Гартенберг?

— Да, Талаат-паша.

— Что вас принудило пойти на это преступление?

— Преступник не я, а Талаат-паша. Он уничтожил наш народ. Я могу рассказать вам о совершённых им ужасах от Константинополя до Тер-Зора.

Здесь я должен был рассказать всё то, о чём думал ночью, но следователь посчитал это лишним.

— Кто вам помог в убийстве Талаата-паши?

— Никто.

Он удивлённо взглянул на меня.

— Если бы даже такие и были бы, я бы не сказал.

Его взгляд показал, что он понимает меня.

— По приказу какой организации вы это осуществили?

— Самолично.

— Какие личные счёты вы имели с Талаатом-пашой?

— Очень большие. Это по его приказу наряду со всеми армянами были убиты моя мать, брат и все родственники. Начиная с того дня я жил с надеждой отомстить Талаату.

— С какого периода вы следуете этой идее?

— Начиная с 1915 года, но начал работу по выявлению местонахождения Талаата три года назад.

— Как вы узнали, что Талаат-паша в Берлине?

— Случайно прочитал в одной газете.

— А как нашли Талаата-пашу в Берлине?

— Однажды в конце февраля у зоологического сада я услышал турецкую речь. Один из трёх молодых турок назвал тучного мужчину, который беседовал с ними, «мой паша». При расставании все трое поцеловали его руку. Тучный мужчина был очень похож на Талаата, которого я знал по фотографиям, опубликованным в газетах. Я последовал за ним до дома номер 4 по улице Гартенберг. Через несколько дней я нанял комнату напротив его дома. В течение последующих десяти дней я имел возможность убедиться, что тот, кого называли «мой паша», — Талаат. 15 марта, когда он вышел из дома, я его убил.

— Значит, вы признаёте, что убийство совершили преднамеренно?

Смысл этого вопроса я понял нехорошо, вернее, меня удивило неприязненное выражение лица Галустяна, когда он переводил мои слова.

— Конечно...

— Я понимаю, что идея мести могла толкнуть вас на это дело, но неужели вас не мучает совесть после совершения убийства?

— Наоборот, моё сердце переполняет чувство удовлетворения за то, что наконец месть за смерть одного миллиона невинных жертв свершилась.

— Значит, вы приехали в Берлин не для учёбы, а для того, чтобы убить Талаата?

— Об обучении машиноведению в Берлине я мечтал ещё до войны, но потом всё рухнуло...

Следователь откинулся на стуле, играя карандашом в руке.

— Вы знаете, что по закону вам грозит смертная казнь?

— Да, но после удачно осуществлённого дела пусть будет, что будет.

— Когда вы решили осуществить убийство?

— Я поклялся неизвестной могилкой моей матери убить Талаата, как только представится случай. Я обязательно должен был убить его.

— Расскажите, как вы убили Талаата-пашу.

— Утром 15 марта я вдруг увидел из окна, что Талаат вышел из дома и пошёл вниз по улице. Я взял свой пистолет и вышел к нему. По противоположному тротуару я быстро опередил его, когда он был достаточно позади меня, перешёл на его сторону и пошёл ему навстречу, чтобы выстрелить спереди. За два шага до нашего сближения он что-то почувствовал, с ужасом посмотрел на меня, попробовал уклониться, избежать, но я всадил пулю ему в голову.

— Вы помните, что улицу перешли рядом с музыкальным училищем?

— Нет...

Затем следователь очень долго уточнял как было совершено убийство: сзади или спереди, сбоку или со спины, на каком расстоянии и т.д. Я устал, моя голова разболелась, из-под повязки струился холодный пот. Галустьян что-то прошептал следователю и тот меня отпустил...

Когда я возвратился в камеру, появился прислуживающий арестант. Он промыл мне рану на голове и наложил новую повязку. Всё это время он постоянно говорил. Он знал моё имя, фамилию, по какому делу обвиняюсь, знал о резне и о Талаате, знал почти столько, сколько и следователь. У него были водянистые, почти немигающие глаза, лицо — худое, бледное и выразительное. Конечно, многое из сказанного им я не понимал, но смысл был ясен: он считал, что я очень хорошо сделал, что убил Талаата, и если бы он был армянином, поступил бы так же. Но не стоит идти на эшафот за убийство такого монстра. И теперь считал своим дружеским долгом сообщить мне, что всё зависит от предварительного следствия. Если я скажу, что убил Талаата из личной мести, то могу получить пятнадцатилетний срок.

цать лет каторжных работ, а если скажу, что убил по политическим причинам, то есть преднамеренно, меня могут обезглавить. Фамилия этого интересного человека была Левин. Из его слов выходило, что его арестовали за подлог. Ожидал ли он какой-либо пользы от меня, не знаю, но во всяком случае я отдал ему часть переданных мне Галустяном сладостей, которые он быстро рассовал по карманам.

Немного погодя он появился с другим арестантом. Они поставили у двери большой котёл. Был полдень, они раздавали обед. Он наполнил мою тарелку и поставил на стол. В этой похлёбке было всё, кроме мяса и масла, — абсолютно вегетарианская пища. Левин прошептал, что если я хочу, он может принести мне газету.

Прошло два, три часа.

— Соломон, — услышал я.

Я подошёл к дверному глазку и пока обдумывал, как возьму газету, что у него в руке, он быстро просунул под дверь номер газеты «Морген Пост». На фронтоне газеты крупными буквами было напечатано: «Бывший Великий визирь Талаат-паша убит в Берлине». Внизу — «Политическая месть со стороны студента-армянина». Понимаю, что слова Левина об «обезглавливании» и «каторжных работах» не так уж и бессмысленны. Только теперь понимаю, почему Галустян с неприязнью слушал мои ответы общего характера во время допроса.

Вечером Шульце продолжил допрос. В этот раз я постарался придать вопросу как можно больше личного мотива, который и без того занимал большую долю среди причин, побудивших меня. Когда допрос закончился, мне удалось обменяться несколькими словами с Галустяном. Турки развернули бурную деятельность, чтобы выиграть судебный процесс. Армянская же диаспора всячески стремится, чтобы меня признали невиновным, представляя проблему как общенациональную. Мои дневные показания Галустян как переводчик не подписал, отметив их невыгодное обстоятельство. Я только начал понимать, что вопрос касается не только меня и я должен согласовать свои действия в соответствии с указаниями товарищей...

Только я возвратился в камеру, как услышал:

— Соломон.

Это был Левин. Он что-то просунул под дверь. Это был осколок зеркала. Я был изуродован: одна сторона носа опухла, под глазом рана, левая щека разодрана, на правой стороне лба рана...

— Соломон.

Согомон, Берлин, январь 1921 г.

Супруга Согомона, Анаит Татикян со старшим сыном Шагеном.

Семья Согомона Тейлиряна.

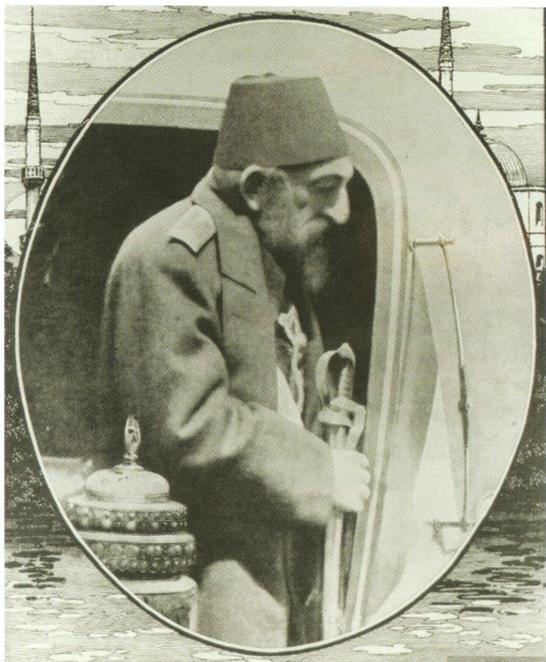
В верхнем ряду слева направо: Мигран Тер-Казарян (супруг Арменуи Техлирян), Нерсес Техлирян (двоюродный брат Согомона), Седрак Техлирян (брат Согомона), Согомон. Сидя: братья Оскиян, Хачатур (отец Согомона) и Асатур Техлирян, Атменуи Техлирян (дочь Мисака, старшего брата Согомона).
Снимок сделан 01.12.1921 г. Валево, Сербия.

Слева направо: Завен (младший сын Согомона), Анаит (супруга) и Согомон.
Снимок сделан в пятидесятые годы в США.

Согомон и Анаит. 1924 г. Париж.

Султан Абдул Гамид II.

Талаат-паша, министр внутренних дел.

Энвер-паша, военный министр.

Джемал-паша, военно-морской министр.

Согомон с друзьями в США, 05.11.1920 г. Согомон в середине.

Опять он.

— Чего тебе?

— Армянский посол?

— Кто?

— Тот человек, что присутствовал при допросе.

— Да...

Утром меня снова вызвали на допрос, в этот раз к следователю уголовного суда Мантуфейлу. Это был лысый пожилой человек с холодным голосом, суровым выражением лица. Я постарался всячески придать вопросу личный характер. Но не мог отрицать, что убийство осуществил преднамеренно. В последний момент я узнал от Галустяна, что диаспора решила пригласить для моей защиты известных адвокатов Берлина.

Когда я возвратился в камеру, дверь была открыта, Левин мыл пол. Он словно был связан телефонной сетью со всеми уголками тюрьмы. В считанные секунды он был в курсе всех имевших место событий. Мантуфейл был тем человеком, который сделал Левина несчастным, представив явную бухгалтерскую ошибку как хищение. И какое хищение! Вопрос касался всего пятидесяти тысяч марок, когда деньги были обесценены и сам он был абсолютно невиновен. Вот какое роковое значение имеет «предварительное расследование». Говоря обо мне, он отметил, что я очень хорошо сделал, заявив, что «преступник не я, а Талаат».

— Чудесно, но во время предварительного следствия не надо было говорить, а только в суде, во время последнего слова. Теперь же вы выражаете мятежное настроение: «Преступник не я, а Талаат». вы понимаете, что сказали? Сегодня является голым фактом то, что вы убили и он умер. Кто подтвердит, что он в прошлом был преступником, когда совсем недавно здесь он был удостоин почестей?..

В коридоре показался меланхоличный надзиратель. Левин замолчал, быстро завершил работу и вышел.

* * *

Через пять дней меня перевели в центральную тюрьму. Это было досадно потому, что я уже приспособился к жизненным условиям и имел такого друга, как Левин. В связи с этим Левин был растроган больше меня.

Центральная тюрьма занимала очень большую территорию с многочисленными зданиями, сообщающимися дворами и отдела-

ми. В криминальном отделе арестанты были расположены на двух этажах большого, просторного помещения. Сидевший в центре залы за письменным столом служащий подробно описал мою одежду, всё, что было на мне, даже носовой платок, и с талоном отправил на первый этаж. Там была баня примерной чистоты, полностью оборудованная. Выйдя из бани, я увидел, что моя одежда заменена на тюремную. Я оделся и с другим талоном предстал перед предыдущим служащим, который передал меня одному из надзирателей.

Камера здесь была просторной и светлой, с такими же, что и в прошлой камере, койкой, столом, стулом, ящиком и т.д. Но чистота здесь была отменная. Надзиратель описал мне здешние порядки и мои обязанности. Утром с первым звонком следует встать с постели, умыться и держать наготове сосуд для воды. Через четверть часа второй звонок означает, что необходимо получить воду, после чего сразу почистить комнату и сор, веник, кучу мусора собрать у двери. Далее, со следующим звонком всё это следует побросать в мусорную тележку. Затем, через четверть часа, звонок оповещает, что будут раздавать дневной паёк хлеба. Немного погодя по звонку подают кофе. Затем звенит звонок на прогулку, потом на обед, снова на кофе, на ужин и, наконец, — звонок на сон. Перспектива подобной жизни была ужасной...

— Вот теперь звенит звонок на вечерний кофе, — отметил надзиратель...

Пища была та же, что и в предыдущей тюрьме. Заметно было одно различие: режим здесь был строгий, дисциплина — железной. Ночью жизнь в этой, занимающей целый квартал, тюрьме полностью замерла.

Следующий день был воскресный. После утреннего кофе меня посетил тюремный священник.

По-видимому, в тюрьме был установлен такой порядок для убийц. Полненький, немного сутулый, с пухлыми руками, кротким бесцветным лицом священник знал французский, который был для меня более доступным. Свою проповедь он начал с того, что из работ доктора Лепсиуса был знаком со страданиями, выпавшими на долю армянского народа, и понимает причины моего поступка.

— Но Господь наш Иисус Христос заповедовал испить чашу страданий до конца, чтобы удостоиться царствия небесного, — сказал он...

Каждый человек в жизни должен исполнять свои обязанности, и я терпеливо слушал его проповедь, слобренную примерами из

земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, его безграничным всепрощением и вселенской добротой. Священник не высказался осуждающе по поводу моего поступка. Ему были хорошо знакомы человеческие слабости. Но то, что месть, даже чувство мести, претит духу Евангелия, я как христианин должен был знать. Отсюда ясно видно то искушение, которое толкнуло меня на преступление.

— Но Господь милосердный и добрый, и достаточно встать вам на путь раскаяния и покаяния, чтобы легче переносить тюремную жизнь...

Видя, что я с трудом понимаю немецкий, а мой французский несовершенно, он обещал мне послать Священное Писание на армянском языке и удалился, довольный своим посещением.

И действительно, я уже не знал, как убить время, как дверь открылась, и надзиратель протянул мне Ветхий и Новый Заветы в едином переплёте на армянской языке. Мне на глаза попало одно из откровений Иоанна, где говорится:

«И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диadem, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведёт в плен, тот сам пойдёт в плен; кто мечём убивает, тому самому надлежит быть убиту мечём. Здесь терпение и вера святых»...

Я знал, что геноцид армян длился полных сорок два месяца — с мая 1915-го по октябрь 1918-го, т.е. до Мудросского перемирия. Я был охвачен мыслью, что зверь, о котором говорил Иоанн, — это именно Талаат, как вдруг дверь открылась. Меня вызывали на сви-

дание. В прихожей трое арестантов ожидали своей очереди. Прошло более получаса, пока очередь дошла и до меня. В зале свиданий в кресле сидел игумен. Увидев меня, он встал, с торжественной медлительностью перекрестил меня и густым басом воскликнул:

— Именем Господа нашего Иисуса Христа благословляю тебя за то, что убил зверя и отомстил за всех нас. Вскоре я должен отбыть в Рим, но быстро возвратиться, чтобы исповедовать тебя и на этом основании обратиться к Папе Римскому, чтобы он благословил тебя за преданность своему народу...

Служащий вмешался и предупредил, чтобы не говорили на непонятном ему языке. Армянский игумен подарил мне крест из Иерусалима и ушёл. Этот визит был таким неожиданным, словно это был сам богослов Иоанн. «Откуда — куда», — думал я, возвращаясь в камеру с иерусалимским крестом в руке, ошалев от дневных волнений и замешательства...

Колокола тюремной часовни звенели, всхлипывая. Как был похож этот звон на звон колоколов церкви святого Ншана в Ерзнка! Сперва один колокол звенел смиренно, звон другого словно длился вечно, теперь удары колокола были по-свадебному сумбурны и непонятны. Войдя в камеру, я взял Библию: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон. Он действует пред ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми. И чудесами, которые дано было ему творить пред зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»...

Помню, что великий русский писатель Толстой в своём романе «Война и мир» в связи с этим проделал опыт. Первые девять букв

французского алфавита, т.е. до «К», каждую обозначая цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, затем от буквы «К» до буквы «Z» — десятками — 10, 20, 30 и так далее, он нашёл, что сумма букв «L' Empireur Napoleon» составляет 666. Но он в то же время не знал, что человек человеку зверем в буквальном смысле слова будет впоследствии...

Снова дверь открылась. На этот раз нас повели в церковь. Арестанты, выходя из камер, вставали в колонну лицом в затылок впереди стоящего. Таким образом, вновь встающие в колонну не могли ни видеть, ни говорить как с впереди, так и сзади стоящими. Перед часовней, поднявшись на несколько ступенек, мы вошли в зал, похожий на амфитеатр, который своим видом — занавешенной сценой — напоминал скорее театр, чем церковь. Удивительным было строение сидений. Хотя они состояли из рядов, построенных друг за другом, каждое сиденье являло собой клетку, из которой ничего не было видно: ни вниз, ни вверх, ни вправо, ни влево. Из этой деревянной ямы можно было смотреть только перед собой — на сцену. Опускающийся сверху деревянный щит закрывал твою голову, справа и слева такого же типа приспособления ограждали сбоку, доска под ногами была настолько длинной, что закрывала голову сидящего снизу. С обеих сторон сиденья в углублениях типа ящичка было положено по книге. Я взял книгу с правой стороны. Это было Евангелие для католиков. Положил на место и взял книгу с левой стороны. Это было Евангелие для протестантов. И эту книгу я положил на место, ожидая, что будет дальше.

Вдруг занавес открылся, и появился священник с бесцветным лицом. Он перекрестился лицом к нам и начал молиться. Затем в конце молитвы, придавая голосу мелодичность, фактически начал петь. И вдруг зал ожил бесчисленными голосами. Из глубины неизвестности пели арестанты, и нежно и грозно, и жалобно и протестующе, и с мольбой. Это было великолепно. Казалось, пели не люди, а зал.

Когда пение закончилось, священник прочёл проповедь. Я ничего не понимал, кроме того, что основной мыслью было — «любите друг друга». Но как любить, если мы не видели друг друга?..

Глава 9

Судебный процесс

После нового допроса криминального суда мне разрешили видеться с моими адвокатами. В конце месяца для меня было сюрпризом увидеть рядом с моим первым адвокатом фон Гордоном Хазора, который пришёл в качестве переводчика. Во время последнего допроса возникла проблема: кто нанял для меня дом на Гартенберг, 37? Галстян знал это, а я думал, что Хазор отбыл из Берлина.

— Не имеет значения, я очень хотел тебя видеть, — сказал он.

Высокий и широкоплечий фон Гордон пришёл, чтобы дать мне на подпись приглашение к защите и ознакомиться с моим делом. В канцелярском отделе тюрьмы он имел многочисленных знакомых и друзей, и прежде чем он приступил к делу, прошло достаточно много времени.

— Только я дошёл до Ухланда, — рассказывал Хазор, — как появился Бехаэддин Шакир. Не прошло и четверти часа, как вдруг увидел «мрачного типа», бегущего сломя голову в сторону их явочной квартиры. Я понял, что что-то случилось. Не прошло и минуты, как оттуда выскочили Шакир и «мрачный тип», которые почти бегом устремились в сторону Гартенберга. Я преследовал их по пятам и, уже не доходя Гартенберга, 17, где лежал труп, всё понял. Было много народу. Куда делся «мрачный тип» — не знаю. Я стоял рядом с Шакиром, когда он, скорбно остановившись на миг, шаткими шагами подошёл к трупу. Стоящий рядом полицейский преградил ему путь. Шакир, словно пробудившись ото сна, посмотрел по сторонам, машинально положив руку в карман. В это время пожилой служащий дал ему знак рукой подойти и освидетельствовать труп. Шакир дрожащей рукой откинул материю, прикрывающую голову трупа, и подтвердил, что убитый — Талаат. Пуля вошла из-под уха и, пройдя сквозь мозг, вышла через переднюю часть головы. Шакир прикрыл тело Талаата и, обретя хладнокровие, сосредоточенно и медленно отошёл. Обладающий полномочиями пожилой служащий подошёл к нему и, пожав руку, сказал:

— Очень печальное событие. Я настолько растерян и растроган этой неожиданностью, что не знаю, что и сказать. Примите мои соболезнования, доктор.

Видимо, говоривший во время мировой войны пребывал в Турции и был хорошо знаком с турецкими политическими кругами Берлина.

— Соболезнований недостаточно, — сказал Шакир, — Талаат-паша был для нас всем, с ним вместе похоронены все наши надежды. Паша всегда был готов заплатить выпавшую на него долю долга, можно сказать, что долговой вексель он всегда держал при себе. Конечно, преступник — армянин, не так ли?

— Да, один молодой армянин. Арестован в очень тяжёлом состоянии. Народ хотел линчевать его.

— А что вы здесь делаете, доктор Жек? — вдруг спросил Шакир.

— Я здесь не случайно, получил указание из министерства иностранных дел установить личность убитого и примчался сюда на автомобиле.

— Очень хорошо. Но почему труп остался лежать здесь перед этой толпой? Кто должен убрать труп? Неужели требуются полномочия от центральной прокуратуры? — спросил Шакир. Тот, кого он назвал Жеком, видимо, не мог ответить на этот вопрос. Он на минуту задумался, затем, почесав затылок, подошёл к сторожившему труп полицейскому и долго с ним говорил. Наконец, он вернулся и сказал: «В приказе от центральной прокуратуры нет необходимости. Уже сообщено в мэрию, чтобы пришли за трупом, но ещё не прибыл автомобиль. Как назло все катафалки сегодня заняты. Но скоро один из них освободится и подъедет за трупом». Бехаэддин Шакир был ошеломлён. После длительного раздумья он только и смог сказать:

— Значит, трупу премьер-министра государства, которое до последней секунды осталось верным Германии во время мировой войны, проявляют такое неуважение, оставив валяться на виду у людей?

Жек, явно взволнованный, ответил:

— Это опоздание из-за того, что в мэрии нет свободного катафалка. Если желаете взять оплату на себя, можете тут же найти простой автомобиль.

Словно удар молнии обрушился на Шакира. Что это такое? Где это видано, чтоб из-за отсутствия бесплатного транспорта труп часами валялся на улице? Шакир, раскрыв от удивления рот, посмотрел на Жека, затем вдруг пошёл вверх по улице. В это время немного выше, на тротуаре кто-то быстрыми движениями закли-

нателя змей чертил тростью на земле и, отвечая на вопросы из толпы, показывал:

— Турок дошёл вот сюда, армянин пришёл вот так и вдруг выстрелил — бах! Турок упал лицом вниз. Армянин достаточно долго оставался здесь. Я закричал: «Он убил человека, держите! Человека убил». В это время армянин пошёл вот так, потом побежал. На улице Фазанен поймали, чуть не убили, думали, что это генерал Капп. негодник очень был похож на него. Оказалось — это был турок...

Хазор был так увлечён своим рассказом, что не заметил, как в комнату вошёл фон Гордон.

— Прошу садиться, — сказал последний.

Я рассказал всё, что его интересовало в связи с делом из моего прошлого и настоящего. Он делал обширные записи, иногда задавая уточняющие вопросы. Во время этих перерывов Хазор рассказывал.

Я попросил его больше в тюрьме не появляться и возвратился в камеру.

* * *

Через четыре дня меня позвали ко второму адвокату — Вертауэру. Новым приятным сюрпризом было видеть с ним Вазу, который пришёл заменить Хазора в качестве переводчика.

Ладного, выше среднего роста, с привлекательным и грустным лицом доктора Вертауэра интересовали вопросы иного порядка. В первую очередь — резня, как я её знаю; затем — моё детство, моя родина, мои родители, мои переживания, сосредоточенность мыслей, даже сны, дни, прожитые перед убийством, и т.д. Он записей не делал. В папке имел только один листок, в который он изредка смотрел и продолжал спокойно и терпеливо беседовать. Он вызвал ещё одного подзащитного и с удовольствием удовлетворил просьбу Вазы немного остаться со мной.

-- Да, да, подождите, я ещё не закончил, — сказал адвокат.

Естественно, наша беседа велась вокруг события. Ваза присутствовал при похоронах Талаата.

— Пять дней труп не погребали, — рассказывал он, — хотели перевезти в Константинополь, но правительство Константинополя отказало. По-другому и не могли решить, потому что европейская пресса ещё занята этим вопросом: разоблачения, осуждения со всех сторон в адрес погромщиков.

Армянские колонии все в чрезвычайном восторге, все газеты посвящают этому событию обширные страницы. Но и турки не сидят сложа руки, всячески стремятся выиграть суд, им удалось подкупить несколько журналистов, которые выступают в газетах с протурецкими статьями. В канун похорон они наводнили Берлин извещениями о смерти, в которых армяне характеризовались дискредитирующими выражениями. Мы вынуждены были от имени армянской общины напечатать объявление, в котором факт рассматривался как справедливое возмездие армянского народа.

В день похорон они принесли множество венков. Утром, в 10 часов перед домом номер 4 на Гартенберг уже собралось множество людей, были заметны чужеземные головные уборы — фесы, чалмы, меховые шапки. Турки в зелёных одеждах следили за дисциплиной. Туда спешили фотографы и кинооператоры. В квартире Талаата было осуществлено религиозное отправление. Причётчик турецкого посольства Шюкри Эфенди пропел призыв к мусульманской молитве «Аллах Акбар», затем прочёл посмертную молитву, после чего был осуществлен обряд суда над мертвецом.

«Усопший Мехмед Талаат-паша, наделённый высокими добродетелями, раб Аллаха. Есть среди вас кто-то, кто утверждает обратное?» — провозгласил Шюкри Эфенди.

— Нет! — дружно крикнули присутствующие.

Причётчик начал похоронное мероприятие, слышалось рыдание женщин. В 11 часов 30 минут гроб вынесли. Пёстрая восточная процессия торжественно двинулась по многолюдным улицам Берлина. Полицейские чины расчищали дорогу. За ними шла гружёная венками карета, затем медленно шагали приехавшие из разных городов 100—150 студентов-мусульман — арабы, египтяне, индусы, персы. Все несли символ «Единения и прогресса». За катафалком шёл причётчик в фиолетовой одежде, белой чалме, на лбу — золотые тесёмки, а грудь украшена роскошными орденами. Было много венков и до последнего момента подносили новые. Среди них выделялись венки Германского министерства иностранных дел и германо-турецкого общества. Присутствовали официальные лица турецкого посольства, различные турецкие консулы, представители афганского и иных обществ. Присутствовали: бывший морской министр Махмуд Мухтар-паша, Герберт фон Циммерман, Кюльман, генерал Зеект, генерал Фрес Кресиштайн, руководители различных министерств, управляющий Германского банка Квер-

нер, аристократ Офехайм и другие. Правительство выразило своё соболезнование через фон Шуленберга. К полудню похоронная процессия дошла до кладбища. Бехаэддин Шакир с трудом смог сказать прощальную речь в адрес покойного, слова застредали в горле. Его окружили мусульмане всех восточных стран, словно весь Восток послал их как представителей заявить: «Мы готовы его заменить, его дело — наше дело».

Надгробные выступления приняли характер политической демонстрации. От арабов Бейрута высказался Эмир Шекиб-Аслан, от татар России — казанский Итрис-бей. Речь держал поэт Абдул-катер. Затем взял слово турок с мрачным лицом, который, подняв кулак, привёл к присяге присутствующих отомстить. Многие из них откликнулись на призыв. Один индус в белой шапке, какой-то доктор Филай, говорил от имени всех угнетённых народов. Преподаватель Берлинского колледжа востоковедения Мирза Хасан в своей надгробной речи припомнил слова персидского философа Саади о том, что «человечество — это единое тело, и когда какой-то член болит, всё тело чувствует боль». От немцев высказался бывший начальник железнодорожников Анатолии Гюнтерн, сказав: «Сейчас современники не в состоянии оценить великого человека, его должна восславить своим пером история. Мы, германцы, несём в наших сердцах печать его величественного образа». Председатель германо-турецкого союза Еког положил на гроб венок, на ленте которого было написано: «Великому политику и верному другу».

Доктор Еког пожелал, чтобы дух Талаата вечно жил в германо-турецких отношениях...

* * *

В мае завершились все дополнительные допросы. В конце месяца меня подвергли обследованию несколько специалистов по нервным заболеваниям. 2 июня 1921 года начался судебный процесс.

Только в этот день у меня сложилось представление о том, какое огромное пространство занимает тюрьма с прилегающими строениями, складами и мастерскими. Меня беспрерывно препровождали из двора в двор, через тяжёлые и мрачные здания, в которых сновали туда и обратно арестанты — рабочие и ремесленники.

Берлинский губернский третейский суд был при тюрьме. Не выходя на улицу, мы дошли до этого здания через длинный коридор,

с левой стороны которого вошли внутрь. В отделах просторного здания царило оживление. Обслуживающий персонал в мундирах лёгким бегом сновал взад и вперёд, служащие входили и выходили с папками под мышкой, у некоторых дверей стояли граждане, которые имели какие-то дела в суде. В этой части здания центральный вход охранялся. В сопровождении конвоя я вошёл внутрь и увидел, что очутился в великолепной зале. Высокий потолок покоился на легко устремлённых ввысь арочных колоннах. Внизу они в перспективе разделяли залу на галереи, в центре которых был расположен судебный зал, с трёх сторон окружённый изысканно разукрашенными низкими деревянными постройками. Войдя через дверь в углублении, я, вместе с одним из конвоиров, разместился в отдельном отсеке для обвиняемых.

Было 9 часов утра. В центре соединения аркообразных колонн висела огромная люстра. Лентовидные украшения люстры блистали струйками под проникающими в зал лучами солнца. Меня, в глубине, от зала отъединяло возвышение в три-четыре ступени. Слева, за отдельным столом, сидел секретарь суда. В центре на той же высоте находилось трёх-четырёхметровое строение, похожее на стол, напротив которого сидел председательствующий суда доктор Лемберг с двумя судьями — помощниками. На другом конце строения расположился прокурор доктор Долник. Ниже меня, слева за длинным столом сидели три защитника, переводчики Ваза с Галустяном и врачи-эксперты. Напротив них, в отдельном отсеке зала за столами в три ряда сидели двенадцать присяжных заседателей. Немного ниже, спереди и сзади на стульях сидели свидетели. В первом ряду я увидел одетую в чёрное госпожу Талаат, которая не мигая смотрела на меня. Слева от неё сидела фрейлейн Лола Байлензон, справа — фрау Штельбаум, фрау Дитман, затем — Терзибашяны, Эфтян, Абелян и несколько незнакомых людей. Далее, в сторону центра зала расположились журналисты. От центра зала в сторону передней части, на широком пространстве в виде амфитеатра, для общественности были поставлены сидения, которые были полностью заняты. В параллельных отсеках часть присутствующих осталась стоять, продвинувшись к центру, в сторону отсеков, отведённых для адвокатов и присяжных. Помимо немцев было достаточно большое количество турок и армян.

Царившую в зале глубокую тишину нарушил доктор Лемберг, открыв заседание. Защитник фон Гордон попросил, чтобы в чис-

ле экспертов были заслушаны также доктор Лепсиус и Лиман фон Зандерс как свидетели, знакомые с армянской действительностью. Хотя прокурор отметил, что факт имел место не в Армении, а в Берлине, но против предложения не возражал. В дверь напротив вошли упомянутые доктор Лепсиус и фон Зандерс. Председательствующий в нескольких словах напомнил свидетелям их обязанности, затем разделил их на две группы и, громко прочитав имена первых 19 свидетелей, попросил всех выйти из зала и ожидать приглашения.

Начались обычные вопросы относительно моей личности: детство, родители, образование, Ерзнка, резня. Председатель долго останавливался на событиях. Наконец, завершив эти предварительные расспросы, перешёл к периоду, относящемуся к делу.

— После резни когда вы были в Ерзнка?

— В конце 1916-го, немного погодя после взятия русскими.

— Кого из родных нашли там?

— Никого. Все были убиты, только у курдов нашлась десятилетняя дочь моего брата.

— Из 17 душ осталась только она?

— Да.

— Вы были в вашем доме в Ерзнка?

— Да.

— Что Вы там увидели?

— Часть дома была разрушена, двери и окна поломаны и разграблены, а в другой части были русские солдаты. Я очень плохо себя почувствовал, увидев наш дом в развалинах. Я прошёл в наш просторный сад, который был разрушен до основания, деревья спилены и повалены. Всё было опустошено. В глубине сада я упал на землю.

— Потеряли сознание?

— Да.

— Сколько это длилось?

— Не знаю.

— Когда пришли в себя, что сделали?

— Пошёл к одной армянской семье, принявшей ислам, — единственной спасённой в городе.

— Значит, Вы из жителей города нашли только одну семью, да и то принявшую ислам?

— Да.

- А когда русские взяли Ерзнка, они снова стали христианами?
- Конечно.
- Значит, из жителей Ерзнка остались только они?
- Да, и несколько отдельных людей, всего двадцать человек.
- Сколько Вы оставались в Ерзнка?
- Несколько месяцев.
- Потом куда ушли?
- В Тифлис.
- Когда отбыли из Тифлиса?
- Осенью 1918 года.
- Куда отправились?
- На Северный Кавказ.
- Что делали там?
- Я болел.
- Чем Вы болели?
- Нервным расстройством (чувство тревоги), потом заболел тифом.
- Сколько раз повторялось это нервное расстройство после посещения вашего родного дома?
- Несколько раз. Точно не помню.
- Когда отбыли с Кавказа?
- В начале 1919-го.
- Куда отправились?
- В Константинополь.
- С какой целью?
- Искать следы моих родных.
- В то время в Константинополе имел место переворот. Сколько вы там оставались?
- Около года.
- Потом куда отправились?
- В Париж.
- В Константинополе или в Париже с депортированными говорили о событиях?
- Мало, с близкими друзьями.
- Кто считался автором этих жестокостей?
- Я о них узнал из константинопольских газет.
- Ранее Вы знали, кто автор резни?
- Нет.
- Когда Вы убедились, что автором этого является Талаат-паша?

— Когда был в Константинополе, из газет.

— Тогда Вы знали, где Талаат-паша?

— Нет.

Вмешался защитник фон Гордон:

— Хотел бы спросить обвиняемого, прочитал ли он в газетах, что Талаат-паша за эти жестокости приговорён к смерти военным трибуналом Константинополя?

— Я прочитал это, когда был в Константинополе и когда известный погромщик Кемал был повешен. Из газет я узнал, что Талаат-паша и Энвер-паша также приговорены к смерти.

— Сколько жителей было в Ерзнка?

— Около двадцати тысяч.

— Все жители были выселены и по вашему возвращению в Ерзнка вы увидели только одну семью и несколько человек?

— Да.

— Хотелось бы узнать, знает ли подсудимый, что в 1908 году армяне вместе с младотурками, в частности с Талаат-пашой и Энвер-пашой, совершили революцию и свои национальные надежды связывали с ними, но потом страшно разочаровались, когда увидели, что младотурки обращаются с армянами даже хуже, чем Султан Гамид, — обратился к председателю третий защитник Нимайер.

— Я знал, что армяне сотрудничали с младотурками. Но потом глубоко разочаровались, когда имела место резня в Адана, где жертвой пали сорок тысяч армян.

* * *

По предложению председателя секретарь зачитывает предварительное заключение:

«Считающийся студентом машиноведения Согомон Тейлирян, родившийся 2 апреля 1897 года в Багарич, подданный Турции и армянский протестант, который проживал в Шарлоттенбурге, в доме номер 37 по улице Гартенберг у Дитман и с 16 марта 1921 года находится в тюрьме, обвиняется в умышленном преднамеренном убийстве 15 марта 1921 года в Шарлоттенбурге бывшего турецкого Великого визиря Талаата-паши. Преступление будет квалифицироваться в соответствии со статьёй 211 уголовного кодекса. На основании этого тюремное заключение продолжается. Берлин, 16 апреля 1921 года, третейский губернский суд, камера № 6».

— Если Вам придётся сказать «да» или «нет» на это обвинение, что вы скажете? — обратился ко мне председатель.

— Нет.

— Прошу, спросите, почему он не считает себя виновным, — обратился к председателю фон Гордон.

— Я не считаю себя виновным потому, что совесть моя спокойна.

— Почему твоя совесть спокойна? — спросил председатель.

— Я убил человека, но я не человекоубийца.

— Говорите, что Ваша совесть чиста, но задайте себе вопрос: «Хотел ли я убить Талаата-пашу».

— Я не понимаю этого вопроса, ведь я уже его убил.

— Я хотел сказать, был ли у Вас план убийства?

— Нет.

— Когда Вы из Парижа прибыли в Женеву?

— В конце 1920 года.

— А в Берлин?

— В начале декабря.

— В январе проживали в доме 51 по улице Аугсбургер?

— В декабре.

— Потом квартиру поменяли?

— Да.

— Когда?

— Около двух недель до события.

— В чём была причина этого переселения?

— Я решил убить Талаата.

— Так поступая, Вы подготавливались к этому!

— В этот период я чувствовал мощную внутреннюю потребность убить Талаата.

— Значит, Вы преднамеренно намеревались поселиться около него?

— Да.

— Скажите, пожалуйста, правда, что Вы до этого установили, что Талаат находится в Берлине?

— Да, примерно пять недель назад я его увидел.

— Где?

— У зоологического сада я услышал турецкую речь, во время которой кого-то называли «паша». Обернувшись, я увидел, что это Талаат-паша. Я пошёл за ним. В начале улицы Гартенберг трое

спутников простились с ним, поцеловав его руку, а Талаат-паша с четвёртым спутником вошёл в дом.

— Значит, Вы до это не знали, что Талаат-паша находится в Берлине?

— Нет...

— По какой причине Вы в своё время обратились к доктору Кассиреру?

— Я был болен, имел нервный кризис и головокружение.

— Когда случился нервный кризис, во время которого сотрудник банка Вас поднял и с улицы Ерусалелмер отвел домой?

— Не помню.

— В то время Вы ещё проживали на улице Аугсбургер?

— Да.

— Кто были вашими знакомыми?

— Терзибашян, Эфтян, Галустян, Абелян.

— Начиная с января, чем Вы были заняты помимо того, что брали уроки у фрейлейн Байлензон?

— Навещал своих знакомых.

— Кажется, ещё брали уроки танцев?

— Да, один раз.

— Правда, что во время урока танцев у Вас был нервный кризис?

— Да.

— Какие у Вас были отношения с бывшей хозяйкой дома фрау Штельбаум?

— Очень хорошие.

— Вы довольны и фрау Дитман?

— Да.

— Как Вы совершили убийство?

— Я шагал по своей комнате, как вдруг увидел Талаат-пашу на балконе его дома. Я задрожал всем своим существом: это тот, который убил мою мать, брата, родных и тысячи моих соплеменников. Я увидел, что он выходит, взял свой пистолет, побежал и расстрелял его.

— Когда Вы вышли, то увидели Талаата на противоположном тротуаре?

— Да.

— Поравнялись с ним и перешли улицу Гартенберг?

— По своей стороне улицы я побежал, пока не поравнялся и не обогнал, потом перешёл улицу и настиг его.

- Посмотрели ему в лицо? Поговорили с ним?
- С ним не говорил, на тротуаре приблизился к нему и выстрелил.
- Целились в голову?
- Совсем приблизился к нему.
- Что было потом?
- Знаю только, что Талаат-паша упал на землю, из головы струилась кровь и вокруг трупа собралась толпа.
- Вы не видели, что с Талаатом была женщина?
- Нет.
- Вы не видели госпожу Талаат?
- Нет.
- Что делали после убийства?
- Не помню.
- Не помните, что побежали?
- У меня не было никакого желания бежать, толпа вынудила, напав на меня.
- Что Вы думали о своём поступке?
- Чувствовал душевное удовлетворение.
- А сегодня?
- И сегодня очень доволен этим.
- Вы не помните, что сказали, чтобы оправдаться, когда Вас били? — задал вопрос Нимайер.
- Я сказал, что я армянин, а он турок, «вас это не касается».
- Хотел бы узнать, как обвиняемый узнал, что эта личность есть Талаат. Видел его раньше или узнал по фотографиям? — сказал прокурор.
- Я его ранее не видел. Узнал по фотографиям, отпечатанным в газетах.
- В Ерзнка, кроме армян, какие нации ещё проживали?
- От двадцати до тридцати тысяч турок...

* * *

Председатель Лемберг перешёл к допросу свидетелей.

Торговец с Шарлоттенбурга Есен рассказал, как я поравнялся с Талаатом и выстрелил.

— Спереди проходила женщина, которая упала в обморок. Сначала я поднял эту женщину, полагая, что она ранена. Потом побежал за обвиняемым и на улице Фазане арестовал его. Естественно, со-

бралась толпа. Люди нещадно били обвиняемого, один из них продолжительно бил его ключом по голове, другие орали, кричали...

Из расспросов свидетеля выясняется, что упавшая в обморок женщина — обычная прохожая, а не жена Талаата, как писали газеты. Председатель просит сообщить госпоже Талаат, что в её свидетельстве суд не нуждается и она может уходить.

Следующие пять свидетелей повторили то же в разных вариациях. Начальник полиции Шарлоттенбурга Гнас, один из первых допрашивающих меня, стремился доказать, что убийство совершенно преднамеренно. Затем позвали мою первую домовладительницу фрау Штельбаум. Казалось, прошло много времени, и в этот миг я почувствовал, что скучаю по ней: за короткое время эта чужая женщина стала мне родной. Она старческими глазами посмотрела на меня и сказала:

— Да, обвиняемый проживал у меня. О нём могу свидетельствовать только хорошее. Очень был приличный и скромный. У меня нет служанки, и я сама делаю работу по дому, но что мог, он делал сам. Чтобы не обременять меня, сам чистил свои туфли. Во всех отношениях очень скромный и почтительный.

— Он у Вас болел? — спросил председатель.

— Он был чрезвычайно нервный, не мог спать.

— Знаете, что он посещал врача?

— Да, профессора Касирера.

— Не удивились, что он вдруг переселился?

— А как же! В связи с этим на мой вопрос он ответил, что по словам врача газовый свет ему вреден и необходим солнечный свет. Я поверила, потому что он был очень нервный.

Эксперт — врач Липман — долго опрашивал её о моём душевном состоянии.

Также свидетельствовала моя другая домовладительница фрау Дитман. В отношении события она сказала:

— Утром 15 марта, в день события, горничная сказала мне, что господин плачет в своей комнате. Я сказала: «Оставь его в покое, может, у него умер кто-то из родных». Немного погодя он вышел.

— Вы ничего не подозревали? — спросил председатель.

— Совершенно, пока горничная не возвратилась домой и не сказала, что господина убили. «Ты что, с ума сошла?» — сказала я. Потом узнала, что он кого-то убил.

— Обвиняемый в этот день был в обычном состоянии?

— Однажды один его знакомый пришёл и сказал, что господин болен и нуждается в солнечной комнате, — сказала фрау Дитман, настраиваясь на длительный рассказ...

— Когда он проживал у Вас, вы ничего не заметили?

— Нет.

— Занимался?

— Да, выходил очень редко.

— Посетители были?

— Нет.

— Замечали в нём нервозность?

— Был стеснительный, не мог смотреть мне в лицо, терялся.

— Он был терроризирован?

— Иногда казалось, что он объят ужасом.

— Словно преследуемый тяжёлыми мыслями?

— Да.

— Болезненные явления замечали?

— Нет. Но он говорил, что болен, нервный.

— Обвиняемый, — обратился ко мне председатель, — кто пошёл к фрау Дитман нанять для Вас комнату?

— Председатель Союза армянского студенчества.

— Он здесь?

— Нет...

— Обвиняемый оставлял впечатление стеснённого или подавленного человека? — спросил у Дитман эксперт Липман.

— Нерешительный, по моему мнению, очень нерешительный, — сказала она с улыбкой, переводя взгляд с Липмана на меня.

— Когда обвиняемый проживал у вас, фрау Штельбаум, Вы видели у него пистолет? — обратился председатель к моей бывшей домовладельнице.

— Нет.

— У обвиняемого было много вещей?

— Нет, у него был только один сундук, который был всегда открыт.

— Обвиняемый, — обратился ко мне председатель, — где Вы держали пистолет?

— В моём сундуке.

— У фрау Штельбаум также?

— Да, в моём сундуке.

— Я не видела, — пробормотала фрау Штельбаум.

— Удивительно, что очень часто осматривали сундук, но пистолета не видели.

— Я не могу сказать, что часто осматривала сундук, — со сдержанным раздражением сказала фрау Штельбаум...

Очередь дошла до моей низкорослой учительницы фрейлейн Лолы Байлензон.

— Вы давали обвиняемому уроки языка?

— Да.

— Что можете сказать о его поведении?

— Начиная с 18 января он брал уроки. Сначала учился очень хорошо, но в конце был рассеян.

— Говорил Вам, что болен и обратился к врачу?

— В конце рассказал, что был у профессора Касирера, принимает лекарство. Во время одного урока я заметила, что он даже не может прочитать написанное им. Было известно, что он болен. Я ему сказала, что продолжать уроки бессмысленно. После этого занятия прервались.

— Когда это было?

— Примерно во второй половине февраля.

— Потом он снова пришёл?

— Ещё один раз пришёл и сказал, что чувствует себя плохо. Уже было видно, что у него душевное горе, был очень грустен.

— Он говорил о своей грусти?

— Только один раз. Когда в связи с занятием я спросила о его родине, он сказал, что у него нет родины, все его родные убиты. В этом ответе так явно отразилось страдание, что я больше не желала спрашивать.

— Может быть, что занятия прервались в начале марта?

— Может.

— Может, немного раньше 5 марта, после смены квартиры?

— С новой квартиры он больше не пришёл.

— Может, была существенная причина, что он был вынужден поменять квартиру и прервать занятия?

— Не знаю. В марте, примерно за неделю до события, он по телефону сообщил, что поменял квартиру и возобновит занятия, если будет себя чувствовать хорошо.

— Обвиняемый, почему Вы прервали занятия?

— Состояние здоровья не позволяло.

- Будучи у фрау Дитман, Вы не скучали?
- Почему я должен был скучать?
- Потому что более не было уроков.
- Уроки, в частности, мне не доставляли удовольствие...

Насколько я мог понять, вопросы вертелись вокруг «преднамеренности», которая оставалась не совсем прояснённой и ещё облачённой в состояние душевной болезни. Был вызван Ерванд Абемян. В соответствии с заданными ему вопросами он рассказал о моём головокружении во время урока танцев, о моём посещении врача, моём быте, общем состоянии. В связи с последним председателем спросил:

- Он говорил Вам, кто является виновником потери родных?
 - Нет.
 - О пребывании Талаата в Берлине не говорил?
 - Нет.
 - О намерении переселиться к фрау Дитман Вам заранее сообщил?
 - Нет. Но однажды попросил меня сообщить фрау Штельбаум, что хочет поменять квартиру, потому что врач сказал, что газовый светильник ему вреден.
 - Значит, в качестве причины переселения он Вам также сослался на состояние здоровья?
 - Да.
 - Он Вам сказал, что нашёл квартиру на улице Гартенберг?
 - Нет, я не знал, где она находится.
 - Непосредственно перед переселением Вы не заметили изменения в его поведении?
 - Нет.
 - Никогда с Вами он не говорил об убийстве Талаата?
 - Нет.
 - Но ведь Вы часто бывали вместе.
 - Позже я тоже был удивлён.
 - Вы знали, что Талаат проживает на улице Гартенберг?
 - Нет.
 - С Вами он не говорил о Талаате?
 - Нет.
- Председатель откинулся на стуле.
- Когда вы, армяне, говорите о резне, что вас особенно волнует?

— То, что с нами произошло.

— Обвиняемый не рассказывал Вам, что во время резни он потерял своих родных?

— Да, один раз, но вообще об этом мы не говорили.

— Это очень удивительно, — вмешался эксперт Липман.

— Однажды со мной была книга Лепсиуса «Армяне и Германия», я перевёл ему несколько строк. Вдруг он вырвал у меня книгу и сказал: «Оставь, не будем тревожить старые раны».

— Значит, он старался не вспоминать эти события?

— Получается, что да...

Ничего не прояснили также допросы Эфтяна и Терзибашяна. Но вот тайный советник Шарлоттенбургского суда Шульце, который допрашивал меня 16 марта, начал было доказывать преднамеренность убийства.

— Ответы обвиняемого я помню довольно ясно, — сказал он, — он без труда признался, что убил Талаата сознательно и умышленно. А когда я спросил причину, он сказал, что Талаат — тот человек, по приказу которого убили его родных в Армении, поэтому он решил отомстить за родных и с этой целью прибыл в Берлин. Пистолет приобрёл на родине, старался выйти на след Талаата, после чего напротив его дома нанял комнату, чтобы наблюдать и сторожить. И однажды, заметив, что Талаат выходит, взял пистолет и настиг его. Для того, чтобы избежать ошибки, он перешёл на противоположный тротуар и, удостоверившись, что прохожий является Талаатом, убил его.

Дремавший до этого прокурор начал делать записи, задавая дополнительные вопросы. Среди слушающей общественности обострилось внимание. Мои защитники старались обесценить свидетельство Шульце. Началась борьба. Во-первых, ошутимый удар свидетельству нанёс переводчик Галустян. Он сказал, что в этот день я не был в состоянии давать показания, потому что был избит, раздавлен и обессилен. Шульце подтвердил, что, действительно, я был измучен, но оставлял впечатление совершенно спокойного человека. Председатель пожелал выяснить, не подсказывал ли ответы характер вопросов? Защитник Нимаер поднял вопрос: каким образом осуществлялся перевод моих показаний, и, в таком случае, не высказал ли Галустян своего личного мнения? Добродушный Шульце вспомнил, что переводчик принёс для меня сладости и на его возражения, как можно человекоубийце давать сладости, вос-

кликнул: «Какой убийца, для нас он великий человек». Фон Гордон ухватился за эти слова Галустяна, чтобы доказать личностный настрой в переводе. В свою очередь, Галустян сообщил, что он отказался подписывать протокол допроса, очень сомневаясь в точности моих ответов. Председатель уточнил это обстоятельство, в связи с чем мои предварительные показания были обесценены...

* * *

После получасового перерыва судебный процесс начался с допроса госпожи Кристинэ Терзибашян. Защитник фон Гордон попросил председателя допросить свидетеля о резне.

— Где Вы проживали во время войны? — спросил председатель свидетеля.

— В Карине (*Эрзрум*. — переводчик)

— Это Ваша родина?

— Да.

— Там была депортация?

— В июле 1915-го жителей собрали и объявили, что они должны оставить город.

— В городе были объявления, что армяне должны эмигрировать?

— Во-первых, через полицейских осведомили богачей города, потом объявили всем, что город надо освободить, так как стратегически он находится в опасном районе. Богачи города были осведомлены за восемь дней, а остальные — только за день. Потом выяснилось, что это обман и только армяне должны быть высланы.

— Жителей сразу вывели из города?

— В четыре приёма.

— Четырьмя группами?

— Четыре группы за восемь дней.

— Оставшимся было известно, что случилось с предыдущими группами?

— Нет.

— Был известен определённый маршрут?

— Сначала должны были идти в Ерзнка.

— В какой группе Вы были?

— Во второй.

— Опишите, сколько людей было выселено, насколько Вы продвинулись и что произошло?

— Наша семья состояла из 21 человека. Из них остались только трое.

— Какова была численность группы?

— 500 семей.

— Как умерли ваши родные?

— Наша семья состояла из 21 души. Мы наняли три телеги с воловьей упряжкой и уместились в них, взяли с собой, что смогли из еды и денег. Думали, что едем в Ерзнка, мои отец, мать, два брата, старшему было 30 лет, трое мальчиков, младшему было шесть месяцев, замужняя сестра с мужем, шесть детей, самому старшему 22 года. Я видела своими глазами потерю всех. Остались в живых только трое...

Голос женщины задрожал. Она приложила дрожащую руку к сердцу и добавила:

— Клянусь, что мы были выселены по приказу Константинополя.

— Каким образом?

— Когда мы вышли из города, у ворот крепости Карин собрались полицейские и начали искать оружие. Собрали ножи, зонтики и т.д. Мы дошли до Баберда. Когда проходили этот город, видели отдельные трупы.

— Трупы были людей, выселенных из Карина?

— Нет, из Баберда. Затем дошли до Ерзнка. Обещали нас разместить по домам, но даже не распорядились дать воды для питья.

— Как была осуществлена резня, во время которой были убиты Ваши родные?

— Когда мы прошли достаточное количество пути, от группы были отобраны и отделены 500 молодых людей. Среди них был мой брат, которому удалось бежать и вернуться к нам. Мы его одели в женскую одежду. Остальные молодые люди были вырезаны...

От удивления у председателя поднялись брови, глаза расширились.

— Что стало с этими отобранными?

— Были убиты и брошены в воду.

— Откуда знаете?

— Видела своими глазами.

— Видели, что их бросили в реку?

— Да, их бросили в реку, и поток всех унёс.

Председатель проглотил слюну.

— Что стало с оставшимися?

— Молили, плакали, но нас штыками погнали дальше.

— Кто?

— 30 полицейских и один отряд солдат.

— А что стало с Вашими родными?

— Телеги уехали, всё скинув. Что смогли, взвалили на себя и дошли до Малатии. Но нам не позволили войти в город и погнали в горы. Там отделили мужчин от женщин. Всего в десяти метрах от нас всех зарубили топорами...

Тема была для председателя очень непривычной, и он с трудом вёл допрос.

— Мужчин и женщин? — спросил он.

— Нет. Зарубили только мужчин. Когда стемнело, пришли полицейские и похитили красивых женщин и девушек. Тех, кто сопротивлялся, протыкали штыками, рвали колени, крошили рёбра даже беременных женщин...

В зале возник большой переполох. Госпожа Кристина обернулась к залу и дрожащим голосом крикнула:

— Клятвенно подтверждаю это...

Опешивший председатель пришёл в себя.

— Как Вы спаслись?

— Моего брата убили. Когда моя мать это увидела, упала и умерла. Потом один турок хотел взять меня, я сопротивлялась, убили моего сына...

— Как Вы спаслись? — закричал председатель с явным желанием освободиться от кошмара.

— Издалека заметила дым, увидела жену брата, у которой начались роды. Нас погнали в Самсек, женщина осталась там...

— Сколько человек осталось?

— Примерно 600 душ.

— А из вашей семьи?

— Мой отец, брат и я.

— Значит, пришли в Самсек? — машинально спросил он.

— Да, там отец заболел, его тоже увели. Хотя брату удалось его вернуть, вечером он умер...

— А двое братьев?

— Живы...

Председатель, обернувшись, глубоко вздохнул.

— Всё это действительность или воображение?

— Мой рассказ слабее действительности.

— Вы остались в Самсеке?

— Нет, нас погнали в Саруч...

— Хорошо, — прервал её председатель, сожалея, что начал этот допрос, — кто считается ответственным за эти ужасы?

— Всё делалось по приказу Энвера-паши, солдаты вынуждали нас коленопреклонённо молиться за его долгие лета за то, что он даровал нам жизнь...

Эти слова породили новое движение и волнение среди собравшихся, прервав её речь. Слово взял защитник Нимайер.

— Из создавшейся суматохи ясно, что слова свидетеля кажутся невероятными. Но мы в нашем распоряжении имеем тысячи подобных докладов. Однако для того, чтобы в отношении достоинства свидетеля не возникло и тени сомнения, я должен попросить, чтобы сейчас допросили о турецкой армии и полиции того времени двух хорошо осведомлённых компетентных господ: доктора Лепсиуса и уважаемого Лимана фон Зандерса.

Лет за шестьдесят, открытый красивый лоб, близорукие голубые глаза, детский рот, короткая с проседью борода, тугие литые щёки — таким был доктор Лепсиус. Память о его заявлении и осуществлённых усилиях ещё очень свежа, и благодарность к этому немецкому патриоту очень велика. В период резни он опубликовал свою работу «*Bericht über die Lage des armenischen Volkes in der Türkei*», которая явилась первым большим трудом, описывающим ужасы резни. Германская цензура не пожалела сил, чтобы ограничить распространение этой книги, и всячески постаралась, используя германскую прессу, чтобы не ухудшилось общественное мнение в отношении турок. Обо всём ходе войны, о событиях германская пресса не имела права ничего упоминать. В этих условиях преследуемый армянофил проводил свои дни за границей, занимаясь помощью и пособиями. В дальнейшем Лепсиус опубликовал свою упомянутую работу в дополненном виде под названием «*Der Todesgang des armenischen Volkes*». Затем он оказал очень большую услугу в деле выяснения истины, сразу после перемирия опубликовав документы, имеющиеся в Министерстве иностранных дел Германии, о резне и депортации в объёмной книге «*Deutschland und Armenien*». Теперь он начал свою речь, устремив на председателя сквозь очки острый взгляд голубых глаз.

— Решение о всеобщей депортации принял Комитет младотурков во главе с Талаатом-пашой и Энвером-пашой, которые осуществили решение с помощью младотурков.

Предпринятая в апреле 1915 года депортация относилась ко всем армянам в Турции за очень малым исключением, о чём я скажу отдельно. Всего до войны в Турции было один миллион восьмьсот пятьдесят тысяч армян. В Турции нет чёткой переписи, эта цифра уточняется из имеющихся статистических сведений, которые созвучны переписи Армянского Патриаршества. До войны армянское население было распространено в Европейской Турции (Константинополь, Адрианополь, Родосто) и в Азиатской Турции (Анатолия, Киликия, Северная Ассирия, Междуречье; большая часть армян проживала в Восточной Анатолии, на Армянском нагорье, на древней родине армянской нации в шести вилайетах: Карин, Ван, Багеш, Диарбекир, Себастья и Харберд). В Западной Анатолии, напротив Константинополя, на северных берегах Мраморного моря проживала большая масса нации. В Южной Анатолии — Киликия, Тавросское нагорье и североазиатские земли, граничащие с Александрийским заливом, составляли часть древней родины армян.

Лепсиус снял очки и вытер их, моргая усталыми глазами.

— Всё армянское население Анатолии высочайшим приказом было депортировано в сторону северных и восточных окраин пустыни Междуречья — Тер-Зор, Зор, Ракка, Мескене, Расул-Айн до Мосула. Было депортировано примерно 1 400 000 армян, — сказал он, надевая очки и, придав голосу силу, добавил:

— Что это означало? В приказе, подписанном Талаатом, сказано: «Цель депортации — уничтожение». И дело было осуществлено согласно этому приказу. Из всего населения Восточной Анатолии, выселенного в сторону юга, только десять процентов дошло до места высылки. Остальные девяносто процентов по дороге были убиты, женщины и девушки — похищены полицейскими и курдами, остальные умерли от голода и дистрофии. Из армян, которые были изгнаны из Западной Анатолии, Киликии и Северной Ассирии, в концентрационных лагерях на окраине пустыни постепенно собралось многотысячное количество людей. Они большей частью были вырезаны и погибли от голода. Когда концентрационные лагеря заполнялись новыми группами настолько, что больше не было места, их толпами выводили в пустыню и там резали. Турки говорят, что они переняли идею концентрационных лагерей у англичан, которые загоняли в концлагерь в Южной Африке буров. Официально объявлено, что выселения являются предупредительными

мерами, однако авторитетные личности совершенно однозначно уведомили, что цель выселения — уничтожение. Сказанное мной следует из тех документов, которые я опубликовал, собрав из протоколов имперского посольства и министерства иностранных дел. особенно — из отчётов германских консульств и германских слов в Константинополе.

Лепсиус вынул платок, вытер лоб и рассеянно сказал:

— Вы здесь слышали один рассказ о пережитом и увиденном госпожой Терзибашян во время выселения. Таких рассказов с тяжёлыми подробностями, которые несут на себе печать личных испытаний, сотнями отпечатано в германских и, частично, в английских и американских публикациях. Действительность несомненна. Способы исполнения везде похожи на рассказанное госпожой Терзибашян. В противном случае следует спросить, как можно за такой короткий срок убить миллион людей? Это было возможно сделать посредством самых варварских методов, что было доказано также во время Константинопольского процесса, который имел место в отношении Талаата-паши и его товарищей в военном трибунале. Трибунал состоял из командира одного воинского соединения, трёх генералов и одного сотника. Из пяти обвинительных пунктов первый относился к армянской резне. 6 июля 1919 года военный трибунал приговорил к смерти всех главных авторов резни: Талаата, Энвера, Джемала и доктора Назыма. Выполнение приказа по уничтожению армян было Константинополем поручено вали, наместникам вали, гаймаганам, т.е. руководителям губерний, провинций. Те чиновники, которые не хотели выполнить приказ, лишались должности. Например, губернатор (вали) Алеппо Джемаль-паша отказался выполнить приказ в своём вилайете. Талаат сместил его с должности и перевёл в Дония. Здесь Джемаль-паша взял под свою опеку ещё оставшихся в живых армян. В результате его убрали отсюда и лишили должности. Однако он был единственным достойным и справедливым из губернаторов, которых имела Турция. Другой губернатор, Рашид-бей, в Диарбекире руками кровавых исполнителей убил двоих гаймаганов, которые отказались осуществить выселение. Против турецких жителей, чиновников и военнослужащих, не выполняющих приказы, применялось насилие. Один командир третьего воинского подразделения объявил, что тот, кто будет помогать армянам, должен быть убит у себя дома, а дом его — сожжён. Если кто-то из чиновников помогал армянам,

он тут же должен был лишиться должности и предстать перед военным трибуналом.

Судьи и общественность словно окаменели под давлением этой информации. Лепсиус продолжил:

— Из общего числа армян в один миллион восемьсот пятьдесят тысяч были выселены один миллион четыреста тысяч. Значит, оставалось четыреста пятьдесят тысяч человек. Из них две тысячи человек избежали высылки. В основном, жители Константинополя, Измира и Алеппо. В спасении алеппских армян большую роль сыграл германский консул Реослер, тот, который союзной прессой был оклеветан как, якобы, организатор резни. В Измире генерал Лиман фон Зандерс встал на пути переселения армян. То же сделал общий главнокомандующий фон дер Гольц. Когда он прибыл в Багдад, узнал, что армяне Багдада выселены в Мосул и вместе с армянами Мосула должны быть выселены в сторону Евфрата, т.е. на смерть. Вали Мосула объявил, что запрещает выселение, а когда вали получил новый приказ предпринять выселение, фон дер Гольц заявил о своей отставке. Энвер-паша был вынужден уступить фон дер Гольцу, добавив в написанном им документе, что «его власть верховного главнокомандующего не позволяет ему вмешиваться во внутренние государственные дела Турции». Выселению армян Константинополя помешали посольства. Разрешите здесь сделать маленькое отступление. Часто мы читаем, что армянская резня является следствием того, что класс армянских торговцев эксплуатировал турок и турецкое население, разозлившись, периодически восставало против армян. Во-первых, доказано, что ни резня 1895—96 гг., ни последняя резня не являются следствием стихийного народного волнения, а только следствием исполнения приказов государственной администрации. Затем: фактически Константинополь, Измир и Алеппо являются торговыми центрами, и армянский торговый класс спасся от смерти как в то время, так и сейчас частично потому, что был в состоянии спасти себя. В противоположность этому, всё крестьянство Анатолии, которое составляло восемьдесят процентов всего армянского населения, вместе с ремесленниками — в большинстве армянами выслано в пустыню и уничтожено. Остатки армянского населения, около двухсот пятидесяти тысяч душ, избежали выселения и нашли убежище на Кавказе в связи с занятием пограничных вилайетов русскими войсками. В то время русские продвинулись к западному берегу озера

Ван. Когда отступили, армян взяли с собой, но не потому, что они любят армян. Янушкевич, начальник штаба Николая Николаевича, который в то время был командующим Кавказа, заявил, что Россия опустошённые земли должна заселить курдскими и казачьими колониями, чтобы создать широкий военизированный пояс против турок. Целью русских было иметь «Армению без армян». Во всяком случае, наступление русских спасло жизнь трёмстам пятидесяти тысячам армян, хотя отступление русских и лишило их родины. Эти беженцы до сих пор проживают на Кавказе, на очень ограниченной территории, годами подвергаясь голоду и лишениям. Человек невольно задаётся вопросом: «Как подобные события стали исторически возможны?» Я постараюсь кратко ответить на этот вопрос.

Армянский вопрос не возник сам собой, он является плодом европейской дипломатии. Армянский народ стал жертвой политического противостояния России и Англии. В шахматной игре Лондона и Петербурга была армянская пешка, которую то выдвигали вперёд, то жертвовали ею. Гуманитарные призывы, «христианское кровительство» — только отговорки.

Лепсиус напомнил ряд известных исторических фактов, как во времена Абдул Гамида армянским преобразованиям, предлагаемым со стороны государств, предшествовали и следовали армянские погромы, в конечном итоге достигнув во времена младотурков цели уничтожения.

Затем, возвратившись к теме депортации, сильно волнуясь, описал резню и изгнание армянской интеллигенции.

— Личный друг Талаата, армянский член парламента Вардкес ещё не был арестован, — рассказывал он, — пошёл к Талаату, чтобы выяснить причину преследований. «В наши тяжёлые дни вы со своими требованиями преобразований были у нас как кость в горле, а теперь мы должны воспользоваться нашим благоприятным положением и так разбросать ваш народ, чтобы вы на пятьдесят лет выкинули из головы идею преобразований». Вардкес добавил: «Значит, хотите продолжить дело Абдул Гамида?» Талаат ответил: «Да». Исполнение было осуществлено в соответствии с этой угрозой. Согласно освещению «*Journal officiel*», судебный процесс Константинопольского военного трибунала выяснил, что решение о выселении принял Комитет младотурок, а Талаат-паша, душа и самый влиятельный человек Комитета, отдал приказ на уничтожение. На

основании германских и турецких документов в отношении этого можно представить письменный доклад. Целью этих моих слов является прояснить, что политические игры государств довели до того, что сначала Абдул Гамид, а затем младотурки стали настолько подозрительно относиться к армянам, что пришли к выводу, что ничего не остаётся, как уничтожить армян...

Глава 10

Прокурор требует смертной казни

Выступление Лепсиуса произвело ошеломляющее впечатление не только на непосвящённую общественность, но и на адвокатов, судей. Фон Гордон признался, что он не имел такого полного представления об этих ужасных событиях. Общественность выражала своё волнение перешёптыванием. Прокурор Долник потирал склонённую к бумагам голову. Присяжные были погружены в дописывание своих записей. Председатель на миг замешкался, не зная, что делать дальше. Моментом воспользовался защитник Вертауер и задал доктору Лепсиусу несколько вопросов.

— Почему политические игры Англии и России способствовали уничтожению армян?

— Потому что внушили туркам страх, что хотят создать независимое армянское государство, а это поставило бы под угрозу существование Азиатской Турции, — ответил Лепсиус.

— Раньше мы думали, что взаимная ненависть армян и турок имеет вековую традицию, потому что первые — христиане, а вторые — магометане.

— Фантастическая идея создания общетурецкого, общеисламского государства, в котором не должно было быть места христианам, принадлежала Комитету и Энверу-паше.

— Значит, для того, чтобы армяне не освободились, так же как и балканские народы, решили их уничтожить?

— Да, граф Меттерних, который в 1918 году был германским послом в Константинополе, в своём отчёте от 30 июля писал: «Вопрос армян решён. Стая младотурков с нетерпением ждёт, когда Греция выступит против Турции. Греки составляют культурный элемент Турции. Но и они должны быть уничтожены, как и армяне».

Председатель перешёл к показаниям следующего свидетеля, осведомлённого о событиях в Турции, — Отто Лимана фон Зандерса. Высокий, с круглым лицом, статный Зандерс, несмотря на то что ему было под семьдесят, сохранил свежесть. Он был руководителем военной делегации, посланной Вильгельмом в 1913 году. Он реорганизовал турецкую армию и сам провёл мобилизацию в августе 1914-го — за три месяца до вступления Турции в войну.

— Я хотел бы к сказанному господином Лепсиусом кое-что добавить с военной точки зрения, — сказал он. — Мне кажется,

следует разделить на две части всё то, что имело место в Армении и квалифицируется как «армянская резня». Во-первых, приказ младотурков о депортации. За это распоряжение можно привлечь к ответственности турецкое правительство полностью, а за последствия — только частично. Затем — те бои, которые имели место в Армении. Армяне прибегли к самообороне, не желая подчиниться распоряжению турецкого правительства о разоружении и, объединившись с русскими, воевали против турок. Естественно, эти бои дали повод для резни. Думаю, что эти вещи надо отделить друг от друга. На основании последних сообщений военных и политических должностных лиц, которые с военной точки зрения считали необходимым очистить Восточную Анатолию от армян, турецкое правительство распорядилось о выселении.

Это всё, что сказал Лепсиусу Энвер в связи с ходатайством великого гуманиста пощадить жизнь хотя бы армян побережья.

— Так как в адрес немцев сказано много ошибочного и неверного, — продолжал генерал, — хотел бы отметить, что на Кавказском фронте полковники и командующие генералы состояли из турок. Я уже сказал, что эти военные и дипломатические должностные лица доложили в Константинополь о сложившемся положении, на основании чего началось выселение, выполнение которого находилось в самых плохих руках. Следует добавить, что турецкая полиция перед войной состояла из 85 тысяч человек и одного элитного полка. Но они вошли в состав армии, и взамен была создана вспомогательная полиция, которая состояла не из лучших элементов — частично из бандитов и частично из бродяг. Среди этих людей, естественно, дисциплина была минимальной. Вот эти обстоятельства следует иметь в виду, когда речь идёт о жестокостях, имевших место во время высылки. Не турецкие солдаты спровоцировали эти жестокости, а случайный состав полиции, создание которой диктовала нужда. Следует также иметь в виду, что турецкий этап был настолько плох, что погибли не только армяне, погибло множество турецких солдат от недостатка пищи, от болезней, отсутствия организации. Тысячи солдат умерли от голода в моей армии во время Гелипольского похода. Я думаю, всё это надо иметь в виду, — добавил генерал и, немного подумав, продолжал, — наконец, нельзя пренебречь тем, что конвоирующие группы частично находились под воздействием «священной войны» и думали, что жестокое обращение с христианами-армянами является благим делом. Низшие

чины могли быть больше одержимы этой страстью. Наконец, также и курды, которые враждовали с армянами, постоянно нападали на них и резали...

Генерал вынул из кармана шёлковый платок, вытер широкий лоб и, пытаясь расширить пальцами давящий воротник, продолжил.

— Насколько мне известно, в то время германское правительство постаралось смягчить бедственное положение армян, насколько позволили обстоятельства. Но это было трудным делом. Мне, в частности, известно, что посол Меттерних направил правительству решительные протесты в связи с распоряжениями в отношении армян. О нас, хоть и много было подозрений, могу сказать, что ни один немецкий офицер не принимал участия в распоряжениях, направленных против армян. Наоборот, вмешивались, где могли. Должен отметить, что я никогда не получал приказа в отношении армян, подписанного Талаатом. Полученные мной приказы были подписаны Энвером и были пустые, иногда лишённые смысла. Например, однажды я получил приказ убрать из штаба всех евреев и армян. Естественно, приказ не был исполнен, потому что мы в них нуждались в качестве переводчиков. Подобные лишённые смысла приказы я получал часто.

Казалось, что генерал завершил свою речь, председатель даже сделал соответствующий жест, но вдруг Зандерс, словно вспомнив что-то важное, сказал:

— Когда в феврале 1916-го от наместника Вильмара я узнал, что вали хочет выселить из Адрианополиса армян и евреев, я выехал в Константинополь, и моими усилиями, сопротивлением посла графа Меттерниха и посла князя Палавичини высылка была остановлена. В другой раз, в Измире, когда вали ночью поднял с постели 600 армян, погрузил в вагоны и хотел выселить, я пригрозил, что мои солдаты расстреляют его полицейских, если пострадает хоть один армянин. Вали был вынужден отозвать свой приказ. Об этом случае в своей книге рассказывает господин доктор Лепсиус. Вот примерно всё, что я знаю. Хотел бы отметить, что я не был в Армении и не сблизился с Арменией и что турки у меня не спрашивали совета в отношении мер, предпринимаемых к армянам. Наоборот, они всё от нас скрывали, чтобы мы не имели представления о внутривосточных событиях. Самой большой клеветой заграничной прессы является то, что мы, якобы, были участниками этих распоряжений. Наоборот, в соответствии с нашими обязанностями мы

вмешивались, где могли. В подчинённом мне районе армяне проживали рассеяно, и факты, рассказанные сейчас, были единственными, которые случились при мне. Насколько Талаат причастен к распоряжениям против армян, я не знаю. Насколько мне известно, основной приказ о выселении армян был от 20 мая 1915 года. Во всяком случае, это был результат умонастроений Комитета, который затем был одобрен министерством. Исполнение, как я сказал, было в руках вали и их подчинённых и, в большинстве своём — полицейских. Во всяком случае, считаю своим долгом сказать, что в течение пяти лет, когда я был в Турции, я приказов против армян, подписанных Талаатом, не видел и не могу свидетельствовать, что такой приказ был дан...

* * *

После речи Зандерса создалось положение, словно судили не меня, а Талаата и его самого. Бессвязное, лишённое внутреннего убеждения, формальное, бездушное, неправдивое выступление не возымело никакого воздействия. Не только суд, но и сведущая публика понимала, что нельзя уничтожить целый народ из-за «военной необходимости», что неправильно вину «высших» чинов сваливать на «низших», когда они выполняют приказы свыше, что можно было положить конец резне, если действительно решение о депортации исполнялось неправильно, что бессмысленно сохранять сдержанность по отношению к этому решению и указывать на «плохое» исполнение, что, наконец, тысячи женщин и детей не виноваты в том, что кто-то ведёт нечистоплотные политические игры.

Мои защитники были явно разочарованы выступлением приглашённого ими компетентного свидетеля. Это разочарование очень деликатно выразил фон Гордон.

— Высокочтимый господин, вы сказали, хотя и не в положительном плане, но во всяком случае высказались в том смысле, что ответственными за жестокости являются низшие чины?

— За жестокости, но не за депортацию.

— Высокочтимый Лиман фон Зандерс взбудоражил нашу совесть, — обратился фон Гордон к председателю, — он сказал, что не Талаат-паша ответственен за жестокости, а те непорядочные органы, которым было поручено исполнение приказа о депортации. Это противоречит царящему среди армян общему мнению и, в частности, убеждению господина доктора Лепсиуса. Я считаю

своим долгом представить пять телеграмм, полученных временной администрацией Алеппо.

Фон Гордон сделал нервное движение в сторону председателя, но остановился и добавил:

— Две из этих телеграмм я хотел бы прочитать здесь: профессор Лепсиус изучил...

— Вы предвосхитите факт, если читаете сейчас эти телеграммы, — перебил его председательствующий.

— Но я должен сказать, что в них содержится, — заявил фон Гордон взволнованно и, не ожидая разрешения, продолжил, — телеграммы подтверждают, что Талаат лично дал приказ уничтожить всех армян, вплоть до младенцев. Сначала он дал приказ сохранить детей, которые не в состоянии вспомнить, кем были их родители. Затем, в марте 1916 года этот приказ был аннулирован, и дети также были сочтены вредными элементами для турок. Истинность этих телеграмм может засвидетельствовать литератор Арам Антонян, который получил их во временной администрации Алеппо после взятия города англичанами и предоставил армянской делегации.

Но взволнованность фон Гордона не преследовала цели разоблачения, а лишь защиту моей ничтожной личности.

— Лично я считаю возможным и даже вероятным и надеюсь, что присяжные верят обвиняемому, что он твёрдо и небеспричинно, до глубины души был уверен, что Талаат является автором и ответственным за те ужасные жестокости, осуществлённые по отношению к армянам. Если такая уверенность есть, в таком случае я могу отказаться от оглашения этих телеграмм.

Таким образом, вопрос касался моральных основ защиты.

— Прошу отказать в этом предложении, — строго вмешался прокурор Долник, — господин председатель допустил ведение довольно пространных дискуссий в отношении личности Талаата. Никто не сомневается в том, что обвиняемый уверен, что виновником жестокостей является Талаат, тем самым его мотив полностью ясен. Абсолютно невозможно в этой судебной инстанции установить вину Талаата, в этом случае должно быть вынесено историческое решение, для чего необходимо иметь различные материалы.

Хотя фон Гордон в основном и был удовлетворён, но создавшееся напряжение полностью не ослабло. Защитник Нимайер обратил внимание на то, что Талаат занимал высший пост в прави-

тельстве — великого визиря, ответственного за всё представителя государства, и по-иному мыслить невозможно...

Председатель перешёл к докладам медицинских экспертов, которые порознь подвергли меня обследованию в тюрьме. Один из них — тайный медицинский советник врач Рсиирт Штермер, шестидесятилетний сухой, хмурый мужчина, приписывал мне эпилепсию, возникшую на психической почве, основой чего явились случаи потери сознания вследствие нервных расстройств. Но эта болезнь, вместо того чтобы облегчить, усугубила моё положение.

— К числу особенностей эпилепсии, возникшей по психическим причинам, относятся также твёрдость воли и упорство — качества, обычно очень редкие, — говорил он, — в восприятии — скрупулёзное планирование и последовательность вплоть до исполнения. При всех обстоятельствах такие больные, несмотря ни на какие препятствия, исполняют то, что задумали. Этим объясняется то обстоятельство, что обвиняемый, несмотря ни на какие трудности, стремился найти своего ненавистного врага, обдумывая, как можно исполнить свой план наиболее удобным способом. Когда наблюдение из его комнаты завершается, он берёт оружие, выбегает, изучает одежду и наносит удар в область между шляпой и пальто. В этом я вижу осуществление давно подготовленного принятого решения.

Штермер не отрицал, что имевшие место в Армении «события травли» сильно подействовали на мой душевный мир, но всё это не повлияло на мою волю, способность свободно решать и действовать, в связи с чем я был ответственен по всей логике закона.

Иной точки зрения придерживался профессор Липман.

— Изначально должен сказать, что обвиняемый — человек редкой искренности и не напускает на себя искусственного вида, — сказал он. — Он даже чересчур сдержанный, в нём есть некоторая согласованность, он дал мне понять — пусть будет, что будет, он более не имеет интереса к жизни. Всё это сидело глубоко в нём, надо было постоянно допытываться, чтобы что-то выудить из него. Абсолютно ясно, что мы здесь не имеем дело с умалишённым и его поступок не был осуществлён во время помутнения рассудка. Причина здесь кроется в тяжёлых потрясениях и «сверхценной идее» — идефикс.

Липман разъяснил пути развития этой идеи для чувствительной природы вследствие тяжёлых душевных переживаний.

Сверхценная идея закрепляется у подобных натур и постепенно завладевает человеком, всегда присутствует и давит на человека, подчиняя своей власти.

Затем он разъяснил, как я подчинился власти этой идеи.

— Основной идефикс является внутренняя потребность мести за убийство матери, родных, родственников. Подпав однажды под власть этой идеи вопреки своей воле и желанию, он не смог освободиться от её давящего воздействия.

Основываясь на этом, Липман находил, что я не был полноправным хозяином своей воли в момент осуществления убийства. Своё заключение он обобщил, назвав это «эпилепсией волнения».

Профессор Касирер, у которого я был перед событием, с новыми данными пришёл подтвердить мнение Липмана. Ту же точку зрения защитили остальные два врача-эксперта — Бруно Хакен и Эдмунд Форстер. Последние два даже настроились на мнение, будто я совершил убийство при полном отсутствии свободной воли...

День подошёл к концу, продолжение судебного процесса перенесли на завтра. После общения с внешним миром моё стремление к свободе обострилось настолько, что я словно был в тюрьме первый день. Я старался вспомнить и сопоставить минусы и плюсы дня, делать выводы в отношении возможного итога судебного процесса, и всё ещё был преисполнен надежды, что буду жить. Причиной особенно большого морального удовлетворения было выступление Лепсиуса. Он раскрыл всё то, что я намеревался сказать во время моего первого допроса примерно три месяца назад...

Ночью я во сне видел маму. Будто я иду через бескрайнюю пустыню, и вокруг меня на огромном пространстве слой за слоем распростёрлись песчаные барханы, словно окаменелые волны. И я иду за следами босых ног, которые то появляются, то исчезают. Вдруг вижу среди песков мою мать, лежащую в лохмотьях, которая не мигая смотрит на меня. Я бросаюсь вперёд, чтобы её поднять.

— Нет, сынок, я умерла, нет смысла, иди домой. — говорит она очень устало, — но видишь, что со мной сделали, даже горсти земли нет на мне, ночью очень холодно, мёрзну, особенно бока.

— Подожди, мать, я тебя хорошенько укурую.

— Да, укрой, сынок, укрой...

И я бережно укрываю песком её босые ноги, почти голые бока, грудь. Когда хочу укрыть голову, она говорит:

— Нет, сынок, пусть моя голова останется открытой, чтоб могла дышать... Теперь хорошо, молодец, ну, иди домой...

* * *

Утром судебный процесс возобновился в присутствии ещё большего количества народу. Сегодня стояло больше людей. Возвышенное место заняли судебные и иные должностные и избранные лица.

Доктор Лемберг, открывая заседание, объявил, что фактическая часть судебного процесса исчерпана, и оформил следующие вопросы для присяжных:

1. Виновен ли подсудимый Согомон Тейлирян в умышленном убийстве 15 марта 1921 года в Шарлоттенбурге человека — Талаата-паши?

Пояснил, что этот вопрос относится к непреднамеренному убийству. Следующий вопрос оформил так:

2. Осуществил ли обвиняемый убийство преднамеренно?

На этот вопрос следовало ответить в том случае, если на первый вопрос был дан утвердительный ответ.

Наконец, если на первый вопрос был бы дан утвердительный ответ, а на второй — отрицательный, было необходимо уточнить:

3. Имеются ли смягчающие обстоятельства?

Теперь слово было предоставлено прокурору Долнику.

— Господа присяжные, — начал он, — данному криминальному случаю исключительное значение придаёт неюридическая сторона и объясняет тот бурный интерес, который замечен не только в судебном зале, но также в нашей стране и даже за границей. Причина в другом. Случай в своей психологической основе охватывает времена мировой войны. Он затрагивает жестокие кровавые события, имевшие место в далёкой Малой Азии, и мы словно опять слышим грохот прошедшей мировой войны. Другой причиной значимости случая является личность жертвы. Из безымянной массы поднялась рука, которая низвергнула на землю человека, который в тяжёлые дни борьбы народов вершил судьбу своей родины и который в качестве союзника немецкого народа дошёл до вершин фортуны и славы.

Он лёгким покашливанием прочистил горло и, немного наклонившись вперёд, продолжил:

— Прежде всего следует выяснить следующий вопрос: действие совершено преднамеренно или нет? Когда я сам себя спрашиваю об

этом, естественно, возникает другой вопрос: какие причины толкнули обвиняемого на этот шаг? Нет сомнения, что мы имеем дело с политическим убийством. Мотивом у обвиняемого была политическая ненависть, политическая месть. Здесь вы слышали много чего, совершённого в далёких местах. Нет сомнения, что имели место страшные вещи, в отношении армянского народа совершены ужасные вещи, и, несомненно, с семьёй обвиняемого случилось что-то ужасное. Судьба нанесла удары, потрясшие его до глубины души, потому что его родные были преданы смерти. И вот, в нём зародилась идея мести. И нет никакого сомнения в том, что обвиняемый в лице Талаата видит автора той судьбы, удары которой настигли его, его семью и многих его соплеменников. И в лице Талаата-паши он видел не только министра внутренних дел, который нёс формальную ответственность за всё, что имело место в период пребывания его на этой должности, но лично ответственного автора упомянутых преступлений.

— Господа! — воскликнул Долник, придавая голосу силу, — уяснение этих мотивов полностью достаточно для квалификации поступка Тейлirianя с юридической точки зрения. Но допрос свидетелей распространился также и на вопросы: действительно ли Талаат-паша является автором и лично ответственным за эти преступления? По моему мнению, хотя с уголовно-юридической точки зрения это совершенно безразлично, тем не менее, я должен возвратиться к этим вопросам, поскольку они стали предметом рассмотрения во время допроса свидетелей. Нет сомнения, и показаниями свидетелей доказано, что армяне и их друзья уверены, что Талаат-паша организовал армянские погромы. Однако, господа, это необъективная точка зрения, и здесь было бы хорошо привести целый ряд свидетелей, которые об имевших место событиях представят совершенно иную точку зрения. Я говорил со многими немцами, которые находились в Турции и были свидетелями событий. Они имеют совершенно другое восприятие. Они сообщили, что неопровержимой действительностью является то, что решение уничтожить армян приняло правительство Константинополя. Возможно, неправильно осознанное соображение государственной и военной безопасности толкнуло его на издание приказа о депортации, который, в результате, при всех обстоятельствах стал роковым...

Председатель прервал эти замысловатые заверения, попросив не останавливаться на тех вопросах, которые не были предметом допроса свидетелей.

— Я могу воспользоваться этим правом, поскольку эта разница проявилась в точках зрения компетентных свидетелей. Данные господина Лепсиуса, как бы интересны они ни были, для меня имеют тот недостаток, что придают событиям чрезмерно последовательный, запрограммированный характер. Нетрудно увидеть, что доктор Лепсиус пришёл к этому выводу не с места событий на основе личного опыта, а исходя из сведений, полученных в более поздние сроки. По этой причине, думаю, имею право более весомо оценить аргументации генерала Лимана фон Зандерса. Он в то время занимал высокий пост, очень близко был знаком с событиями и здесь чётко подчеркнул разницу между приказом о выселении армян и способом исполнения выселения. Правительство Константинополя имело данные, что армяне планируют предательство, что совместно с союзными государствами они плели интриги против турок и решили в случае удобной военной ситуации напасть на турок с тыла и провозгласить свою независимость. Заботясь о государственной и военной безопасности, правительство Константинополя сочло необходимым выселить армян. Возвращаясь к способу выселения, мы должны иметь в виду, господа, что Малая Азия — не та страна, где царят особые условия цивилизованных народов...

Здесь Долник на миг задумался над тем, что неприятным определением может оскорбить память своего подзащитного, и добавил:

— Я хочу быть осторожным в выражениях, я имею в виду те условия, к которым мы привыкли до войны. Традиции в Малой Азии — варварские и кровавые, осведомлённый господин отметил, что в то время была провозглашена священная война, и вот, когда представители иных племён и религий увидели, как турки, выселяя, собирают со всех сторон армян, это, естественно, стало сигналом для нападений на армян. И проявились самые отвратительные инстинкты человеческой природы — грабежи, убийства и т.д. Осведомлённый господин отметил также, что мобилизованные для выселения жандармы уже были не элитными солдатами, а собранными без разбору подонками, которые затем по собственной инициативе осуществили известные убийства.

В этот миг Долник был похож на тех наивных европейцев, которые легко соглашались со своевольным толкованием событий, имевших место в далёких, незнакомых странах, когда их об этом уверяют «разумными» разъяснениями. Во всяком случае, он с напором добавил:

— На этом основании я должен сказать, что допрос свидетелей не даёт основания для доказательства, что Талаат-паша — тот человек, который лично и морально ответственен за осуществлённые ужасы. Эту мою точку зрения не могут поколебать также те документы, оглашение которых было здесь предложено. Я как прокурор знаю, как, например, у нас во время революционной неразберихи были опубликованы подобные документы, на которых были подписи важных персон и которые, как потом выяснилось, были поддельными. Меня не может, наконец, ввести в заблуждение также тот приговор суда, который был принят в Константинополе в отношении Талаата-паши и о котором здесь было упомянуто. Я не знаю, насколько там уточнена фактическая истина. Может быть так, но известно, что после свержения какой-либо администрации для новой администрации сторонники старой считаются преступниками. А осуществлённые в те дни в Турции изменения были более чем грубыми. Дружественное государствам Центральной Европы правительство младотурков было изгнано, и на его место было приведено другое, которое было вынуждено быть в ладах с союзными странами, враждебными этим государствам. В этом причина, что мы не можем знать, выяснилась или нет фактическая истина во время этого судебного процесса.

— Возвращаясь к убийству, — продолжил Долник, бегло взглянув в свои записи. — Я уже пояснил, что обвиняемый пошёл на это с уверенностью, что истинным автором резни является Талаат. Господа, несомненно, это не бесчестная причина, если иметь в виду громадный масштаб преступлений. Это причина, которую по-человечески можно понять, поскольку есть люди, способные на любовь и ненависть. И когда встаёт вопрос о том, что обвиняемый действовал обдуманно, это ясно само собой. Если вы обратите внимание на то, как обвиняемый после посещения в Ерзнка развалин отцовского дома проходит через всю Европу, доходит до Берлина, вам станет ясно, что он преисполнен фанатичной идеей мести. Он словно силой магнитного притяжения был приведён к двери дома, где проживала его жертва. Таким образом, совершенно верно то заявление, которое он сделал во время своего первого допроса. Он сказал: «Увидев развалины дома моих родителей, я проникся идеей мести, которую решил осуществить; в то время я купил пистолет». Затем мы видим, как обвиняемый по определённому плану и взвешенно приступает к исполнению, мы видим, как он оставля-

ет свою бывшую квартиру, как объясняет это соображениями здоровья, как удаётся найти новую квартиру напротив дома Талаата, как 15 марта, взяв пистолет, бежит за ним, затем как обходит его, чтоб удостовериться, он ли это, и снова, заходя обратно, наносит смертельный удар. Прицел был взят настолько хорошо, что смерть наступила мгновенно...

Здесь Долник был прав и точен, как пророк.

— Господа, — сказал он, устремив взгляд на присяжных, — мы видим, что обвиняемый действует хладнокровно и спланированно. После убийства он отбрасывает пистолет и пробует убежать. И когда его ловят и начинают избивать, он кричит: «Ни убитый, ни я не немцы. Вы, немцы, не имеете основания для волнений». Господа, имея в виду все эти обстоятельства, каждый человек должен прийти к тому заключению, что убийство совершено преднамеренно, хладнокровно и взвешенно. Таков также и характер обвиняемого. Он не горячий и легко возбудимый, наоборот, это собранный, спокойный и печальный человек. Это не человек, который может предаться восторгу и радости и взорваться яростью, а человек, который взвешенно обдумывает свои мысли и идеи. Я думаю, что основные признаки преднамеренного убийства можно считать фактически доказанными. Но этого недостаточно для наказания обвиняемого. Следует рассмотреть, нет ли таких обстоятельств, которые делают поступок ненаказуемым. И здесь выступает 51-я статья Уголовного кодекса Германии, согласно которой действие ненаказуемо, если субъект осуществил его бессознательно или в момент осуществления действия находился в состоянии болезненного нарушения рассудка, которое делает невозможным свободное проявление воли. Теперь возникает вопрос: «Имеются ли такие обстоятельства в отношении обвиняемого?» Само собой разумеется, что, если бы эксперты говорили одно и то же, суд, естественно, придерживался бы их точки зрения. К сожалению, мы здесь не имеем единого мнения экспертов, следовательно, суд вынужден сам решить, применимы ли в данном случае выкладки 51-й статьи или нет? В этом случае необходимо изучить личность обвиняемого, как он себя проявил в течение судебного процесса. Я считаю, что он оставил такое впечатление, что находится в нормальном умственном состоянии. Его ответы остры, своевременны и к месту.

— Его личность должна быть видна нам из его жизни. Насколько это нам известно, он жил, как другие молодые люди. Он наве-

шает своих друзей и соплеменников, берёт уроки языка и танца, домовладелицы характеризуют его как скромного и приличного человека. Таким образом, мы видим, что вне приступов эпилепсии интеллектуально он находится в удовлетворительном состоянии. По этой причине я думаю, что следует присоединиться к тем экспертам, которые отрицают возможность применения 51-й статьи.

Прежде чем сделать вывод из сказанного, доктор Долник на миг задумался, по-видимому, ему было не так легко примирить в себе человечность с логикой закона. Он сказал.

— Господа, наш основной закон в случае преднамеренного убийства не признаёт смягчающих обстоятельств, и я могу понять, что для некоторых будет казаться строгим, если я буду вынужден требовать, чтоб обвиняемый был признан виновным в преднамеренном убийстве. Но, господа, не надо иметь в виду только обвиняемого, но также и жертву, подумайте, что здесь лишён жизни мужчина, который находился в расцвете сил, чью смерть оплакивают его вдова и близкие, и что хотя бы среди соплеменников и представителей религии он пользовался репутацией большого патриота и почитаемого человека. И, наконец, господа, те обстоятельства, которые здесь были широко представлены в пользу обвиняемого, согласно нашему основному закону, безусловно, будут полностью учтены верховной инстанцией при даровании помилования. Следовательно, господа присяжные, предлагаю вам на представленные вопросы дать положительный ответ и признать обвиняемого виновным в совершении преднамеренного убийства.

Лучше защитить Талаата в суде было невозможно...

Глава 11

Нет, не виновен!

До этого я с такой ясностью не представлял охватившее меня стремление убить Талаата. Меня беспокоила не моя судьба, а то, что имело место на суде.

Первым из защитников взял слово фон Гордон.

— Господа присяжные заседатели, господин прокурор припомнил, что если даже здесь вы признаете обвиняемого Тейлиряна виновным и тем самым дадите основание для того, чтобы его приговорили к смерти, этим обстоятельством большого зла причинено не будет, потому что президент республики либо смягчит наказание, либо помилует обвиняемого. Это недопустимая форма оказания на вас воздействия. Если вы признаете обвиняемого виновным, он будет приговорён к смерти, и никто из нас не может знать, какое решение примет президент Германской республики в отношении помилования. Здесь следует решать на основании права, а не указывать на путь помилования. В лице господина старшего прокурора я должен бы с радостью приветствовать защитника. Но он выступил не защитником Тейлиряна, а Талаата-паши, да и то, к несчастью, только на основании тех фактов, которые доложили и рассказали ему разные люди. Господа, я сознательно избегаю такой формы защиты. У меня есть целый арсенал телеграмм, и здесь сидит свидетель, который готов подтвердить их достоверность. Я предложил обнародовать здесь эти телеграммы, но сам же и отказался от этого предложения, потому что для нас достаточно, что Тейлирян, как и все его соплеменники, был уверен в авторстве Талаата всех ужасов, и вы верите в это. Достаточно той ясной и бесспорной действительности, что из одного миллиона восьмисот тысяч армян один миллион четыреста тысяч были высланы и из них был вырезан один миллион. Я бы попросил, чтобы каждый человек подумал, возможна ли такая резня без последовательной организации и программы, действительно ли турецкое правительство было не в силах предпринять меры против этого перманентного бедствия? Вы верите в это?..

Фон Гордон, соединив руки, какой-то миг смотрел на присяжных, словно ждал от них ответа на свои вопросы, и с болью в голосе продолжил:

— Несколько дней назад наши противники распространили книжку уличного пошиба под названием «Тайна убийства Талаата-

паши». Предполагается, что за этим скрывается одно большое государство. «Молодой армянин, — сказано там, — который взял на себя убийство Талаата-паши, является орудием варварского неистовства, что характеризует его племя. Его волнующий рассказ о том, как турки уволокли его родителей, конечно, только преследует цель пробудить симпатии суда». Не следует лишний раз доказывать, что в этом убийстве нет никакой тайны, и если автор этой книжки был вчера здесь и слышал показания госпожи Терзибашян, то, наверное, удалился с внутренним убеждением взять свои слова обратно. Мы имели желание привести в этом направлении более обширные доказательства. Здесь присутствуют две немецкие сестры милосердия, которые в дни высылки были в Ерзнка и о событиях, имевших место, доложили в наше министерство иностранных дел. Но я отказался также и от допроса этих свидетелей, потому что достаточно того, что здесь рассказала госпожа Терзибашян. У меня нет в мыслях вспоминать здесь ужасные картины. Скажу только, что обвиняемый был под впечатлением этих ужасов, когда во время наступления русских он возвратился в Ерзнка с надеждой, что кто-то из его многочисленной родни остался жив. Он пришёл и увидел свой родной дом полуразвалившимся. Но ещё многое осталось, что напомнило о милых сердцу, с которыми он там жил и провёл детство. Да, сколько ещё было всего, что он мог вновь узнать в своём когда-то дорогом и спокойном очаге! И когда он увидел свой осиротевший и опустевший дом и ему привиделись ужасные картины резни, сын здорового человека, здоровый обвиняемый упал на землю, потеряв сознание. Что он потом увидел в Ерзнка? Из двадцати тысяч армян всего одну принявшую ислам семью и несколько отдельных людей. Всего двадцать человек из двадцати тысяч армян...

Фон Гордон говорил это, отчётливо останавливаясь на каждом слове. Внезапно он взорвался:

— Господа, это такие впечатления, которые человек не может забыть до смерти... Но интересно то, что наш подзащитный, согласно свидетельствам, был очень сдержанным и малоразговорчивым. И действительно, тот, кто бесконечно глубоко переживает, говорит с неудовольствием. И Тейлирян почти не говорит о событиях. «У меня нет родины, мои родные убиты», — отвечает он учительнице на поставленный вопрос в связи с темой занятия. «Оставь, ради Бога, не будем беречь старые раны», — говорит он своему другу Абеяну по поводу чтения книги Лепсиуса. Господа, вы здесь

видите не человека, который постоянно цепляется за эти кровавые события, но человека, который избегает этого. Но вдруг события круто разворачиваются. Он случайно встречает людей, говорящих по-турецки, среди которых Талаат, названный «пашой». Нетрудно представить пережитое им потрясение. Остальное известно. Вот этот человек, и я, в свою очередь, хочу юридически ответить на вопрос, как следует судить его поступок. Во-первых, действительно ли этот поступок осуществлён преднамеренно? Высшая инстанция государства в восьмом томе своих решений указывает на разницу между нашим сегодняшним и бывшим прусским уголовными кодексами в отношении этого. Согласно прошлому праву, действие, осуществлённое на основании принятого решения за 14 дней до этого, означает преднамеренность. Сегодня этот закон изменён. Высшая инстанция решительно утверждает, что решающим является момент совершения преступления. Значит, главное не то, когда было принято решение, а то, имела ли место преднамеренность в момент совершения убийства и был ли свободен Тейлирян в этот момент от кипящих в нём сильного душевного волнения, страсти, воображаемых картин? Я не хочу давать ответа на этот вопрос, который, по моему мнению, находится в самой сути дела. О безответственном состоянии, о болезненном нарушении душевного состояния мы здесь услышали мнения нескольких экспертов. Господин Штермер, наш опытный судебный врач, но всё же не психиатр, пришёл к убеждению, что хотя это и влияет на проявление свободной воли, не уничтожает свободу воли. Господин профессор Липман очень деликатно пояснил, что эпилепсия здесь не органическая, а что болезнь проявляется как следствие мощного душевного впечатления от страшных событий, разрушенного отцовского дома, которые сделали обвиняемого больным. Итак, по мнению Липмана, Тейлирян — душевнобольной с наименьшей степенью ответственности. Профессор Касирер в основном присоединился к этому мнению и по сути согласен с ним.

— Известный специалист господин профессор Форстер в начале своей речи присоединился к мнению профессоров Липмана и Касирера. Но затем, опираясь на новые опыты в психологии, пришёл к заключению, что в данном случае в большей степени это тяжёлая болезнь: «При всех обстоятельствах в связи с этим случаем имею мотивированные сомнения», — сказал он. Возвращаясь к вопросу и прямо основываясь на этом сомнении, считаю своим долгом

сказать, что закон в таком случае не принимает никаких сомнений. Согласно закону, должно быть полностью установлено, что данное лицо вменяемо. Даже самое маленькое сомнение в данном случае превращает субъекта в невменяемого. Для аргументации судебного решения недостаточно отрицательного толкования, что не были выявлены такие обстоятельства, которые могут объявить свободу воли сомнительной, но необходимо констатировать однозначно: «Этот человек вменяем». В одном из постановлений высшей инстанции сказано: «Свободная воля отсутствует в том случае, когда вследствие психического расстройства определённые представления или ощущения, или внешнее воздействие так сильно властвуют над волей, что делают невозможным принятие больным решения посредством нормального обдумывания». Следовательно, когда совокупность всех психических сил, всё «я» побуждает к решению, только в этом случае ответственность за действия можно приписать данному субъекту как единому целому. «Если на кого-либо влияет мощная идея, которая порождает поступок, а все остальные стимулы пребывают в тени, в таком случае уже это не всё “я”, а его болезненная часть, которая и совершает поступок», — говорит закон. Теперь, исходя из этой точки зрения, надо задаться вопросом: «Можно ли с уверенностью утверждать, что в тот момент, когда обвиняемый увидел Талаата-пашу, взял оружие и выбежал, чтобы напасть, он был абсолютным хозяином своих психических сил, чтобы принять свободное решение?» Двое из специалистов-экспертов говорят: «Нет, нельзя утверждать, что он был вменяем», остальные имеют сомнения.

Фон Гордон обратился к присяжным.

— Господа, думаю, этих разъяснений достаточно, чтобы вы могли определить, какую занять позицию. Знаю, что могут сказать, что, тем не менее, обидно, что на германской земле убит один из гостивших на ней. В наше время, когда везде идёт борьба, когда между армянами и турками ещё продолжаются бои, с имеющимися фактами необходимо смириться. Каждому известно, что в период правления Талаата пролилось море крови и был уничтожен по меньшей мере один миллион человек — женщин, детей, старых, молодых. И если на улице Гартенберг к этому прибавилась ещё одна капля крови, мы должны тешить себя тем, что живём в страшное время. Я не преследую мысли здесь дать конечную оценку Талаату-человеку, но одно должен сказать. Несомненно, и он с рядом своих товарищей

стремился уничтожить армянский народ для того, чтобы создать чисто турецкое большое государство. Несомненно, для этого он применил меры, которые для нас, европейцев, неприемлемы. Но когда говорят, что в Азии жизнь ценится очень дешёво и подобные ужасы можно понять, не надо забывать, что в той же Азии находятся буддисты, которые с нежностью относятся, в частности, к человеку и даже к животным. Тем не менее, я не хочу сделать ответственным человека, который лежит под землёй. Ему соответствует то, что сказали два гениальных француза — Гюстав Ле Бон и Анри Барбюс об ужасах мировой войны: «За отдельными деятелями стоят духи, демоны, которые ведут их, они только примитивные орудия масс, правильных или ложных идей, наитий, которые разбрасывают людей по сторонам, словно шахматные фигурки. Эти деятели думают, что имеют волю, между тем, в реальности они действуют под давлением». Как бы ни было ужасно то, что имело место, тем не менее, мы не должны быть такими мелочными, чтобы всё это навязать несчастным личностям. Но ещё страшнее может стать, если немецкий суд к этой судьбе присовокупит спокойно созерцающую бесчестие истину в отношении этого человека, подвергнутого беспримерным испытаниям...

* * *

Фон Гордон словно торговался. Его интересовало спасение моей личности всеми возможными методами. Однако формальное толкование закона не есть то право, о котором он говорил в начале речи.

Совсем на иной основе построил свою защиту доктор Вертауэр. Сначала его голос звучал нежно и мягко, убедительной внутренней силой которого он словно убаюкивал слушателей. Но в этом голосе постепенно развился властный дух, стимулом которого было истинное право.

— Господа присяжные, — сказал он, — в предложенных вам опросных листах вы должны, во-первых, найти вопрос, относящийся к убийству. На этот вопрос вы должны ответить, «да» или «нет». И вот это есть предмет нашего рассмотрения. В отношении преднамеренности убийства вы должны дать отрицательный ответ, об этом я считаю лишним говорить. Я буду говорить только о том, должны вы ответить «да» или «нет» на вопрос в отношении убийства. Уже вопросник даёт вам основание для ответа «нет», потому

что там не сказано: «Убил ли обвиняемый Талаата-пашу?» А сказано: «Виновен ли обвиняемый в убийстве Талаата-паши?» Каждый человек чувствует, что обвиняемый должен быть признан невиновным. Несчастье в том, что вы, может, призадумаетесь о том, что обвиняемый убил человека. Не требует ли закон осудить его? Должен сказать, что с позиции того же закона это неправильный вывод. Согласно нашему германскому закону, следует признать обвиняемого невиновным. То, что чувствует здесь каждый человек в данном случае, не то же, что требует закон. Защита совершенно не имеет намерения несправедливым решением опорочить славу германского права, представителями которого являетесь вы, так же как и мы. Весь мир смотрит на нас, и ваше решение должно быть таким решением, чтобы даже после многих тысяч лет имело ценность в качестве решения права. Наш уголовный кодекс имеет общую и особенную части. В одной статье этой последней сказано: «Тот субъект, который умышленно убивает человека и т.д., признаётся виновным в убийстве». Но общая часть относится к каждому частному случаю отдельно. В этой части 51-я статья указывает, что в определённых случаях наказание не предусмотрено, если даже совершено одно из преступлений, упомянутых в особенной части, — воровство, убийство и т.д. Это та статья, которая относится к умственному и душевному состоянию совершившего преступление. Двумя статьями ниже есть другая, содержанием которой является «необходимая оборона», под которой понимается сопротивление нападению. Но в третьей части той же статьи сказано, что даже если необходимости в обороне не было, однако если данное лицо, поддавшись страху и панике, перешло границы необходимой обороны, опять оно освобождается от наказания. В отношении первого вопроса постановление высшей инстанции таково: если состояние невменяемости определённо принимается в качестве основы для отрицания наказания, при этом обстоятельстве уже недостаточно общего определения преднамеренности, но необходимо мотивировать, что совершивший поступок в данный момент не был ни в одном из состояний, предусмотренных статьёй 51. Недостаточно сказать, что суд не имел никакого основания признать невменяемость, наоборот, следует однозначно установить, что субъект в момент совершения действия не был ни в одном из состояний, предусмотренных статьёй 51. Значит, следует положительно установить, что не существовало мешающих воздействий. Если в этом

есть какое-либо сомнение, то в таком случае обвиняемый должен быть признан невиновным. Это то, о чём немного ранее вам уже пояснил д-р фон Гордон, говоря о разрушении свободной воли и о целостности «я». Я хотел бы добавить одну вещь. С незапамятных времён в народе в виде поговорки распространено выражение: «У человека голова идёт кругом». Это означает, что, во всяком случае, нарушено свободное сознание. В этом состоянии человек делает то, что в любом другом случае не сделал бы. Разрешите припомнить одно постановление высшей инстанции. Один субъект, обладающий чувством противоречия, идёт в церковь. Священник проповедует на тему, которая абсолютно противоположна мнению этого субъекта. Он слушает со всё большим интересом. Возбуждается и затем настолько забывается, что громко кричит: «Молчи, ты лжёшь». Этому субъекту судят за то, что помешал ходу мессы. Но его признают невиновным, потому что под воздействием сказанного священником его сознание смешалось и кровь так сильно ударила ему в голову, что в эту минуту он уже не владел собой.

Доктор Вертауэр говорил так, словно кроме присяжных никого не видел и его слова адресовались каждому из них в отдельности.

— Теперь всё то, что здесь было сказано об обвиняемом в момент совершения убийства, можно разделить на несколько частей. Если хотите предметно судить о воле, настроении и душевном состоянии обвиняемого в момент его поступка, то должны иметь в виду, что он принадлежит к южной нации, которая более легковозбудима, нежели северяне. Кроме того, имейте в виду, что, как сказал господин прокурор, эта страна имеет кровавые традиции. Известно, что где ступают турки, они несут впереди себя кровавый флаг. В 1683-м мы видим их у ворот Вены, если бы в то время они пришли бы сюда, в Германии многого не осталось бы. Определённые кровавые обычаи имеются у этих южных наций, и не только у турок, но и у армян. Этим объясняется тот факт, что армяне и турки официально находятся в состоянии войны. Где бы ни встречались представители этих двух народов, они выступают как враги и считают своим правом выходить друг против друга, как на войне. Когда обвиняемый сразу после случившегося сказал избивавшим его: «Я армянин, он турок, вас это не касается», он должен был добавить: «Кроме того, мы живём в состоянии войны и мести друг против друга».

Далее, вы здесь услышали также то, что Талаат приговорён к смерти. Решение суда или принимают, или отрицают. Если мы не

захотим признать решение другого суда, то не сможем требовать, чтобы другие признавали наши решения. Смертный приговор Талаату вынесен военным трибуналом. Я обычно не дружу с полевыми и военными судами, но где они есть, там, несомненно, имеются также порядочные судьи, которые принимают правильные решения. У меня нет никакого сомнения в том, что те высокопоставленные и образованные судьи, которые с большой ответственностью изучили и судили константинопольских преступников, также приняли правильное и справедливое решение...

Прокурор неприязненно пожал плечами и сделал для себя заметку.

— Нельзя сказать, что приговор принят под давлением английских корабельных пушек. Я никогда не слышал, чтоб английские судьи таким способом влияли на правосудие. Об Англии можно сказать что хотите, но английское правосудие служило примером во все времена для всех стран. Было бы правильно изучить основания этого приговора, и тогда мы увидели бы, что армянская резня, совместно с четырьмя другими обвинениями, доказаны, и согласно этому обвиняемые приговорены к смерти. В отношении к одному из приговорённых, который находился в Константинополе, приговор приведён в исполнение. Я лично против смертной казни, так же как и убийства. Однако Талаат после этого смертного приговора был вынужден бежать и скрываться под чужим именем, чтобы в отношении него приговор не был исполнен. В справедливости этого приговора я абсолютно не сомневаюсь. Считаю однозначно доказанным, что Талаат виновен в перечисленных злодеяниях. Но этот приговор повлиял и на каждого армянина. Каждый справедливый и мыслящий человек должен был думать: «Этот человек приговорён к смерти, значит, он совершил эти преступления, следовательно, достоин смертной казни». Наконец, следует иметь в виду всё то, что связано с необходимой обороной. Эти люди, Энвер и Талаат, проживали в Германии под чужими именами. Здесь было сказано, что они были «гостями» Германии. Я должен категорически отрицать это. Я не верю, чтобы германское правительство допустило, чтобы здесь скрывались под вымышленными именами в качестве гостей подобные преступники, бежавшие, бросившие свою родину. И Талаат, несомненно, позднее должен был отбыть вслед за Энвером, чтобы снова интриговать против армянского народа. И если кто-то, будучи освободителем своего народа, убивает его, то, без-

условно, делает это из страха, что этот человек — враг армянского народа и если выедет из Германии, то снова будет резать армянских женщин и детей. В широком смысле в поступке обвиняемого есть вынужденная самооборона...

Казалось, что среди окружающих только я понимал и чувствовал боль в связи со сказанным.

— Господа присяжные, я не хотел в суде говорить о политике, если бы господин прокурор не высказал ряд замечаний в этом плане в пользу Талаата. Он сказал, что убит «союзник Германии». Это неправда. Талаат и Комитет были союзниками прусского и военного германского правительства. Эти люди никогда не были союзниками немецкого народа. Правда то, что бывшее правительство Германии было их союзником. Правда то, что они скинули старое турецкое правительство и ценою моря крови около десяти лет оставались во главе власти. Но то, что Талаат и его товарищи были союзниками немецкого народа, этого я никогда и ни при каких обстоятельствах не могу принять. Талаат лично мог быть нормальным человеком, но он был одним из членов воинствующей команды, одним из тех, кто, хотя и не носят военного мундира, но, находясь у власти, издают приказы и зверски защищают знамя насилия. Приказ о депортации целого народа — самое чудовищное, что могло зародиться только в воинствующей голове. Если, как здесь было сказано, Комитет младотурок был уверен, что хорошие жандармы удалены и остались только подонки, в таком случае он не имел права отдавать приказ о депортации. И если, тем не менее, депортацию поручил подонкам, значит, он отвечает за последствия. Если даже армяне вступили бы в союз с другими народами и предали бы, всё же младотурки знали, что были тысячи женщин и детей, которые ничего об этом не знали, и, следовательно, первым условием приказа о депортации должно было быть строгое указание заботиться о женщинах, детях и тех мужчинах, которые не были связаны с «предателями». Если бы я не был против смертного приговора, при всех обстоятельствах счёл бы его справедливым по отношению к лицу, которое, исходя из соображений «военной необходимости», издаёт приказ, не беря на себя ответственность за его последствия в отношении невинных. Я просто считаю вздором всё то, что говорится об этой «военной необходимости». Если бы там в отдельных горных селах осталась та или иная часть народа, это совершенно не имело бы никакого значения для «военной необходимости».

Он обернулся к председателю, задержал дыхание, затем резко сказал:

— Армения всегда возбуждала аппетит наций, имеющих захватнические устремления. Народ Армянского нагорья всегда был добычей этих наций. Более чем 500 лет назад Армения была разделена на три части. Издавна чужие племена одно за другим, как ураган, проносились над Арменией. Те племена, которые опустошили Переднюю Азию, Венгрию и дошли до Рейна, люди вроде Атиллы, которые ещё остаются в нашей памяти, самым ужасным способом разрушали Армению, уничтожая народ. На этот многострадальный народ ремесленников и земледельцев напало правительство младотурков. Говоря «младотурки», следует понимать «старые турки», а старые турки — те же, что и люди грубой силы, поклоняющиеся войне. Когда началась война, Комитет младотурков подумал, что теперь может расчитаться с армянами, потому что ни одно большое государство не сможет им это запретить. Но это было не единственной причиной, была также религиозная ненависть и фанатизм, они хотели вырезать христиан и надеялись, что в рамках Корана будет возможно с большой лёгкостью претворить в жизнь старую турецкую идею грубой силы. И младотурки воспользовались случаем, чтобы уничтожить проживающий на далёких границах единственный христианский народ. Они не посмели так поступить с армянами, проживающими в Константинополе. Но в далёких местах, в адресованных вали телеграммах, копии которых у нас на руках, приказали уничтожить всех до последнего человека. И вот мы имеем перед собой убийство народа, ответственность за уничтожение которого лежит на Комитете младотурков, в частности — на их самом влиятельном министре Талаате-паше.

Теперь Вертауэр говорил так, словно судили его и он выступает с последним словом.

— Господа присяжные, утром 15 марта 1921 года в душе обвиняемого объединились воедино тысячелетние мучения, на которые наложилась повсеместная резня 1915 года. Невольно вспоминаю случай с Вильгельмом Теллем. Гослер высмеивает оскорблённый народ, осуждает его на рабство, заставляет Телля стрелять в яблоко на голове его родного сына. Какие в мире присяжные судьи осудили бы Телля, если бы он своей стрелой поразил наместника? Может ли быть что-либо человечнее, чем то, что предстало перед нами?..

Он на миг остановился, словно для того, чтобы услышать, если кто-то ему возразит.

— Мститель за один миллион убитых, мститель целого народа встал напротив лица, ответственного за убийство этого народа. Он выступил представителем духа справедливости против принципа грубой силы. Он пришёл как представитель человечности против бесчеловечности, представитель чистого права против бесправия. Он выступил как протест угнетённых против сборища угнетателей. Он пришел во имя одного миллиона убитых против одного, который вместе с другими виновен в этом преступлении. Он выступил как полномочный представитель своих родителей, сестёр, братьев, наконец, — сына своего брата двух с половиной лет. Армянская нация более тысячи лет вплоть до самого маленького ребёнка стоит за ним. Он несёт знамя справедливости, гуманности, знамя мести. Он думал об этом, когда бросился против того, кто дал осквернить честь его семьи, приказал уничтожить благополучие всех и уничтожить целый народ. Теперь вы, господа присяжные, решайте, что творилось в его душе и мыслях в момент совершения убийства. Только имейте в виду, что глаза всего человечества устремлены на это ваше решение... Это глаза справедливости.

Вертауэр обнажил истинную цену всех инсинуаций, которые распространялись младотурками также за пределами судебного зала с целью объяснения и оправдания резни. В этих условиях суд превращался в беззаконие, лишённое всякой моральной основы.

* * *

Профессор юридического факультета Кильского университета доктор Нимайер попытался пояснить эту сторону вопроса. Он остановился на внутреннем смысле буквы закона: закон только своей формальной сутью не может выявить справедливость. Нет почти никакого восприятия юридического правила, закона или статьи, которые человек не смог бы защитить на каких-либо логических основаниях. Но без логики закона восприятия души невозможно выявить справедливость. В юридической идеологии и статьях логика необходима как основа для техники, освещения, подготовки, инструктажа. Однако для осуществления правосудия она не может быть конечной и решающей основой. И в этом смысл суда присяжных, который призван, с одной стороны, оценить суть события на своё собственное свободное усмотрение независимо от формаль-

ных канонов доказательства, с другой стороны — оценить нюансы закона.

— Призвание юриспруденции — понять взаимосвязи и ожидать мёртвые статьи, — говорил он. Это соответствует смыслу жизни, государства, общества, смыслу человеческого общежития. Та статья закона, на основании которой вы, господа присяжные, должны вынести ваш вердикт, гласит: «Тот, кто умышленно убил человека, если убийство совершено преднамеренно, приговаривается к смерти». Таким образом, если на поставленный перед вами вопрос вы ответите «да», голова Согомона Тейлиряна падёт под топором палача. Но представьте, что при изменённых условиях кто-то выходит с иском против официального палача, обвиняя его в преднамеренном убийстве. Ведь «тот, кто умышленно убивает человека, если убийство совершено преднамеренно, приговаривается к смерти». В таком случае, господа присяжные, вы также должны сказать «да». Здесь, в Берлине, 40 лет назад один учитель юриспруденции так и утверждал. Но вопрос в том, что в данном случае в законе упущен маленький нюанс. В уголовном кодексе в многочисленных статьях решительно не сказано, что наказание зависит от незаконности. Добавьте в только что упомянутый закон одно слово и получите: «Тот, кто незаконно убил человека...» В таком случае правильным и согласованным будет осознание, что для наказания всегда необходима незаконность. У Тейлиряна это осознание относительно, национально окрашено. Во время обсуждения его незаконности следует исходить из той действительности, что для людей Востока, к числу которых относятся также армяне, хотя они и приняли христианство еще в 300 году, право, религия, обычаи есть одно и то же. Мы слышали, как на вопрос господина председателя: признает ли подсудимый себя виновным, обвиняемый ответил: «нет». А когда господин председатель его спросил: «Почему вы себя не признаете виновным?», подсудимый ответил: «Моя совесть спокойна».

Это очень понятно. Для него понятия морали и права однозначны. Он даже не может подумать, что если что-то правильно морально, то это может быть неправильными юридически. «Я убил человека, но я не человекоубийца», — сказал он. Он не может представить, что если с моральной позиции что-то хорошо, это может привести его к смертной казни. Я абсолютно убеждён, что чистая совесть обвиняемого даёт крепкое, как скала, осознание, что он действовал

согласно праву, истинному праву, которое только и ценно для него. К этому присоединяется отношение обвиняемого к своему народу. Армяне — это одна большая семья. Они были большим государством. В турецком государстве они проживали долгое время, как терпеливый народ. В 1830-м, когда освободились греки, в 40-х годах — египтяне, позже — балканские княжества: болгары, сербы, черногорцы, албанцы, румыны — армяне были спокойны, потому что надеялись, что и для них будут осуществлены преобразования, их жизнь и имущество будут защищены и они получают возможность в некоторой степени участвовать в управлении своей внутренней жизнью. Такими были хотя бы настроения 61-й статьи, принятой в 1878-м в Берлине. Но изменений не было, и со временем положение еще более ухудшилось. В 1896-м я два раза был в Константинополе, и то, что услышал о резне армян в 1895–96 гг., произвело на меня ужасное впечатление. Затем имела место резня в Сасуне, резня в Адана, наконец — депортация в 1915-м и повсеместная резня. И 15 марта 1921 года свершилось то, что нам всем известно. Хотим мы этого или не хотим, но должны признать, что этот судебный процесс — не такой, как любой другой. Он взрывает узкие рамки этого зала и принуждает нас обратить взор на глубинные причины и попытаться понять другой народ, других людей, другие условия и быть справедливыми по отношению к ним. Мы вынуждены вынести приговор второго районного суда так, чтобы были широко освещены суть права и связь этого дела со стремлениями человечества. Если захотите поступить так, не думаю, что вы приговорите к смерти Согомона Тейлиряна. В связи с этим судебным процессом, наконец, хотел бы, чтобы вы задали себе вопрос: «Какой результат будет иметь приговор? Результат не политический или какой иной, а какой результат будет иметь приговор с точки зрения высочайшей справедливости или иных благодеяний, для чего мы живём со стремлением сделать жизнь сносной и приличной...»

После речи Нимайера начался настоящий поединок между прокурором и защитниками. Прокурора уже занимали не столько требования закона, сколько моральные основы века, которым нанесли такой удар все три защитника. В этой части его речь была полностью направлена против Вертауэра.

— Господин второй защитник, — сказал он, — словно хочет разделить человечество на две части — поклонников войны, из сердца которых демон вырвал чувство справедливости, человечности и со-

страдания, и остальных, которые содержат в своей душе эти высокие качества. Вы, конечно, знаете великого поэта Генриха Гейне, он по каждому поводу восставал против бытовых принципов, которые произошли под воздействием христианства, и восславлял жизнерадостность классической Греции. Один из известных критиков поэта говорил о нём: «Когда он стал стар годами, в мире более ничего не видел, кроме чахлах назарейцев и тучных греков». То же самое напоминает разделением господином вторым защитником на поклоняющихся и не поклоняющихся войне. Но эту теорию я оставляю ему, а другой точке зрения я буду решительно противоречить. Ему не было приятно, когда я охарактеризовал убитого как верного союзника немецкого народа. Я должен повторить, что турецкий народ плечом к плечу воевал вместе с немецким народом и безусловно может характеризоваться как союзник последнего. Я не считаю почётным до такой степени отрезаться от прошлого, какой бы ни была политическая позиция личности. Я должен самым строгим образом опротестовать то, что господин защитник этих двух политических деятелей — Энвера и Талаата-пашей — охарактеризовал здесь оскорбительным образом как оставивших свою родину сбежавших преступников.

— Согласно статье 190-й Уголовного кодекса, — ответил на это Вертауэр, — известие о наказуемом деянии считается доказанным, если совершивший это деяние законно осуждён. Талаат, Энвер, Джемаль-паши и доктор Назим 10 июня 1335 года по турецкому календарю публичным военным трибуналом, который состоял из известных судей, осуждены как авторы позорного преступления, а именно — за резню армян и убийство невинных. Этот приговор законен. Неверно, и это противоречит Конституции Германии, говорить, что я совершил преступление, оскорбив людей, что я назвал преступниками лиц, осуждённых за самое подлое преступление. А пользовались ли эти, бросившие родину сбежавшие преступники, которые проживали здесь под вымышленными именами, защитой кого-то из поклонников войны, мне это неизвестно. Затем господин прокурор сказал, что турецкий народ как верный соратник бок о бок стоит с немецким народом. Это, конечно, правда, и никто не настаивает на противном. Но турецкий народ не ответственен за войну, так же как и не ответственен немецкий народ. И Талаат-паша и Энвер-паша стали предметом обсуждения не за то, что объявили войну, а за то, что предприняли депортацию, вслед-

ствие чего в отношении армянского народа осуществлены такие страшные преступления, похожих на которые нет в истории человечества. Я лично не в состоянии понять, как можно в этот вопрос вмешивать политику? В этом царстве низости распыляется всякая политика, и я не могу понять, как можно вымолвить даже слово в защиту приказов о депортации. Ведь и немецкий народ несправедливо становится подсудным из-за мысли о защите этого дела. Только безоговорочное отрицание подобных принципов, осуждение подобных преступных приказов могут обеспечить нам то уважение, какого мы достойны. Затем, когда я сказал, что поклонники войны являются защитниками грубой силы, ничего нового не сказал, и я поражаюсь, что господин прокурор воспринял это как новость. Тот, кто, как и немецкий народ, пострадал от подлых деяний поклонников войны, должен ненавидеть и искоренять их. Поклонники войны вне народа. Они имеют только чувство грубой силы, цель которой — задавить право. Суд должен судить справедливо и обвиняемому воздать по справедливости. Мы, защитники, здесь не вымаливаем пощады, мы только хотим, чтобы было применено правовое наказание. А справедливое наказание в данном случае в вопросе вины — это отрицательный ответ.

Это так потому, что в тот момент, когда обвиняемый спустился на улицу и направил пистолет на свою жертву, его воля не была свободна, это был не он: спускаясь на улицу, в нём спускалась стихия, миллионы убитых; он, можно сказать, нёс перед собой знамя чести всего своего народа, знамя всех истерзанных, осквернённых, изнасилованных семей...

Он взглядом метнул молнию в сторону кресла прокурора и обратился к присяжным:

— Как часто вы вынуждены были судить мужа, который, вернувшись домой, видит неверность своей жены и убивает её? У кого возникнет мысль осудить такого? А здесь? Ведь убиты все девы целого народа... Пример Генриха Гейне, что привел прокурор, меня совершенно не впечатлил, потому что я менее поэт, чем господин прокурор...

Создавшийся при этих словах игривый переполох на миг преврал его.

— Соображения нашего правительства, того правительства, которое заключило союз с Талаатом-пашой и Энвером-пашой, на меня также не подействовали, потому что перед заключением

этого союза никто не спросил моего мнения, так же как и мнения немецкого народа. Единственное, что меня волнует, это чтоб вы не сделали ошибки, думая, что, если обвиняемый убил человека, значит, виновен. В конце концов то, чего хочет господин прокурор, сводится к следующему вопросу: «Убил ли обвиняемый?» Тогда как мы хотим, чтобы вы задали себе вопрос: «Виновен ли обвиняемый в убийстве?» Мы просим, чтобы вы в этом вопросе соизволили быть с нами.

Полемика закончилась.

Председатель продиктовал присяжным необходимые сведения, пояснив, как необходимо подходить к вопросам и каким большинством голосов должен быть вынесен вердикт. Присяжные уединились для совещания.

Впечатлений дня было так много, и моральная атмосфера, распространённая вокруг дела, была настолько ободряющей, что любое наказание казалось мне легким. Около часу продлилось совещание присяжных, во время которого я мысленно бродил по всем тем местам, где имел знакомых, друзей, близких. Сама жизнь, наконец, состоит из подобных часов...

Присяжные появились. Один из них, очень близко держа бумагу к глазам, прочитал дрожащим голосом текст:

— Честью и совестью свидетельствую о вердикте присяжных: «Виновен обвиняемый Согомон Тейлирян в убийстве 15 марта 1921 года в Шарлоттенбурге человека — Талаата-паши?»

— Нет! Отто Райнике, предводитель присяжных.

Вдруг в зале загремели бурные громовые аплодисменты. Председатель подписал вердикт, попросил секретаря сделать то же и зачитать текст.

— Обвиняемый объявляется невиновным и освобождается. Расходы за его содержание под стражей относятся за счет государственных средств, — объявил председатель, когда секретарь завершил чтение...

Новые, более продолжительные аплодисменты прервали его.

— Приказ об аресте в отношении обвиняемого аннулирован...

Немецкая общественность словно хотела исправить ошибку, допущенную по отношению ко мне 15 марта. Судьи ушли, но ещё продолжались аплодисменты и ликование. Моментально передо мной появились мои соотечественники, защитники, они протягивают мне руки, поздравляют. Я не понимал, что должен делать,

пока конвоир не напомнил, что я должен пойти в тюрьму. Путь был недолог, и немногим больше — оформление освобождения. Когда я оказался на улице, там ещё была собрана толпа. Ликование общественности приняло характер демонстрации. Среди них прохаживались полицейские. В суматохе кто-то сгрёб меня в могучие объятия и, рыдая, начал целовать. Это был мушский Гарегин. Эфтян, Галустян, Закарян меня подталкивают к автомобилю, у которого стоят полицейские. Войдя в автомобиль, я увидел по другую сторону фрау Штельбаум, фрау Дитман, фрейлейн Байлензон, которые машут платками.

По широкой улице справа и слева нас сопровождают более десяти автомобилей. Соотечественники сопровождают меня в место, где собраны все армяне колонии...

**Письмо председателя Национальной делегации
Погоса Нубар-паши
доктору Е. Лепсиусу**

6 июня 1921 года

Дорогой доктор Лепсиус!

В газетах прочитал о ходе судебного процесса в отношении Тейлиряна. Вы объективно и беспристрастно вспомнили и осудили осуществлённые по приказу Энвера и Талаата-пашей зверства, чтобы объяснить поступок того, кто предстал перед берлинским судом.

Иного я не ожидал от Вашего большого сердца, помня Вашу отвагу и самоотверженность, с каковыми Вы, совершенно не колеблясь, брали на себя защиту армянства в такой период, когда подобное предприятие было гибельным, особенно для Вас.

Признание нашего соотечественника невиновным еще раз доказало, что есть судьи в Берлине, и не сомневаюсь, что Ваше вмешательство главным образом послужило освещению и пробуждению совести тех, кто объявил Тейлиряна невиновным.

От себя лично, от имени Национальной делегации и от всего армянства от всего сердца передаю Вам нашу глубокую признательность за новый факт заинтересованности, который осуществлён в пользу нашего вопроса.

Примите, дорогой Лепсиус, мои наилучшие чувства.

Погос Нубар

Содержание

Предисловие к русскому переводу	3
Изгнанники памяти	4
От издательства	7
Суд и приговор	8
Согомон Тейлирян (биографические заметки).....	10
Предисловие.....	12
Моей маме... ..	22
Глава 1. Из Сербии в Васпуракан.....	24
Глава 2. Геноцид.....	42
Глава 3. Вместе с Мурадом	58
Глава 4. Мы потеряли нашу родину.....	76
Глава 5. В Константинополе	101
Глава 6. В Америку	122
Глава 7. По следам зверя	140
Глава 8. Монстр низвергнут на тротуар.....	178
Глава 9. Судебный процесс	198
Глава 10. Прокурор требует смертной казни	224
Глава 11. Нет, не виновен!	237
Письмо председателя Национальной делегации Погоса Нубар-паши доктору Е. Лепсиусу	254

Научное издание

Тейлирян Согомон

ПОКУШЕНИЕ НА ТАЛААТА

Редактор *Б. В. Егоров*

Корректор *Е. Е. Баландюк*

Компьютерная верстка *Т. С. Дорофеева*

Подписано в печать 15.11.2010

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16

Тираж 3000 экз. Заказ № 4211.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28. (49638) 20-685

В книге воспоминаний Согомона Тейлиряна описаны события с 1915 года вплоть до покушения на Талаата пашу и последующий судебный процесс в январе 1921 года в Берлине. Процесс, который оправдал Тейлиряна, ещё раз напомнив европейской общественности о беспрецедентном преступлении против человечности — геноциде армянского народа со стороны младотурецкого правительства Турции.

ISBN 978-5-93136-140-6

9 785931 361406